Ярослав Шедивы

МЕТТЕРНИХ ПРОТИВ НАПОЛЕОНА

МЕТТЕРНИХ

Jan Halada
(Jaroslav Šedivý)

METTERNICH
KONTRA
NAPOLEON

Panorama
Praha 1985

Ярослав Шедивы

ПРОТИВ НАПОЛЕОНА

«Международные
отношения»
Москва 1991

ББК 63.3(0)5
Ш38

Ш $\frac{0503010000-076}{003\ (01)-91}$ КБ-41-3-1990

ISBN 5-7133-0379-9

© Перевод на русский язык
К. Н. Никифоровой, 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ

Судьбы книг бывают разными, а истории их возникновения — кое в чем характерными и для времени, и для автора. Интерес к прошлому международной политической жизни побудил автора обратиться к одному из важнейших событий в развитии дипломатии — Венскому конгрессу 1814—1815 годов. И тут при изучении литературы и опубликованных документов неожиданно для самого исследователя на поверхности событий оказалась фигура князя Меттерниха. Фигура рельефная, куда более многогранная, чем принято считать. Отсюда оставался уже только шаг к решению написать популярный труд о нем, а через призму этой исторической личности — и о времени наполеоновских войн, так как та пора и ее действующие лица представляют собой благодарную тему и для широкого круга читателей. Так возникла эта книга, предназначенная прежде всего любителям литературы факта и всем тем, кто с удовольствием по-

гружается в давнее, хотя во многих отношениях и весьма актуальное прошлое.

Из всей политической карьеры Меттерниха автор выбрал, бесспорно, наиболее интересный ее отрезок, связанный с дипломатической и внешнеполитической деятельностью австрийского дипломата на службе у двора Габсбургов в первые пятнадцать лет XIX века.

Это было время, отмеченное неизгладимой печатью Наполеона Бонапарта, наследника и ликвидатора Французской революции. Все императорские, королевские, княжеские дворы Европы были вынуждены так или иначе реагировать на его неутомимую деятельность, что происходило на фоне многолетнего соперничества и враждебности двух ведущих мануфактурных, а позже промышленных европейских великих держав — Великобритании и Франции. Даже революция XVIII века ничего не изменила в этом основном противостоянии, ибо взаимная неприязнь и конкурентные противоречия сохранялись, оказывая влияние на политику Франции, и в годы, когда внешнеполитическими делами стал заниматься Меттерних и когда в европейские проблемы оказались втянутыми все страны этого континента, включая и Российскую империю.

Наше исследование названо «Меттерних против Наполеона», но это не означает, что австрийский министр иностранных дел был единственным или главным среди тех, кто вступил в борьбу с Наполеоном. Автор хотел лишь показать, что Наполеон и его политика стали тем основным феноменом, в отношении которого в своей общественной деятельности той поры Меттерних должен был определиться; в результате под воздействием целого комплекса обстоятельств он оказался одним из тех, кто вступил с Наполеоном в финальную схватку.

Пусть читатель не ищет в книге синтеза истории дипломатии названного времени. Мы пройдем через

эти годы вместе с Меттернихом, посмотрим, что и как он предпринимал, из каких событий складывался образ времени, который определил или должен был бы определять его поступки, и вынесем свой вердикт. Не будем забывать, что речь идет о политике классовой, о времени, когда традиционные феодальные интересы уже столкнулись с интересами поднимавшейся революционной буржуазии. И хотя на страницах книги мы предоставляем возможность выступать от имени европейских держав лишь их главным представителям, не будем упускать из виду то обстоятельство, что сами эти страны по своему классовому характеру весьма различались. Великобритания и Франция уже прошли через буржуазную революцию, а в так называемых «северных державах» господствовали феодально-аграрные отношения, и их классовая структура находилась в эволюции. Такой подход к написанию работы может вызвать упрек, что она, мол, слишком персонифицирована. Однако автор выше уже заметил, что он не стремился дать суммированный анализ, а лишь намерен осветить ту часть истории, в которой отражена деятельность одного ее представителя.

Читатель здесь, возможно, заметит и некоторые незнакомые ему взгляды на события той поры, на то, как тогда «делалась» дипломатия, и особенно на главного героя повествования — Меттерниха, о котором не так уж много написано в чешской литературе, а самостоятельного целостного труда и вовсе нет. Вообще биографов у Меттерниха было относительно немного, и большинство из них восхваляли его. Возможно, так происходило потому, что они не слишком критически основывали свои изыскания на оставленных самим Меттернихом письменных материалах, которые по его собственному плану старательно обработал венский архивариус Альфонс Клинковстром. Эту подборку

избранных трудов сто лет назад за свой собственный счет издал сын Меттерниха — Рихард. Всем этим бумагам Меттерних придавал большое значение, повсюду возил их с собой и до самой смерти не выпускал из рук, так как именно с их помощью продуманно лепил свой образ для будущего.

Мы же попытаемся не преувеличивать, но и не приуменьшать его активного вклада в дипломатическую игру своего времени во всех тех случаях, когда следы такого вклада отчетливы и несомненны. Для Меттерниха схватка с Наполеоном стала, безусловно, одной из вершин его жизненного пути. А для Наполеона австрийский министр был одним из тех, с кем ему пришлось сражаться, причем по иронии судьбы в то время, когда силы у французского императора уже были на исходе. Не будь Меттерниха, на его месте оказался бы кто-то другой, такова уж закономерность истории.

Давно известно, что история представляет собой не только сумму поступков необычайных личностей, но и результат среднестатистической деятельности среднестатистических людей, в том числе и тех, кого случай поставил во главу исторического движения. Биографии политиков, полководцев и героев иногда создают ошибочное представление, будто все они были настоящими вождями, Личностями с большой буквы, писавшими историю мира. Когда мы читаем их собственные воспоминания, то каждая страница старается нас в этом убедить. Однако, как писал Энгельс, это чистая случайность, что в определенное время в определенной стране появляется такой, и именно такой, великий человек. Но если отрешиться от него, то замена находится, tant bien que mal (лучшая или худшая), но находится всегда.

Меттерних, которого Энгельс относил к «средним людям нашего времени», в определенной мере представляет собой прототип дипломата и дипломатии

начала XIX века. Ему не приходилось проявлять силу воли, идти на тысячи интриг для того, чтобы вскарабкаться наверх. Ему для этого было достаточно просто пестовать собственную карьеру, опираясь на знатное происхождение, богатство, определенную физическую привлекательность и интеллигентность. Он умел лгать, научился льстить, мог, где надо, проявить твердость, а при необходимости и слабость и со временем овладел всеми законами тогдашней политики. Поскольку Меттерних не был обременен патриотическими предрассудками, то в нужный момент мог вполне хладнокровно сыграть свою роль весьма полезного слуги австрийского императорского дома. Он был убежденным консерватором и с болью смотрел, как революция разрушает все то, на чем он строил свое существование. А когда у него появилась возможность вмешаться в политику (в 1813—1815 гг. даже определять ее направление в Европе), то он предпринимал все для того, чтобы сохранить прежние порядки, стараясь во имя легитимности, законности правящих династий сберечь для класса феодалов как можно больше их привилегий. Словом, его можно считать олицетворением политики периода разложения феодального строя и перехода к капитализму.

Для истории дипломатии наиболее интересен тот период его деятельности, когда он в качестве австрийского министра иностранных дел противостоял европейской политике Наполеона сначала в двустороннем столкновении, а затем в коалиции союзных государств, чтобы вместе с лордом Кэстлри привести европейские державы к определенному равновесию взаимоотношений и принятию совместного обязательства сообща выступать там, где в результате революции оказывается под угрозой власть старых господствующих династий. Никаким великим стратегом Меттерних не был, однако он

проявлял себя мастером тактики и отличался удивительным пониманием значимости нюанса и детали. Он не умел «создать» ситуацию, но был способен лучше других справиться с любыми обстоятельствами, отреагировать на любую неожиданность, застигнувшую его, воспользоваться ею или направить дальнейшее развитие в нужное русло. Он был игроком, мастером кабинетной политики, но в конце концов без большого труда овладел и правилами дипломатии конференционной, расцвет которой наступал в его пору. Он отличался, наконец, и холодной расчетливостью и ради успеха политической акции был способен спокойно обрекать тысячи людей на смерть и сотни тысяч — на разорение.

В течение всей своей жизни Меттерних оставался верным поклонником женской красоты, на его счету множество любовных авантюр и несколько «великих» привязанностей. Две женщины — герцогиня Заганьская и княгиня Ливен — оказали особенно заметное влияние на развитие его политического мышления и деятельность. Именно потому, что с точки зрения психологии личности отношение этого человека к женщинам являлось одним из побудительных мотивов его поступков, автор счел полезным бегло остановиться и на этой интимной стороне карьеры Меттерниха. Сделано это было не из стремления привлечь читательский интерес, хотя и такой довод не следует считать негодным, а ради того, чтобы воссоздать как можно более полно образ этой исторической личности.

Автор понимает, что главный персонаж нашего путешествия в прошлое — далеко не положительный герой, но, увы, в сферах власти тех времен решения принимали отнюдь не всегда люди чистых помыслов и высокой морали. Однако, чтобы понять внешнюю политику и дипломатию эпохи, необходимо познать и ее исполнителей, которых истори-

ческая случайность вывела на политическую сцену. Ибо, говоря словами Маркса, история носила бы слишком мистический характер, если бы «случайности» не играли в ней никакой роли. Эти случайности сами вписаны в картину всеобщего развития и, в свою очередь, бывают уравновешены случайностями иными. Однако ускорение или торможение также весьма часто связаны со «случайностями», к числу которых относятся и такие, как черты характера людей, оказавшихся во главе исторического развития.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ РУССКОГО ПЕРЕВОДА

Предисловие, которое вы только что прочитали, я написал в ноябре 1984 года, когда уже было ясно, что моя книга о Меттернихе выйдет в свет в Чехо-Словакии. Обратите внимание на его первую фразу: «Судьбы книг бывают разными, а истории их возникновения — кое в чем характерными и для времени, и для автора». Это был всего лишь вздох, большего я сказать ничего не мог. Тогда тянулось то странное двадцатилетие, что началось в августе 1968 года, после того, как в нашей стране снова появились советские танки, только на этот раз не для освобождения, а, наоборот, для подавления той великой, может быть, несколько утопической попытки превратить социализм в действующую систему.

Самое страшное восточное проклятие с давних времен — проклятие забвением: «Да будет забыто имя твое!» Режим, который в минувшие десятилетия господствовал в Чехо-Словакии, буквально с педантичной последовательностью доказывал, как много он перенял у восточной деспотии. Когда я, подобно десяткам моих коллег, осмелился назвать ложь ложью, а преступление преступлением, я перестал быть научным работником и стал рабочим. Мои книги были изъяты из библиотек, мое имя вычеркнуто из каталогов и уже не смело появиться под

каким-либо моим трудом. Я стал одним из тех, кому запрещалось публиковаться и вообще заниматься творческой деятельностью ни под своим именем, ни под псевдонимом. Такие, как я, должны были быть забыты.

Что делать автору, который, несмотря на все это, написал книгу? Оставить рукопись в ящике письменного стола? Были три возможности: опубликовать ее в самиздате тиражом в 50 экземпляров; издать книгу за рубежом максимальным тиражом в 5 тысяч экземпляров; наконец, попробовать напечатать свою работу на родине хотя бы под чужим именем, несмотря на риск, который был связан тогда с подобного рода непослушанием.

Я задумал книгу о Меттернихе, так как не мог писать о современной внешней политике, изучением которой когда-то занимался. Каждый день после работы, а работал я тогда мойщиком окон, я усаживался за письменный стол. Великолепное ощущение, что я изучаю и творю, становилось самообороной, способом самовыражения, давало возможность поддерживать определенное душевное равновесие и сохранять необходимую долю уверенности в себе. Когда текст был готов, я стал искать кого-нибудь, кто дал бы мне взаймы свое имя и был готов приложить усилия, необходимые для того, чтобы книга нашла путь к читателю. И я встретил Яна Халаду, который взялся за это дело, несмотря на известный риск. Лишь несколько близких друзей знали, кто подлинный автор книги «Меттерних против Наполеона», когда она впервые увидела свет в 1985 году, а Яну Халаде было отнюдь не легко отвечать на вопросы тех, кто ничего не знал о действительном авторе работы.

Это была не первая книга, которую я издал таким образом. В 1978 году Иветта Гержтова подписала за меня работу о восстании декабристов в России в 1825 году, названную мной довольно невыразительно — «Покоренная революция».

Продумывал я ее летом 1970 года, когда был арестован и в течение долгих месяцев находился в пражской тюрьме в Рузине, где побывали многие мои коллеги и друзья, в том числе и президент Чехо-Словакии Вацлав Гавел, и нынешний министр иностранных дел страны Иржи Динстбир. В свое время я изучал двенадцатитомное собрание протоколов допросов декабристов, изданное в 20-е годы советским историком профессором Покровским. Меня и раньше интересовал вопрос, почему эти царские офицеры, проявившие столько мужества и конспиратив-

ной изобретательности в течение почти 10 лет подготовки к восстанию против царя, потом, в заключении, оказались сломленными, расколотыми, повели себя немужественно и неизобретательно. Насколько мне известно, советская историография меньше всего обращала внимания на эту особенность их великого дела. И лишь тогда, когда мне на самом себе пришлось познать, сколько усилий необходимо приложить человеку, чтобы не поддаться разрушительному воздействию тюремной среды, мне показалось, что я стал лучше понимать судьбу декабристов, чем многие другие исследователи, а потому и решил написать о них книгу. Книга вышла в свет, как я уже упоминал, под чужим именем в Праге в 1978 году.

Меттерних заинтересовал меня по двум причинам: сначала как весьма ловкий министр иностранных дел дома Габсбургов, а потом и как поклонник и любовник герцогини Заганьской. Семейный архив Меттернихов, чье родовое поместье с замком Кинжварт находилось в Западной Чехии, в начале 50-х годов был собран и передан в Государственный центральный архив. При его обработке чешский историк и архивариус Уллрихова обнаружила более 600 писем из переписки Меттерниха с Заганьской. Примерно третья их часть была издана Венским историческим обществом. Это поразительные, просто фантастические письма, и, очевидно, я первым использовал их в своей книге. Трудности, однако, заключались в том, что работать в архиве и изучать неопубликованную переписку я не мог: в научную библиотеку мойщику окон доступ был закрыт. И даже если бы меня туда пустили, пришлось бы заполнять бланки заказов материалов — и тем самым я оставил бы свои следы. Поэтому с корреспонденцией Меттерниха и Заганьской мне пришлось знакомиться сложным образом, опять-таки с помощью друзей. По той же причине и в книге я на конкретные архивные документы не ссылался.

Так шла работа, так мы жили. Я не был единственным, кто подобным образом сумел довести свою книгу, свой труд до печати, а потом и к людям. Были великолепные, порой комические, порой грустные моменты, когда где-нибудь в обществе мне доводилось услышать похвалу книге о Меттернихе или даже сталкиваться с тем, как ссылаются на приведенные в ней факты, рассказывают истории из жизни этого политика и страстного любовника герцогини Заганьской, а я не мог даже намекнуть, что книга — плод моих трудов! Разве не свидетельствует и это об извращенности системы, поддерживавшейся усилиями малокультурных людей?

Я благодарен всем, кто мне помогал. Ведь книга живет только в том случае, если у нее есть читатели, а не тогда, когда она лежит в виде рукописи в столе или несколько ее экземпляров ходит по рукам среди друзей. Я надеюсь, придет день, когда кто-нибудь напишет почти детективную историю о том, «кто был кто» в чешской литературе 50—80-х годов.

Когда после всех этих лет в декабре 1989 года мы вместе с новым министром пришли в министерство иностранных дел в пражский Чернинский дворец и нам предстояло разрабатывать новую чехословацкую внешнюю политику, я спросил себя: а не мог бы мне помочь опыт, полученный в результате изучения внешней политики Меттерниха, хотя бы как своего рода источник, импульс для размышлений? И ответом было «да». И «да» в отношении той последовательности, с которой Меттерних провел свой исторический поворот в 1813 году, а также в познании того, сколь важна для Центральной Европы политика равновесия сил на всем континенте.

Я рад, что моя книга под моим собственным именем впервые выходит именно в Москве. Я готов поверить в символичность этого.

Ярослав Шедивы

1.

ФЕНОМЕН НАПОЛЕОНА

Девятнадцатый век — век великих открытий, новой техники, использования паровой машины, первой железной дороги, первого телеграфа и первого телефона, век, когда деньги стали значить больше, чем дворянский герб, — пробудился к жизни под знаком великих походов наполеоновских войск, маршировавших через всю Европу. Гегель утверждал, что все исторические события и личности предстают перед миром дважды, а Маркс в своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» добавил, что в первый раз это происходит как трагедия, а во второй — как фарс. Эпоха Наполеона I, однако, далеко не была фарсом. Допустим, что Цезарь и Александр Македонский являлись его предшественниками и служили ему примером, но и правление самого Бонапарта вошло в историю с не меньшими горами трупов, насилием, и такое, увы, не стало в истории редким явлением. История и далее продвигает вперед свою триумфальную колесницу по грудам мертвых тел, и не только в военное время, как печально отметил Энгельс в одном из своих писем.

Так что же такое «феномен Наполеона»? Библиографы утверждают, что до настоящего времени об этом человеке было написано и издано более двухсот

тысяч различных трудов. Такое количество печатного материала скорее способно затушевать суть явления, нежели прояснить ее. Наполеон, бесспорно, был великим человеком и, как каждый гигант, «создал» целый ряд других великих, также вошедших в историю, и соратников, и — числом еще большим — противников. А когда бой отгремел, нашлось немало и таких, кто приписывал себе заслуги в его поражении, в победе над ним. Иные — по праву, а другие — в надежде, что сто раз повторенная ложь однажды станет правдой.

Начиная с установления якобинской диктатуры ход событий во Франции предвещал появление Наполеона. После якобинцев на историческую сцену вышли мужи Директории. Пять лет их правления стали порой хаотических стычек между различными политическими группами — от радикалов до роялистской реакции. У нескольких посредственных деятелей, представлявших собой Директорию, были некоторые успехи за границами страны, причем их собственный вклад в это был весьма скромным, и провалы — дома, ибо они не думали ни о чем ином, кроме собственной выгоды. Им была чужда мораль, они не понимали необходимости экономического и финансового обновления Франции и, не заблуждаясь относительно своей честности, опасались любых перемен. Единственный среди них порядочный человек — бывший саперный офицер королевских войск, а позже талантливый математик Лазар Карно — никак не мог уравновесить растущую плохую репутацию этого высокого собрания, погрязшего во взятках и интригах. Олицетворением последних «достоинств» стал другой влиятельный член Директории — Баррас. А все вместе они руководствовались довольно странной для государственных деятелей философией — просто воспринимали вещи такими, какими они до них доходили. Хотя во имя революции французские солдаты опрокидывали королевские троны в Нидерландах, Южной Германии и Северной Италии и повсюду создавали республики, это нисколько не мешало французским чиновникам во имя той же республики основательно грабить «освобожденные» страны. Да и сам Наполеон, заявлявший в воззвании к итальянцам, что французские войска пришли, дабы «освободить их от цепей», одновременно в донесении в Париж писал: «Из этой страны мы

выжмем 20 миллионов франков на одних только налогах. Это одна из самых богатых стран мира»*.

Уже много раз случалось в истории, что правительство, дни которого были сочтены, а провал политики — очевиден, вынашивало в самом своем лоне того, кто затем отправит его в могилу, оплюет и очернит. Наполеон, которому во время итальянского похода 1794 года было поручено командовать артиллерией, несколько раньше сам чудом избежал гильотины за свой юношеский якобинский фанатизм. Весной 1795 года он явился в Париж, заводил различные знакомства и долго искал возможности отличиться. Когда осенью того же года вспыхнуло восстание роялистов, Баррас поручил ему подавить это восстание. Наполеон исполнил поручение с присущей ему энергией. Тогда не нашлось другого офицера, который был бы готов отдать приказ, чтобы по людям стреляли из пушек. Он появился в Париже, как свидетельствует госпожа Жюно, о которой мы еще услышим, «нечесаный, небрежно напудренные волосы висели поверх воротника его серого плаща», без рукавиц и в грязных сапогах.

После жестокостей якобинской республики «в Париже поблекла звезда Свободы, ее затмили Меркурий, Марс и Венера!», то есть деньги, мундиры и развлечения, как повествует об этом современник.

Наполеону повезло. После того, как он подавил повстанцев и был назначен командующим парижским гарнизоном, на него обратил внимание самый честный из членов Директории — Карно. К тому времени Наполеон женился на молодой вдове Жозефине Богарне, бывшей на хорошем счету у самого большого прохвоста той же Директории — Барраса, что и не удивительно, ибо Жозефина состояла у него в любовницах. Все это и стало, очевидно, главными причинами назначения Наполеона главнокомандующим «итальянской армией», то есть французскими войсками, воевавшими в Италии. Был у него смелый план, который он обдумывал в течение нескольких лет, — вытеснить из Италии Австрию. Свое назначение он сполна использовал для осуществления этого замысла.

* Автор не считает необходимым утомлять читателя ссылками на литературу, откуда взяты различные цитаты. Наиболее значительные источники и публикации, послужившие фундаментом для работы, приводятся в конце книги.

В Италии Наполеон добился значительных успехов, показав свои воинские и командирские способности. Военную экспедицию 1796—1797 годов он закрепил Кампоформийским миром, согласно которому Венецианская Республика была разделена между Австрией и Францией. Тогда же Наполеоном овладела мысль завоевать Египет и Индию.

В октябре 1797 года, еще до возвращения из Италии, Наполеон был назначен командующим «английской армией», то есть войсками, готовившимися к нападению на Британские острова. После Кампоформийского мира Англия оставалась единственным неповерженным недругом Французской Республики, однако в ту пору англичане по-прежнему были непобедимы на море. Известно изречение Наполеона, относящееся к 1797 году: «Недалеко время, когда мы поймем, что для действительного разгрома Англии необходимо завладеть Египтом». Влиятельные круги французской буржуазии разделяли это мнение, ибо стремление иметь сильные позиции в Египте соответствовало их тогдашней колониальной политике. Англия, аннексировавшая ряд французских колоний (Мартиника, Тобаго и др.), подрывала колониальную торговлю Франции. Наполеон получил поддержку Парижа и согласие на новую военную экспедицию. В мае 1798 года французский флот покинул гавань в Тулоне и взял курс на Египет. Однако итог египетской кампании не был однозначным. Французские войска, утомленные плаванием и потрепанные турками, хотя и одержали победу в битве у Абукира*, в остальном успехов не добились. В августе 1799 года Наполеон покинул свою армию и после почти двухмесячного плавания вернулся в Париж.

Вернулся он вовремя. Недовольство правлением Директории достигло апогея, набирала силы оппозиция и справа, и слева. Коррупция, финансовые скандалы, экономический крах, не пошедшие впрок результаты итальянской кампании, нравственный упадок общества питали во всех слоях населения стремление к переменам, покою, правлению сильной руки. Особенно жаждала стабильности, порядка, требовала гарантий своему имуществу и безопасности крупная буржуазия. А тут рядом вдруг оказался человек, который не крал, слыл сильной лич-

* Имеется в виду битва на суше 28 июля 1799 г.

ностью и к тому же оказался отличным солдатом. Заговор смёл директоров вместе со всей Директорией, и Наполеон стал первым из трех взявших власть консулов. Шел 1799 год, и день 9 ноября вошел в историю как 18 брюмера Наполеона Бонапарта. Слабую, расшатанную власть Директории предстояло заменить властью буржуазии, ее диктатурой.

В результате минувших революционных лет во Франции произошел передел собственности. Буржуазная собственность стала основой новой экономической системы, она взяла верх над собственностью феодальной. Появились новые люди — предприниматели, капиталисты, финансовые тузы, а в сельской местности поднимался сильный класс свободных крестьян. Но всех по-прежнему мучил страх, как бы не утратить свое новоприобретенное имущество. Страх внушали как сторонники уравниловки слева, так и бывшие феодалы справа. Потому-то новые состоятельные люди поддерживали идею крепкой власти, потому-то столь большую роль начали играть полиция и армия, а когда Наполеон взял как первый консул всю власть в свои руки и установил некое подобие военной диктатуры, буржуазия перешла на его сторону. В обществе, еще недавно раздираемом политическими страстями и борьбой партий, он использовал старую идею Руссо о национальном примирении, которое в его понимании означало конец споров между различными группировками и сплочение во имя высшей цели — служения Родине. Тем самым Наполеон и заложил идеологическую основу для своего будущего авторитарного правления.

Первым, что сделал Наполеон, было прекращение издания независимых газет и журналов и введение цензуры. Это был дальновидный шаг, если учесть молодость Наполеона и его небольшой политический опыт; подобным образом затем поступали все диктаторы более поздних времен. Любое упоминание о революции и ее героях в литературе, пьесах немилосердно вычеркивалось. Одновременно Наполеон покончил и с парламентским режимом, но зато стал последовательно поддерживать промышленность и торговлю. По его инициативе был создан Французский банк, заведена система преференций, защищавшая французских производителей от заграничной, прежде всего английской, конкуренции.

У истории есть свои мыслители, о которых она вспоминает с любовью и почтением, есть и организаторы, восхваляемые или бранимые ею, но которые, тем не

менее, оставили на облике общества неизгладимый след своей деятельности. И Наполеон, этот солдат, достигнув во Франции высшей власти, сфокусировал свои устремления на преуспевании. Солдату были в высшей мере чужды любой беспорядок, неразбериха, несистематичность, неэффективность государственного механизма. Если великих демократов-просветителей дореволюционной поры волновали в первую очередь права человека, то Наполеон свой основной интерес сосредоточил на использовании рабочей силы. Стараясь добиться более высокой эффективности в экономической жизни французского общества, он решил взять под контроль труд и мышление человека. Он завел рабочие трудовые книжки, надиктовал «Гражданский кодекс» (Code civil) и попытался конкордатом* с церковью привлечь на сторону своей политики и духовенство. Он расчистил простор для свободного предпринимательства и свободной конкуренции, так что, говоря словами Маркса, создал внутри Франции условия, при которых стали возможными развитие свободной конкуренции, использование разделенной на участки земельной собственности и промышленной мощи народа, а за границами Франции, если это было ему необходимо, он повсюду сметал феодальные образования, чтобы создать для французского буржуазного общества на Европейском континенте среду, отвечающую потребностям эпохи.

Наполеон мог бы наслаждаться и миром. В декабре 1800 года генерал Моро, один из талантливейших французских полководцев, славы которого опасался и сам Наполеон, в слякоти и дожде поразил у баварского селения Гогенлиндена австрийцев, после чего те 9 февраля 1801 г. подписали в Люневиле мирный договор с Францией. Англия, где фанатический недруг Наполеона Уильям Питт был вынужден оставить кресло премьер-министра, подписала мир с Францией в Амьене в марте 1802 года. Таким образом, Наполеон мог бы посвятить себя искусству государственного правления. Войны расширили пределы страны, а договор с Великобританией вернул Франции оккупированные англичанами колонии (кроме Тринидада и нидерландских колоний на Цейлоне) и обеспечил ей такую безопасность, какой она никогда

* Конкордат — договор папы Римского с правительством какого-либо государства, определяющий отношения между католической церковью и данным государством.

прежде не имела. Внутреннее положение консолидировалось настолько, что Франция, будучи в военном отношении сильнейшей европейской державой, могла стать и экономически крупнейшим конкурентом или партнером Англии. Хотя революционный энтузиазм французов еще не улетучился, но крупная буржуазия, промышленники и финансисты уже с доверием обращали свои взоры к Наполеону. Когда же он в 1804 году провозгласил себя императором, то приобрел тем самым не только великолепный двор со старой и новой аристократией, но и почти всеобщее доверие и поддержку.

Правда, нация была застигнута врасплох. Республику, это важнейшее политическое завоевание революции, у нее отобрали. Но поскольку народ, тем не менее, все еще продолжал ликовать, Наполеон возмечтал, как бы своим величием превзойти и самого Цезаря. Введя систему префектур, он добился централизации всей общественной и политической жизни, а с помощью своего министра Фуше так реорганизовал полицию, что отныне ее агенты шныряли во всех наиболее значительных сферах общественной жизни. Император начал развивать банковское дело, строить дороги и прокладывать каналы. Одновременно он приглушал республиканские идеи, а эмигрантам предложил вернуться на Родину, тем более что многие из них были рады забыть о Бурбонах и подчиниться новому владыке. Религия нужна была Наполеону для того, чтобы держать в смирении простой народ. Он еще учредил орден «Почетного легиона», и можно только удивляться, как это с помощью кусочка орденской ленточки ему удавалось превращать многих бывших противников в своих сторонников. Об общем образовании Наполеон не заботился, но зато большое внимание уделял созданию промышленных учебных заведений и высших школ.

Без особой поспешности, но достаточно уверенно Наполеон и внешней пышностью своего двора стал подражать нравам славной эпохи римских императоров. Возводились триумфальные арки, ставились античные колонны. Не подавлял он в себе и духа корсиканца, не пренебрегая обычаями предков, повелевавшими заботиться о семейном клане. Для своих многочисленных, в большинстве своем не особенно образованных, братьев и сестер он создавал высокие посты, а матери, которая могла выпороть своего отпрыска и в его шестнадцать лет, посылал деньги, чтобы она имела возможность, что называется, как следует пожить. Впрочем, мать была,

пожалуй, единственным человеком, которого слава сына не ослепила. Она жила по-старому, копила деньги и, не впадая в иллюзии, писала сыну: «Когда все это кончится, будешь радоваться моим сбережениям».

Годы спустя, проводя долгие и нудные дни изгнания на острове Святой Елены, правя записи своих воспоминаний и ведя бесконечные разговоры о том, где и какую он допустил ошибку, Наполеон никогда не признавал того, что первый шаг к своему падению он сделал вскоре же после 1802 года, когда дал понять, что, несмотря на Амьенский договор, намеревается все-таки продолжить борьбу с Великобританией за главенство в мире.

Конечно, историку в наше время легко говорить, что Наполеон мог сохранить мир. Однако действия этого человека определялись тогдашней логикой развития. Если он хотел, чтобы Франция добивалась успехов как во внутренней, так и во внешней политике, ему ничего не оставалось, как попытаться справиться с английской конкуренцией. И Наполеон весьма скоро оказался перед проблемой, порожденной противоборством двух великих европейских держав — Франции и Великобритании, которое по меньшей мере с XVII века роковым образом воздействовало на европейскую (и мировую) политику. Ничего не изменила в этом противостоянии и революция XVIII века. А так как Наполеон был прежде всего солдатом, военный путь решения проблемы оказался ему наиболее близок.

Солдат в первую очередь ищет союзника. Наполеон попытался найти его в России, с которой Франция до той поры находилась в состоянии войны. Как ни странно, но произошло это именно в то время, когда российский император Павел I раздумывал, как бы сблизиться с Францией, которая уже не представлялась ему столь революционной. При первых контактах выявились и первые признаки общих интересов, даже столь фантастических, как мысль завоевать Индию, эту жемчужину британской короны, и завоевать с суши (на морях Великобритания оставалась непобедимой), послав туда русские войска через Азию. Подготовленный двадцатипятитысячный казачий корпус был уже отправлен на разведку. Переговоры о мире с Францией и заключении пакта против Великобритании втянули и Россию в состояние войны с островной державой.

Английская политика отреагировала типично колониальным образом. Посол Великобритании в Петербурге Чарльз Уитворт, воспользовавшись недовольством аристократии антибританским курсом царя Павла, установил с помощью одной дамы, Ольги Александровны Жеребцовой, тайную связь с ее братом графом Платоном Зубовым и другими организаторами готовившегося заговора против царя, став таким образом его соучастником. В ночь на 12 марта 1801 г. Павел I был убит в Михайловском замке в Петербурге.

Старший сын Павла наследник престола Александр знал о заговоре и поддерживал его. Он вступил на трон, принеся всеобщее облегчение не только Англии, но и всей Европе, ибо перспектива заключения франко-русского союза, что означало бы союз над Европой и против нее, пугала все тогдашние монаршие дворы на континенте. Запятнанный кровью своего отца Александр I поначалу выступал как идеалист и либерал, но весьма скоро вошел в роль человека, которому в Европе принадлежит главное слово.

События в России не привели Наполеона в смятение. Без всякого смущения он дал понять, что намеревается присоединить к Франции Италию и Нидерланды, чем еще раз подтвердил, что Амьенский мир, заключенный в марте 1802 года, был для него лишь тактической передышкой. А когда в 1803 году французские войска вторглись в Швейцарию и принудили ее принять новую конституцию, согласно которой существовавшая тогда Республика Гельвеция превращалась в конфедерацию кантонов, зависимых от Франции, кризис достиг высшей точки, и Франция опять оказалась в состоянии войны с Англией. Во главе британского правительства снова стоял Питт, полный решимости не дать Наполеону возможности ослабить Великобританию.

Несмотря на ясное и прямолинейное мышление, Наполеон не почувствовал, что в грозящей войне с Великобританией судьба может впервые отвернуться от него. Его мозг военачальника и шахматиста (известно, что Наполеон страстно увлекался шахматами) не был, тем не менее, в состоянии предугадать, как такой шаг изменит положение на шахматной доске дипломатии, хотя рядом с ним находился человек, умевший видеть на несколько ходов вперед — князь Талейран Перигор. Может показаться удивительным, но этот способный солдат и полководец недооценил и соотношение военных

сил. Иначе как объяснить, что он не учел английское военно-морское преимущество? Чтобы осуществить свои амбициозные планы, он должен был обеспечить хотя бы равновесие своих и английских сил на море. Возможно, для этого хватило бы двух-трех мирных лет, однако нетерпение и болезненное тщеславие оказались плохими советчиками.

И произошло то, что рано или поздно случается со всеми диктаторами. Одинокий муж, оказавшийся во главе государства, уверовал в свою счастливую звезду и не сумел терпеливым дипломатическим трудом привлечь на свою сторону союзников для борьбы против Великобритании. Более того, он умудрился постепенно восстановить против себя почти всех. В мае 1803 года дипломатические контакты между Великобританией и Францией были прерваны. 1803—1805 годы уже стали прелюдией к войне: у Франции пока не было достаточно сильного флота, чтобы угрожать Британским островам, а Великобритания не располагала сильной армией, чтобы одолеть армию французов.

Что же делает в такой ситуации Наполеон? Организаторская страсть побудила его развить давление на сейм Священной римской империи германской нации, и тот уже в марте 1803 года сдался, согласившись с ликвидацией многих карликовых немецких государств, лишив самостоятельности около пятидесяти немецких городов и церковных курфюрств, за исключением курфюрства Мангеймского, и, наоборот, расширив владения южнонемецких государств — Баварии, Бадена, Вюртемберга и Гессена, которые находились в полувассальной зависимости от Франции. Результат был однозначным: влияние Австрии и Пруссии на немецкие государства сильно упало. Вместо того, чтобы постараться привлечь эти две европейские державы на свою сторону, Наполеон толкал их в лагерь противника.

Но была еще и Россия. После смерти Павла I оставалось по-прежнему неясно, будет ли Россия поддерживать Великобританию. Александр I старался создать впечатление, будто он тоже причастен к некоторым шагам французского правительства, в частности к перестройке западногерманских государств. Министр иностранных дел Наполеона Талейран формально обговаривал ряд организационных и административных шагов по ликвидации немецких государств с русским послом в Париже графом Морковым. Новый русский царь после вступления на пре-

стол хотя и отозвал казацкий корпус, направившийся, было, в Индию, и установил дружеские связи с Англией, однако и вида не показывал, что намеревается прервать контакты с Францией. Пессимисты, с сомнением взиравшие на европейские дела, начали, было, снова опасаться возможности возникновения русско-французской коалиции. Становилось явным, что французские усилия, направленные на привлечение в свой лагерь молодого царя, ткались из тончайшей дипломатической пряжи хитрейшей в истории лисой, когда-либо восседавшей в кресле министра иностранных дел, — Шарлем Морисом Талейраном Перигором, ставшим с 1806 года еще и князем Беневентским.

Однако и он допустил ошибку, ибо и самый гениальный шахматист не может заглянуть вперед дальше, чем на шесть-семь ходов. Талейрану даже присниться не могло, какими последствиями для русско-французских отношений обернется нашумевшая в марте 1804 года история с герцогом Энгиенским.

Нельзя сказать, что Наполеон недооценивал французских роялистов. Хотя своих опасений или страха перед их возможным заговором он открыто не показывал, тем не менее агенты Фуше рыскали повсюду, стараясь схватить любой след. Скорее всего Талейран первым подбросил Наполеону мысль устранить с политической арены молодого герцога Энгиенского, принца из династии Бурбонов, жившего в эмиграции на территории Бадена, который мог выступить в роли вождя роялистов. Наполеон, известный своей подозрительностью, сначала колебался, ибо предприятие, предложенное, судя по всему, все-таки Талейраном, было не в его стиле. Но Талейран якобы утверждал, что герцог действительно является вождем роялистов и те готовят покушение на французского императора. Тот же Талейран настаивал, чтобы командующему пограничными войсками генералу Коленкуру, который недавно вернулся из эмиграции и присоединился к Наполеону, был отдан приказ захватить герцога в Бадене и доставить во Францию. После недолгих сомнений Наполеон согласился. Много позже, уже на острове Святой Елены, он говорил своему врачу-англичанину: «Князь Беневентский дважды приносил мне приказ на подпись и со всей энергией, на какую он был способен, настаивал, чтобы я этот приказ подписал. У меня голова шла кругом от всех этих разговоров, что пока в живых останется хотя бы один Бурбон, новая династия не закрепится...»

В результате отряд полиции захватил герцога в чужой стране, переправил через границу и доставил его в Венсенский замок, где, несмотря на явный недостаток доказательств, 21 марта 1804 г. военный суд приговорил его к смерти. В ту же ночь герцог был расстрелян у крепостной стены. Перед смертью он написал письмо Наполеону, которое Талейран задержал; осужденный хотел говорить с Бонапартом, но получилось, что того никто об этом не известил.

Это политическое убийство вызвало за границами Франции шоковую реакцию. Талейран попытался загладить последствия, вызванные казнью герцога. Он направил баденскому правительству письмо, полное лжи и клеветы, в котором старался объяснить причины нарушения государственного суверенитета этой страны. Реакция европейских дворов была внешне растерянной, а за закрытыми дверьми — абсолютно отрицательной, однако никто не отважился сердить могущественного Наполеона протестом по поводу убийства представителя бывшей правящей династии.

Тем не менее нашелся человек, которому не нужно было опасаться Наполеона, ибо тот сам обхаживал его, — русский царь Александр I. Он резко и совершенно открыто осудил казнь герцога. Наполеон был в бешенстве. Потом в его голове родилась мысль ответить на оскорбление оскорблением. По его приказу Талейран послал Александру письмо, в котором черным по белому значилось, что Франция ни в коей мере не протестовала бы, если бы Александр, зная, что убийцы, намеревающиеся лишить жизни его отца Павла I и находящиеся на чужой территории, но неподалеку от русских границ, приказал изловить их. Намек на причастность Александра к убийству отца был совершенно явным. И этого русский царь никогда не простил ни Наполеону, ни Талейрану, как бы в дальнейшем ни складывались их отношения.

В обстановке, возникшей в 1804 году, свою роль сыграл и интерес русских коммерческих кругов, оказывавших давление на царское правительство, склоняя его к установлению хороших отношений с Великобританией. Язвительность Наполеона и Талейрана стала, видимо, той последней каплей, перевесившей при выборе решения антифранцузскую чашу весов. В апреле 1805 года русский царь заключает с Великобританией союз, направленный против Наполеона. В августе того же года к этим двум

державам присоединяется и Австрия, которой, очевидно, было мало двух поражений, нанесенных ей французской армией в Италии и Германии. Возникала новая, уже третья по счету, коалиция, и тотчас начались переговоры с осторожным прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III о том, чтобы к коалиции присоединилась и Пруссия. Будущие великие битвы, славные победы и бесславные поражения уже появлялись на горизонте.

Клеменс Венцель Непомук Лотар, позже князь Меттерних-Виннебург из Охсенхаузена, герцог Портельский, так написал в своих воспоминаниях об этом годе: «1804 год уходил в прошлое в обстановке удручающей неуверенности: это была и не война, и не мир. Небо затягивали грозные тучи, но пороху было предопределено взорваться лишь в 1805 году».

2.

КЕМ БЫЛ, ОТКУДА ПРИШЕЛ И КУДА ПУТЬ ДЕРЖАЛ КЛЕМЕНС МЕТТЕРНИХ

Граф, а позже и князь Клеменс Меттерних был хорошо отчеканенным, утонченным и, можно сказать, талантливым образцом циничного политика макиавеллиевского типа конца XVIII — начала XIX века. Были у него некоторые противники, проявлявшие в делах политики и морали не меньшие усердие и талант, чем он, были и партнеры, которые вовсе не держались в тени его сомнительного искусства. Однако в сравнении с остальными он был одарен несколькими особыми преимуществами, которыми умел пользоваться: был внешне привлекателен и нравился женщинам, хотя кое-кто из его современников утверждал, что ему недоставало слишком многих зубов, чтобы числиться в красавцах, но говорили это только мужчины; понятие «Родина» его никогда не беспокоило; мораль в политике он сводил в лучшем случае к соответствующему определению целей, а саму политику — к выбору наиболее действенных средств. Если в отношении этого расчетливого человека можно вообще говорить о страстях, то у него их, пожалуй, было всего три: страсть к женщинам, политике и собственности. И он умудрялся с успехом использовать одну ради другой.

Политикой Меттерних стал заниматься по воле случая, так как в молодости вроде бы скорее увлекался точными науками — химией, медициной. Он даже пробовал заняться ими всерьез, однако с легкостью поверхностного человека, избалованного счастьем и фортуной, быстро покинул университетские аудитории.

Поколение политиков первого двадцатилетия XIX века было так или иначе отмечено сильной личностью Наполеона. Они или служили ему, или плели против него интриги. И то и другое называлось политикой. Новые факты, новые явления и, прямо скажем, преобразующееся по-новому общество постепенно формировали и новое толкование заграничной политики. Хотя Меттерних и был сторонником старого принципа, согласно которому короли и князья даны миру от бога и потому никто не смеет посягать на их безраздельную власть (кроме избранных советников, как про себя, очевидно, добавлял наш герой), однако реальность постепенно заставляла его относиться к внешней политике несколько иначе. Французская революция и наполеоновские войны столь основательно разрушили старую структуру европейских феодальных отношений, что возвращение к дореволюционной поре уже оказалось невозможным. Из старой аристократии мало кто был в состоянии понять это, но Меттерних понял. И если вообще стóит сегодня о нем писать, то главным образом потому, что в то переходное время, когда старое близилось к концу, а новое только зарождалось, он вступил в борьбу с Наполеоном, прежде всего на дипломатическом поле, приложив огромные усилия, чтобы разрушить столь многотрудно возведенную наполеоновскую империю, а потом, когда императора отправили умирать на остров Святой Елены, содействовал созданию новой системы государств, объединенных стремлением не допустить дальнейшего распада старого феодального мира.

Хотя такая задача в основе своей была неосуществимой, Меттерних принялся за нее с сознанием, что в чем-то, возможно, ему придется уступить, но суть системы будет сохранена. Именно благодаря Меттерниху и нескольким другим мужам, посвятившим себя внешней политике, в ней стали широко использоваться такие понятия, как «политика союзов», «политика равновесия в Европе», «политика европейской безопасности». Заслугой Меттерниха было и то, что

дипломатия после 1815 года обрела определенный твердый порядок и заранее обговоренную структуру.

Как почти каждый из общественных деятелей своего времени (для большей точности добавим, что в понятие «общественная деятельность» тогда входило и посещение различных салонов, где собиралось аристократическое общество), Меттерних позже написал биографические заметки, которые вместе с различными документами и его перепиской составили при издании восемь томов. Автор был чрезвычайно настойчив в стремлении представить себя главным противником Наполеона после 1805 года, спасителем европейских тронов, самоличным творцом новой системы международных отношений. Действительно, не греша против правды, нельзя отказать Меттерниху в том, что в последние годы правления Бонапарта он на равных играл с ним и против него на дипломатическом поле.

Комплекс Наполеона у него, несомненно, был. Сильные личности притягивают к себе не только попутчиков и нахлебников, но и тех, кто хотел бы выслужить славу и награду на их падении. Меттерниха, человека, лишенного малейших признаков чувства, именуемого патриотизмом, сделало противником Наполеона стечение обстоятельств, ибо при полном отсутствии ощущения какой-либо национальной принадлежности он мог с таким же успехом оказаться и в лагере сторонников французского императора. Мешала ему в этом лишь позиция, тот угол зрения, под которым он воспринимал этого новоявленного самодержца. В то время как большинство ровесников Меттерниха хотя и считали Бонапарта могильщиком Французской революции, ввергавшим всех в ужас своей неукротимой хищностью, и мнение это было вполне справедливым, но, тем не менее, если бы он проявил хоть немного умеренности и готовности удержаться от новых захватов, эти люди были готовы вместе со всей феодальной Европой договориться с ним, Меттерних же видел в нем только и лишь только продолжателя революции. А если от семейного воспитания и традиций у него оставался хоть один принцип, то это был принцип верности старому порядку, абсолютистской власти государей и обществу, разделенному на полноправных и бесправных граждан. Пусть он и понимал необходимость перемен, но готов был с ними согласиться лишь во имя того, чтобы старый порядок в основе своей был сохранен.

Откуда был родом и куда в своей жизни держал путь молодой граф Клеменс Меттерних, когда в 1801 году приближался к Дрездену, отправленный сюда, ко двору боязливого курфюрста Саксонского, австрийским императором Францем II в качестве посланника? Меттерних — довольно редкое и необычное немецкое имя. Старинный дворянский род, носивший это имя, взял его от названия деревни Меттерних в Рейнской области, неподалеку от города Кобленц. Из всех примерно двенадцати ветвей этого рода к той поре сохранилась лишь одна, которая присоединила к своему родовому имени еще одно — Виннебург. Эти-то Меттернихи-Виннебурги и были в 1635 году произведены в сословие имперских свободных господ, а в 1679 году получили графский титул за «неизменную верность императорскому дому», так якобы было сказано самим императором по этому поводу. Много позже, в 1803 году, отец Клеменса получил еще и титул имперского князя. А до этого, в 1630 году, в пору распродажи чешских земель во время Тридцатилетней войны, Меттернихи приобрели в Чехии поместье Кинжварт, а одному из предков, Филиппу Эмериху Меттерниху, был присвоен графский титул и в Землях короны чешской. И вот 15 мая 1773 г. в Кобленце у одного из потомков Филиппа Эмериха родился сын — Клеменс Венцель Непомук Лотар граф Меттерних.

О его юности расскажем ровно столько, сколько необходимо, чтобы обрисовать и характер нашего героя, и влияния, формировавшие его. Меттерних вышел из немецкой среды, его отец был государственным министром Трирского курфюрства, где правил принц Клеменс Венцель Саксонский. Словом, был немцем. Но каким немцем? В семье говорили по-французски: люди на левом берегу Рейна и сами не знали, что им ближе — Франция или Германия.

Германия в те времена была отвлеченным понятием, ибо представляла собой разнородный конгломерат как сравнительно крупных королевств и княжеств, так и совершенно крошечных государственных образований, городов и территорий с марионеточными правителями и их дворами. Среди них разве что Пруссия и ее король имели какое-то влияние на европейские дела. Была здесь, однако, и Австрия, которая в этом сообществе немецкоговорящих государств играла превостепенную роль: австрийские Габсбурги были и их императорами, императорами Священной римской империи германской нации.

Когда маленькому Клеменсу было два года, его двадцатичетырехлетний отец поступил на австрийскую службу и стал послом Вены при различных монарших дворах. Был он бонвиваном, в совершенстве познавшим силу денег и вкус удовольствий. Его основополагающий взгляд на ход дел в мире являл собой пример полнейшего консерватизма, а самое большое желание заключалось в том, чтобы все замерло и никогда не изменялось. Если Клеменс хоть что-то унаследовал от отца, так это способ умозаключений.

Свои черты придала облику сына, его характеру и мать. Говорили, что она была красивой, нежной и в то же время неподражаемой интриганкой, достойной эпохи рококо, извлекавшей выгоду из того, что в юности была приятельницей императрицы Марии Терезии и находилась под ее покровительством. Та нашла для нее и жениха — Меттерниха-старшего и посвятила в тайны власти женской красоты.

Удивительный это был мир, царивший при дворах самодержцев старой Европы, под крылом которого вырастал молодой Меттерних. Начиная с середины XVIII века политика стала сферой деятельности и женщин, как тех, что возвышались на тронах, например Екатерины II в России и Марии Терезии в Австрии, так и других, находившихся скорее на втором плане, подобно мадам де Помпадур во Франции и десяткам иных — интриганок, фавориток, мошенниц, искренне уверенных в своей правоте. Дух этого мира салонов и салонной политики Меттерних впитал в себя еще юношей, умел этот мир использовать, строя свою карьеру, однако он же был и одним из тех, кто помогал его разрушать.

Воспитывался Клеменс в христианской вере. Закону Божьему и гуманитарным предметам обучал его аббат Бертран. Однако в то время повсюду уже проникали идеи Просвещения, а потому было модно знать кое-что также и из Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Монтескье, из Энциклопедии, авторы которой были в цене, а потому отец юного Клеменса решил, что воспитание сына дополнит протестант Фридрих Симон, немец, ощущавший себя французом, учившийся у Руссо и поначалу представлявшийся толерантно мыслящим якобинцем. Со временем воспитатель Клеменса превратился в человека, отличающегося политическим оппортунизмом, и прошел путь от молодого радикала до консервативного филистера. Считается, что на первых порах Фридрих Симон ока-

зывал какое-то влияние на своего ученика, однако по причине труднообъяснимых движений души и мыслей созревающего юноши это влияние в конце концов вылилось в полное отрицание Меттернихом революционных идей, настроений и действий, вызывавших ужас «избранного» общества. Когда началась Французская революция, Клеменсу было всего шестнадцать лет, и он сразу же отверг лозунги Свободы, Равенства и Братства. Он возненавидел так называемую «улицу», боялся ее. Обо всем этом Меттерних написал в воспоминаниях, и не верить ему у нас нет оснований.

В пору предреволюционного бурления он вместе с братом начал университетские занятия в Страсбурге. В ноябре 1786 года записался в здешний университет. Студент Меттерних слушал главным образом лекции по публичному праву, которые вместе с основами дипломатической практики читал тогда прославленный профессор Криштоф Вильгельм Кох, но привлекали его и естественные науки, медицина. Однако ничего он не воспринимал слишком серьезно, благо в этом подлинно европейском городе было немало иных возможностей для приятного времяпрепровождения. Сюда приезжали на учебу дворянские сынки из России, Австрии, Польши, Швеции, Франции. Учился здесь когда-то и князь Талейран, и его будущий коллега, русский министр иностранных дел граф Андрей Разумовский; был тут и князь Орлов, и многие, многие другие. Там Клеменс осознал впервые и свои преимущества, в особенности личный шарм, и свои недостатки, прежде всего недостаточную твердость и излишнюю впечатлительность. Он ездил верхом, занимался фехтованием, тренировал волю. В течение этих нескольких лет формируется его характер, в определенной мере предопределивший его карьеру. «Это психологически ясный тип, но одновременно и четко выраженная индивидуальность», — отмечает Л. Фукс в своей книге о замке Кинжварт.

В Страсбурге Меттерних провел неполный год, а затем перешел в Мангеймский университет. Историки называют первым переломным моментом в его карьере коронацию императора Леопольда II, состоявшуюся 9 октября 1790 г. во Франкфурте-на-Майне. Как разносила молва, в день коронации в веренице из 98 карет, везших самых избранных гостей, одной из первых была карета графа Меттерниха, императорского посла в Трире, в которой рядом с родителями и братом восседал и семнадцатилетний Клеменс.

Это был для него великий день. Своими светлыми волосами и голубыми глазами он привлек всеобщее внимание, особенно дам, чьи взоры были уже утомлены созерцанием настоящего, по свидетельству современника, «моря золота и бриллиантов», разлившегося на придворных торжествах, и с радостью задерживались на прекрасном лице стройного юноши. А тот жадно впитывал воздух, окружавший это высшее общество, и испытывал приятное чувство «быть представленным». Этот день стал для него и днем успешным. На него обратил внимание эрцгерцог Франц, молодой человек, всего на пять лет старше Клеменса, будущий австрийский император. Юному Меттерниху повезло, так как эрцгерцог отнесся к нему с симпатией, а не со скрытой ревностью, что подчас случается, когда речь идет о молодых людях приятной наружности. Кто знает, может быть, и в самом деле эта встреча оказала влияние на весь дальнейший жизненный путь Клеменса Меттерниха.

Оставив полный блеска торжественный Франкфурт, братья Меттернихи возвратились в Мангейм. Клеменс продолжал изучать право. В начале нового года он прочитал в письме своего отца от 30 декабря года минувшего следующие наставительные слова: «Чтобы быть хорошим немцем, надо не только уметь говорить и писать на родном языке, но и владеть им так, как того требует добросовестное образование; уже одной только глубиной знания своего языка человек должен приподниматься над толпой... Тот, кто много читает и пишет, умножает свои умственные способности...» Дело в том, что Клеменс лучше изъяснялся по-французски, чем по-немецки, и его отец не без основания полагал, что это могло бы помешать сыну в его будущей карьере.

Затем, как бывает, судьба снова перемешала карты. Леопольд II решил в сентябре 1791 года короноваться в Праге и стать также чешским королем. Этому предшествовало перемещение сокровищ чешской короны из императорской сокровищницы в Вене, где они находились со времен битвы у Белой Горы, в Прагу; там им предстояло в будущем покоиться в соборе Святого Вита в сводчатом помещении над святовацлавской часовней, замкнутой на семь замков. Коронация Леопольда в Праге пробудила чешское национальное самосознание, что отразилось и в приветственной речи высшего бургграфа, а написал ее, как тогда водилось, некто совсем иной — Йозеф Домбровский. Личность Леопольда позволяла на-

деяться, что в его внутренней политике могли бы получить свое дальнейшее развитие некоторые либеральные тенденции, характерные для правления его брата Иосифа II, но в марте 1792 года император умирает. Смерть этого второго и последнего просвещенного монарха из рода Габсбургов означала и поворот в политике, ибо его сын и наследник Франц II (1768—1835 гг.) решительно отверг полученное у дяди воспитание и стал убежденным консерватором, в годы царствования которого были постепенно сведены на нет некоторые достижения просвещенной политики его дяди и отца (хотя так называемый жозефизм полностью ликвидирован не был и сохранился в облике монархии).

А Клеменс Меттерних? Тот снова отправился на коронационные торжества.

Коронация Франца II проходила в июле 1792 года во Франкфурте и была не менее пышной, чем двумя годами ранее коронация его отца. Ныне Клеменс Меттерних беседовал уже не с эрцгерцогом, а с императором Священной римской империи; император же отмечал в девятнадцатилетнем молодом человеке не только личное обаяние, но и остроту мысли и — главное — абсолютное совпадение взглядов: оба испытывали чувство отвращения при слове «революция». Потому-то столь сильное впечатление произвела на Меттерниха его встреча во время коронации с виконтом Мирабо, братом и одновременно противником известного парижского революционера и оратора. А еще в его сердце навсегда остались воспоминания о том мгновении, когда он в паре с юной княжной Луизой Мекленбургской, которая несколькими годами позже стала прусской королевой, открывал один из балов.

Затем молодой Меттерних живет главным образом в Брюсселе, в австрийских Нидерландах, где его отец с июня 1791 года занимает пост полномочного министра. Он знакомится с повседневными делами отца, учится отличать королей от офицеров и пешек на шахматной доске дипломатии. Однако он еще не понимает того, что знает опытный шахматист: пешка в выгодном положении может оказаться весьма сильной фигурой.

Брюссель и Мангейм тех времен были городами, куда стекались тысячи французских эмигрантов. Здесь они находились неподалеку от французских границ, однако их убежденность, что все они скоро вернутся в свои замки и служебные кресла, постепенно ослабевала.

Когда после 14 июля 1789 г. хлынула первая волна беженцев, предшественник Меттерниха-отца на посту в Брюсселе граф Траутмансдорф писал императору Иосифу II, что «их пребывание не будет долгим». Император оказал спасавшимся французским аристократам полную поддержку. Но уже через два года после этого Георг Меттерних сообщал французскому маркизу де Лякей, что «принципы осторожности и законы соседства не позволяют создавать большое скопление [эмигрантов] на границах». С их появлением возникли трудности. Росла неприязнь местного населения, не без оснований обвинявшего пришлых в том, что жизнь в здешних местах резко подорожала, а беженцы, в основном аристократы, дворяне, жили на широкую ногу и, как отмечал один из них, молодой лейтенант Шатобриан, будущий дипломат и писатель, были способны за день проесть на званых обедах такие суммы, которых при нормальной жизни хватило бы на месяц. Но почему, спрашивается, не пировать, если через пару недель все вернутся к своим богатствам! Но дни бежали, средства скудели, в продажу пошли украшения и драгоценности, пока наконец полномочному императорскому министру не пришлось посягнуть и на свой тайный фонд, чтобы материально поддержать самых главных, наиболее известных противников революции с единственной, впрочем, целью — препроводить их подальше от границы — в Вену, в Чехию и Моравию. Можно было бы написать книгу о жизни этой эмиграции, о ее надеждах и проигрышах, интригах и зависти, трагических судьбах честных и головокружительных карьерах иных. У министра полиции при Наполеоне Фуше имелся список почти ста пятидесяти тысяч этих эмигрантов, составлявший девять толстых томов, и его шпики весьма энергично трудились среди беженцев.

Вращаясь в такой среде, молодой Меттерних начинал понимать политику и изучал французов. У него был друг — сын французской графини, с которым они весело проводили время и вместе влюбились в мадам де Комон. Позже в своих воспоминаниях француз утверждал, что это была платоническая любовь, но Меттерних без малого сорок лет спустя писал об этом иначе: «Я любил ее так, как только может любить молодой мужчина, а она отвечала взаимностью со всей невинностью своего сердца... Я жил только для нее одной и ради своей учебы. Она же, не имея никаких более интересных занятий, напол-

няла любовью ко мне каждый свой день. Ночи свои она проводила с мужем, но я верю, что и при этом была больше моей, чем его». Тщеславный Меттерних! Но сколько раз в своей жизни он писал свой портрет такими нереалистическими красками, так что примем и это его утверждение, лишь пожав плечами. В самом деле, кто знает!

Клеменс Меттерних полагал, что в те годы он изучил французов. Впрочем, позже он убедился, что ошибался. Однако в любом случае именно тогда он подкрепил свои принципы новыми аргументами против революции. Он даже сел и написал брошюру «О необходимости вооружить весь народ вдоль французских границ», чтобы бороться против революции, и издал ее без подписи летом 1794 года. Такое случилось с ним в первый и последний раз в жизни: больше он уже никогда не хотел поднимать народ на борьбу. Однако и тут промелькнула мысль, характерная для его будущей политической деятельности. Он писал в той брошюре, что «революция достигла отметки, когда она уже угрожает уничтожением всем государствам Европы». То есть речь уже шла не о том или ином государстве, не об одной Франции, а о «целой Европе».

В том же году и его, Меттерниха, поднял и понес поток событий. Меттерниху-отцу пришлось поспешно покинуть Брюссель, и вовсе не потому, что в Вене против него плел интриги венский государственный канцлер, способный господин фон Тугут. К Брюсселю приближались французские войска, и австрийский посол с семьей просто бежал. Еще хуже было то, что французы не ограничились Брюсселем, а продвигались дальше, вступили в западную часть Германии и заняли территорию на левом берегу Рейна. Хуже для семьи Меттернихов, ибо именно там находилась значительная часть их владений и имущества, которые и были конфискованы оккупационными властями. Так что в Вену Меттернихи прибыли, можно сказать, обедневшими дворянами. А в Вене в кресле государственного канцлера восседал грубиян, деспот и заклятый враг любых нововведений Тугут, который к тому же весьма недолюбливал Меттернихов, может быть, потому, что его предшественник князь Венцель Коуниц оказывал им покровительство. Но Коуниц в том же 1794 году умер. Правда, Меттернихи получили от императора нечто вроде компенсации, однако сумма была столь невелика, что показалась им милостыней.

Молодой Клеменс ныне осваивается в Вене, куда попал впервые, прежде он только однажды вступал на австрийскую землю — в 1786 году, когда некоторое время жил в замке Кинжварт в Чехии. И тут в поисках выхода из создавшегося положения на сцене появляется его мать, и, надо сказать, ее выход приносит успех. В те времена и в тех кругах проблемы часто решались путем заключения браков кого угодно и с кем угодно. А у графини Меттерних был в этом и собственный опыт, ведь это ей когда-то выбрала мужа сама императрица.

И вот в сентябре 1795 года молодой Клеменс Меттерних отправляется в карете из Вены, держа курс на небольшой городок, расположенный в часе езды от Брно, тот самый, что десять лет спустя навсегда войдет в историю. Клеменс едет в Славков, он же Аустерлиц. Замок, у которого останавливается графская карета, принадлежал семье графа Венцеля Коуница, долголетнего канцлера Марии Терезии. И 27 сентября 1795 г. Меттерних женится там на внучке бывшего канцлера, единственной дочери князя Арношта Коуница. Жениху было тогда двадцать два года, невесте — на два меньше. Этот брак, очевидно, стал второй ступенькой в карьере будущего политика. Элеонора Коуниц принесла в приданое недвижимость — поместья Койетин и Врхославице, определенное политическое влияние, а со временем, возможно, и любовь. Через новую семью Клеменс приобрел благосклонность моравской знати, традиционно имевшей значительный вес при венском дворе.

Судя по всему, красавицей Элеонора не была, но она предпочла белокурого немца лучшим партиям в империи, оставив ни с чем Лихтенштейна, Пальфи, Коллоредо. Ее избраннику, как тот утверждал годы спустя, жениться особенно не хотелось, но... «отец желал этого, и я сделал то, что он хотел». С Элеонорой они якобы договорились, что будут верно стоять друг за друга, но в сердечных делах каждый сохранит свободу. Супруги прожили вместе тридцать лет, до смерти Элеоноры. Она родила ему семерых детей, но большинство из них рано умерли.

Свадьба состоялась в канун праздника Святого Вацлава и была великолепной. Отличное моравское вино текло рекой, играли сельские капеллы, танцевали всюду — и в замке, и в окрестных селениях. О своей первой жене Меттерних всегда говорил с уважением. Он утверждал, что эта женщина имела «исключительные достоинства, была остроумной и находчивой и вообще

отличалась всеми теми чертами характера, которые делают семейную жизнь счастливой».

Приумножив состояние, Меттерних в течение нескольких лет предавался своим увлечениям: изучал «науки точные и науки естественные», с большим интересом заглядывал за кулисы медицины, проводил часы в больнице, а в анатомичке постигал строение человеческого тела. Политические дела его тогда занимали, похоже, меньше, чем устройство дворцовых парков, где он мог дать волю своему вкусу, который, впрочем, не отличался особой оригинальностью, оставаясь в пределах тогдашней моды.

Годы спустя Меттерних так объяснял, почему в ту пору находился вне политики: «Будучи молод, я оказался в положении, когда мог с близкого расстояния наблюдать за ходом великих событий. И тогда я обнаружил, что дела велись иначе, нежели следовало их вести. Политика — это люди. Политика — это только выражение достоинств, равно как и недостатков людей, их увлечений, ошибок, их пороков и добродетелей». Такую же мысль он выскажет и в своем «Политическом завещании»: «В политических делах находят свое выражение люди, которым суждено оказывать влияние на их ход».

Трудно поверить, что столь мудро судил всего лишь двадцатидвухлетний молодой человек, принимая решение пока что оставаться в стороне, но, тем не менее, справедливо и то, что люди, вершившие дела Австрии в первые годы правления Франца II, в политическом и человеческом отношении были иной чеканки, чем молодой Меттерних, и это в особенности относилось к человеку, стоявшему у руля внешней политики австрийского правительства, к «военному барону» Францу Тугуту.

Вступление в 1792 году Франца II на австрийский престол не дало сторонникам просвещенной политики вообще никаких поводов для ликования. Дело в том, что Франц не взял с собой на трон почти ничего из идейного наследства своих просвещенных родственников — дяди Иосифа II и отца Леопольда II. Его 43-летнее владычество объединяло с их правлением лишь одно — абсолютизм, а в остальном оно означало победу консервативной политики и привело к созданию полицейского режима в стране.

Эта черта австрийской общественной жизни иногда связывается с назначением в 1809 году Меттерниха на

пост государственного министра. Однако это не совсем так. Меттерних просто двигался по уже проложенной колее, которую его изобретательный ум несколько усовершенствовал. А начало положил сам Франц. Это он со всем своим юношеским рвением, но при умственном бесплодии и душевной негибкости объявил непримиримую войну всему, что хотя бы отдаленно напоминало о революции. Прежние религиозные гонения сменились гонениями политическими. Во внешней политике новый император поставил Австрию во главе европейской коалиции, выступавшей против революционной Франции, хотя страна для этого не имела ни финансовых, ни экономических, ни даже военных предпосылок, что куда лучше понимал младший брат императора эрцгерцог Карл.

В психологическом плане новый австрийский монарх не представлял собой загадки. Личные качества, унаследованные от матери и сформировавшиеся в юности, с годами только усугублялись. Жесткий деспотизм и отвращение к революции усилились и превратились в настоящий комплекс, и особенно после удара, каким для Франца стала казнь в начале 1793 года французского короля Людовика XVI. Эта казнь преследовала его как ночной кошмар всю жизнь. Она оказала влияние и на его отношение к общественным делам. Если к этому исходному пункту политической концепции императора мы добавим его личные черты — леность духа и тела, хорошую память и скупой юмор, неуступчивость и строптивость, превратившуюся с возрастом в твердолобость, самовлюбленность да еще недоверчивость при определенной трезвости в суждениях, то поймем, почему преобладающей окраской австрийской общественной жизни стала серость. Император не любил нововведений. Из искусства он признавал разве что музыку, с наукой разделался известной фразой о том, что государству нужны не ученые, а послушные подданные. Любой талантливый, выходивший за пределы посредственности человек уже казался ему подозрительным.

Во время правления Франца отношение к эпохе реформ, проводившихся Иосифом, не было полностью негативным, ибо жозефизм вовсе не являлся некоей «революцией сверху», как его часто трактует буржуазная историография. Просвещенная абсолютистская централизованная монархия достигла при Иосифе II своего расцвета, так как в обстановке, когда поднимавшаяся

буржуазия и слабевший класс феодалов уравняли свое влияние в империи, государственная власть стала независимым посредником между обоими. Тем самым положение монарха и центральной власти было укреплено. Реформы способствовали высвобождению сил для нового предпринимательства и укреплению буржуазной собственности. Ради этого государственная власть воспользовалась и некоторыми идеями французских просветителей. Таким образом, речь не шла о революции; суть жозефизма была в том, чтобы сохранить распадавшийся феодальный строй и одновременно открыть в условиях отсталой габсбургской монархии путь к экономическому подъему, дать возможность силам капитализма развиваться.

При Франце жозефизм, несмотря на все старания реакционных кругов дворянства, не был полностью ликвидирован. Сохранилась прежде всего концепция централизованной государственной бюрократии, которая заботится обо всем происходящем в стране и возвышается над обществом. Консерватизм Франца был обращен главным образом против просветительской идеологии и тенденции к либерализму в общественной жизни, что брало свои начала в прежних реформах Иосифа. Однако именно государственная бюрократия из-за своей тяжеловесности, воплощением чего был и сам император, лишь с трудом успевала устранять препятствия, мешавшие промышленному развитию государства, и не сумела создать собственной активной политики, способной это развитие стимулировать. По мере расширения производства становилось ясно, что государственный аппарат уже не способен направлять его и руководить им, что он, собственно, превращается в главное препятствие прогрессу.

Правительству Франца приходилось скрещивать шпаги и с дворянской оппозицией, которая после смерти Иосифа в период усиления реакции добивалась ограничения централистского абсолютизма и восстановления своих прав и привилегий, урезанных реформами Иосифа. Хотя в отдельных частных случаях новое правительство было готово уступить, но, когда дело доходило до принципиальных разграничений политических прав абсолютистского монарха и дворянства, Франц упорно стоял на позициях, закрепленных предшествовавшим развитием. К тому же и само дворянство, в большинстве своем франкоговорящее и национально обесцвеченное, было так напугано революцией во Франции, что весьма скоро

уступило двору и даже примкнуло к консервативной политике Франца.

В конце 1792 года Франц снова призвал на пост министра полиции графа Пергена, которого, а вместе с ним и все венское центральное полицейское управление, Леопольд II отстранил от дел в марте 1791 года. Пергену еще Иосиф II поручал реорганизовать полицию, и с его именем связано возникновение так называемой государственной полиции, в частности ее нового звена — тайной полиции, строившейся на системе агентов. Леопольду такой стиль работы был не по душе, и он отправил Пергена в отставку. Его преемник полностью реабилитировал графа. Оно и понятно, ведь взгляды того целиком отвечали вкусу нового императора. В одном из своих меморандумов граф Перген писал монарху: «Мышление и наука — недруги порядка, они — источник революционного духа и несут гибель монархистским взглядам». Разве такое могло не понравиться Францу?

Вскоре старый Перген вместе со своим ближайшим помощником и будущим преемником графом Зуммерау покрыли агентурной сетью не только территорию монархии, они с успехом начали действовать и за ее пределами. Последние годы XVIII века стали в Австрии временем охоты на нелояльно настроенных граждан, когда арестовывали и бросали в тюрьмы за самые незначительные, часто инсценированные политические прегрешения. Разгул реакции встречал полное согласие и горячую поддержку у канцлера Тугута и доходил до крайних своих проявлений, таких как казни так называемых якобинцев. Полиция следила за всем, что выходило за границы повседневности, особенно яростно преследовались кружки и тайные общества, в первую очередь масонские. Уже в 1790 году масонские ложи были поставлены под государственный надзор, а в 1795-м их запретили полностью. Результат такого нажима не замедлил сказаться. Масонские ложи стали распадаться, люди перестали вслух высказывать свои мысли, и, как во времена Марии Терезии, университетским профессорам вновь приходилось давать клятву в том, что они верят в непорочность девы Марии, а государственным чиновникам в 1801—1848 годах — что не являются членами тайных организаций. Однако, как известно, нет правил без исключения. Было оно и тут. Доверенное лицо самого Франца в Праге барон Кутшера продолжал, как и прежде, весело заседать в масонской ложе.

Изобретательность полиции не знала предела. Ежедневно для императора составлялась некая сводка, содержавшая в себе, в частности, и выдержки из писем. Перлюстрация и контроль за корреспонденцией назывались «малой почтой». Особенно большие масштабы почтовая цензура приобрела во время Венского конгресса. Перген изо дня в день укреплял недоверчивость монарха, его фантазия в этом деле была сродни психозу. Так, например, в 1795 году в Вене сочли «Волшебную флейту» Моцарта аллегорическим воспеванием Французской революции, хотя находились и такие знатоки, которые усматривали в ней апологетику «вольных каменщиков» — масонов. И в это же время Франц Йозеф Гайдн сочинял музыку для нового австрийского гимна «Сохрани нам, Господи...»

Понятно, что великие заботы австрийскому министерству полиции доставляли народы монархии. В центре внимания находились Венгрия и Чехия, ибо от Праги было рукой подать до Дрездена, считавшегося очагом масонства, и Лейпцига, традиционного центра книжной торговли. С 1795 года на книги и журналы, как чужеземные, так и издававшиеся дома, распространялся новый закон о цензуре, который буквально парализовал литературную деятельность. Либеральная Саксония тоже серьезно беспокоила Вену. За саксонскими вольнодумцами стали следить агенты пражской полиции, о чем не знал даже австрийский посол при дрезденском дворе, который и сам оказался под присмотром тайной полиции. Запомним эту деталь. Ведь именно в Дрездене начинал свою дипломатическую службу Клеменс Меттерних.

Таким образом, с вступлением на трон Франца мрачная тень нависла над австрийской монархией. Ее связи с заграницей почти прекратились из-за цензуры и трудностей, сопряженных с получением разрешения на выезд в другие страны. Университетам отныне запрещалось поддерживать контакты с заграничными научными заведениями. Общественная жизнь протекала под строгим оком полицейских агентов, строчивших донесения и о сугубо личных встречах. Недовольство народов монархии жесткими полицейскими тисками внешне никак не проявлялось, но существовало, тлело и дымилось. Оно питалось и теми страданиями, которые приносили с собой войны, а Австрия вела их сначала против Франции революционной, а затем — наполеоновской. Более двух десятилетий шли войны!

Об этих войнах мы уже упоминали. Они были коалиционными. Первую, еще в 1793—1797 годах, Франц вел в союзе с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III за спасение французской королевской семьи и восстановление монархических принципов во Франции. На деле эта война лишь ускорила падение Людовика XVI и, очевидно, его казнь тоже. Для Австрии это была неуспешная война. Коалиция двух недавних недругов оказалась шаткой, герцог Брауншвейгский был бездарным командующим; взаимное недоверие военных партнеров усиливалось и из-за польского вопроса, поскольку в результате второго раздела Польши в 1793 году в выигрыше были Россия и Пруссия, а Австрия осталась ни с чем. Французская республиканская армия после первых поражений в Нидерландах воспрянула духом, и в 1794 году военное счастье отвернулось от австрийцев. В июне 1795 года Пруссия заключила с Францией сепаратный мир, а Франц решил иначе и вместо того, чтобы попытаться договориться о перемирии, что было бы разумно, продолжал войну.

После зимнего перемирия 1795—1796 годов ослабленная австрийская армия, состоявшая по большей части из солдат не немецкого происхождения (было в ней и много чехов), оказалась перед тремя реорганизованными Директорией армиями противника. Две из них — под командованием генералов Журдана и Моро — действовали в Рейнской области против Вены и Чехии, а третья — во главе с молодым генералом Наполеоном Бонапартом — должна была выступить против австрийцев с юга, со стороны Ломбардской низменности. И здесь, на итальянском театре военных действий, состоялось решающее сражение. В начале февраля 1797 года Наполеон захватил Мантую и предложил Вене мир. Тугуту даже не пришлось убеждать императора отвергнуть предложение. Император был в бешенстве и жаждал реванша. Тогда Наполеон предпринял смелый переход на север. Когда его войска заняли Штирский Градец, Франц пошел на перемирие, которое было заключено в апреле 1797 года, а в октябре того же года на его основе был подписан мирный договор в Кампоформио. Габсбургскому императорскому дому пришлось вычеркнуть из числа своих владений Ломбардию и Бельгию и согласиться с французской оккупацией Мангейма и левобережья Рейна. Весьма слабым и проблематическим возмещением для Вены стало присоединение к ней части территорий Ве-

неции, Истрии и Далмации. Бельгия отошла к Франции, а Ломбардия и Лигурия превратились в республики. Императору Францу II оставалось лишь утешаться тем, что двумя годами раньше, при третьем разделе Польши в 1795 году, он уже не оставил всю добычу России, а урвал вместе с Пруссией и себе солидный кусок.

Ни в Париже, ни в Вене не верили, что Кампоформийский мир окажется прочным, хотя и там и там было немало дальновидных мужей, которые к такому миру призывали. Потому-то и конгресс в городке Раштатте близ Бадена, собравшийся вскоре после заключения Кампоформийского мира, чтобы установить новые границы между Францией и Священной римской империей германской нации — этим странным конгломератом немецкоязычных государств, среди которых Австрия все еще играла главную роль и чьими императорами были Габсбурги, выглядел как странный театр, где собрались растерянные представители королей, князей и маркграфов.

Мы могли бы ограничиться лишь кратким упоминанием об этом конгрессе, который, по сути дела, был лишь увертюрой к новому всплеску враждебности, если бы там, в залах, среди второстепенных персонажей не промелькнул молодой граф Клеменс Меттерних в довольно странной роли полномочного представителя одного из карликовых прирейнских государств. Хотя почему бы и не мелькнуть ему там — ведь был же он в конце концов рейнским немцем!

Начиная с 1791 года австрийская политика стремилась к созыву конгресса европейских монархов, чтобы там утвердить право на вооруженную интервенцию везде, где правящим династиям угрожает революция. Но когда собрался конгресс в Раштатте, условия диктовал победитель — Франция. Однако это уже была не Франция Робеспьера, еще совсем недавно отвергавшая захватнические войны. Это была термидорианская Франция, Франция Директории, опиравшаяся на буржуа и нуворишей. Ее правительство, не сумев организовать эффективное управление страной, попадало во все большую зависимость от успехов своих генералов, которые не только побеждали, но и договаривались об условиях мира, особенно о размерах контрибуций. Главные финансовые поступления шли от побежденных и покоренных стран в форме военных компенсаций и налогов.

Французская внешняя политика той поры ставила перед собой две основные цели: во-первых, окружить

страну, особенно с востока, поясом зависимых государств, а во-вторых, расширить военную экспансию на новых направлениях. Результат конгресса в Раштатте определялся этими факторами. Франция выступала в роли победителя, и всем было ясно, что отгремевшей войной ничего не решено. Правда, возникает вопрос: неужели в таком случае конгресс должен был длиться почти полтора года?

Отец Клеменса, Франц Георг Меттерних, вместе с двумя другими послами был имперским делегатом, но в депешах, которые отправляли другие участники конгресса, и в их воспоминаниях фигурировал главным образом как церемониймейстер и непревзойденный организатор обедов, вечеров и балов. Когда конгресс уже близился к концу, французский делегат сообщил своему министру в депеше, что граф Франц Георг Меттерних, несмотря на свое огромное месячное жалованье, весь в долгах.

Что еще сказать о конгрессе, который, собственно, лишь подтвердил кампоформийские договоренности?

Наверное, будет достаточно, если мы отметим, что самым большим успехом обоих Меттернихов, отца и сына, на раштаттском конгрессе было благоприятное для них решение вопроса о компенсации за владения, потерянные ими после французской оккупации на левом берегу Рейна. Ведь там находилась значительная часть всего их семейного достояния (в том числе и десять тысяч крепостных). В одном из писем жене Клеменс Меттерних характеризует состояние имперских дел как катастрофическое: «Результат [конгресса] для империи может быть только страшным» и «империя идет ко всем чертям». Но одновременно он отмечает и то, что «наши личные дела, думаю, решатся относительно успешно».

На конгрессе молодой Меттерних, что называется, лишь на шаг разминулся с генералом Бонапартом, который должен был от имени Франции определять условия мира. Всех страшно интересовал этот человек, велевший доставить в Раштатт карету с четверкой лошадей и приготовить фешенебельные апартаменты. Но встреча не состоялась, так как военные дороги увели тогда генерала в ином направлении.

В Раштатте Клеменс Меттерних впервые оставил заметный и столь характерный след в обществе. Парижский журнал «Публицист» от 26 сентября 1798 г. поместил статью о молодом аристократе, которая впоследствии

многократно цитировалась и разными авторами по-разному истолковывалась. В статье говорилось, что граф Клеменс Меттерних красив и молод, что унаследовал от отца и матери много различных склонностей, а это, разумеется, определено самим его происхождением, и т. д. и т. п. А затем: «Хотя он женат и имеет прелестную жену, тем не менее отличается пристрастиями, которые у молодого мужчины терпеть не следует. Нередко можно видеть, как он оставляет свою супругу и чуждое ему общество и отправляется ужинать с артистками и разодетыми банкирами. Он предназначен для дипломатической карьеры и уже утверждается в ней...»

Заключительная часть статьи была просто пророческой: «...но несмотря на все прегрешения, которые можно отнести к прегрешениям возраста, мы видим перед собой счастливого человека, обладающего и присутствием духа, и средствами, что может позволить ему играть свою роль».

Не много времени прошло после пышной свадьбы в славковском замке, и молодой Меттерних уже начал обживаться в своеобразном мире дипломатов и дипломатии, который в то время еще носил печать романтизма и таинственности. Только был ли он таким на самом деле?

3.

ПЕРВАЯ ДОЛЖНОСТЬ. НА СЛУЖБЕ У ВЕНСКОГО ДВОРА

Внешняя политика бывает зависимой от политяки внутренней, и этот принцип действует сегодня так же, как он действовал 100 и 200 лет назад. Еще в XVI веке интересы государства возводились в высший принцип европейских монархов. Что скрывалось тогда под понятием «государство», объяснил один из французских Людовиков, заявив: «Государство — это я!» Прежде, особенно в XVII—XVIII веках, при абсолютистской монархии, внешняя политика бывала довольно прямолинейной. Весьма откровенно это выразил прусский король Фридрих II. «Нравится ли тебе какая-то страна, — сказал он, — так захвати ее, если имеешь для этого средства. Потом всегда найдешь историка, который докажет справедливость твоей битвы, и юриста, обосновующего твои требования».

В Страсбурге на лекциях по дипломатии, которые читал профессор Кох, Меттерних познакомился с политической философией Макиавелли. Этот философ XVI века теперь, два столетия спустя, стал его идейным наставником. Адепты дипломатии изучали книгу «Государь», черпая из нее весьма сомнительные поучения, вроде такого: «...есть два вида борьбы: одна ведется с помощью законов, другая — посредством силы. Первый

вид присущ людям, второй — животным, но так как первого вида часто оказывается недостаточно, то следует обращаться ко второму. Поэтому государю приходится использовать оба приема: и животного, и человека...» Или еще одна цитата оттуда же: «...нельзя сходить с дороги добра, если это возможно, но надо уметь вступить и на путь зла, коли будет то необходимо».

Такие постулаты, разделяемые в XVIII—XIX веках целым рядом дипломатов, считались выражением политического реализма. Осваивал их и молодой Меттерних. В подобном политическом реализме брала свое начало идея государственности как некоего высшего принципа. Она опиралась на учение о естественном праве и общественном договоре, которое в значительной мере было нацелено против представлений о божественном происхождении человеческого общества и исходило из предпосылки, что государство возникает на основе договоренности между людьми. Так в теоретической и практической плоскости учение о государстве и праве старалось вырваться из-под влияния теологии и средневековой схоластики.

Эту основополагающую мысль в области внешней политики и международных отношений разработал голландский юрист Гроций (Гуго де Гроот, 1583—1645 гг.) в труде «О праве войны и мира» («De iure belli ac pacis»). Свою работу он писал в то время, когда бушевала Тридцатилетняя война. При желании и доброй воле в ней можно увидеть попытку ограничить военную стихию хоть какими-нибудь нормами. Здесь, очевидно, следует искать истоки международного права как науки. Гроций рассматривал право собственности как основу законов, издаваемых государством, и как главный принцип межгосударственных договоров, являющихся, в свою очередь, по его суждению, основой международного права. Государства, подобно индивидуальным собственникам, заключают между собой договоры и соглашения, которыми затем определяются их взаимные контакты в мирное время и взаимоотношения во время войны. Гроций исходил при этом из предпосылки, что войны являются неизбежными, проистекающими из естественного человеческого инстинкта самосохранения, однако полагал, что вести их следует в пределах права и с чистой совестью. Он же считал, что воюющие стороны должны уважать свободу торговли, переселения, морское право и неприкосновенность собственности неприятеля там, где

«не требуется возмещения нанесенного ущерба и удовлетворения претензий за счет противника».

Разумеется, что первым начинает переговоры дипломатический представитель. Уже у Гроция мы можем прочитать, что в начале XVII века посол имел определенные права. «...Все признают, — считал он, — два основных права посла: 1. право быть принятым государем, к которому он послан; 2. неприкосновенность личности посла, его сопровождения и его имущества».

Кто-то сказал, что законы для того и создаются, чтобы их нарушать. В этом отношении дипломатическая практика довольно сильно отличалась от дипломатической теории. Представление Флобера о дипломатах, которое он выразил устами мадам Бовари, отмечено романтизмом времени, описанного в этом сочинении. Мадам Бовари видит в дипломате элегантного щеголя, легко и с шармом скользящего мимо зеркал по отполированному паркету и изрекающего в присутствии очаровательных дам остроумные сентенции. Однако практик, один из послов Англии во Франции, значительно раньше довольно сухо заявил, что посол — это «добряк, которого послали за границу, чтобы он там лгал ради выгоды своей страны».

Цели и направления внешней политики определял тогда государь. Иногда он делал это вместе с узким кругом своих приближенных. Многое зависело от характера этих людей, от того, насколько внешняя политика выражала субъективные интересы правящего дома или же насколько она отвечала потребности государства. По большей части речь шла о расширении территории, обмене землями, браках между династиями. Возникали споры и о наследовании трона в третьих странах и т. п. Англия внесла в такую политику первые проблемы, связанные с колониальными захватами. На передний план стало выходить и стремление сильнейших европейских держав, прежде всего Франции и Великобритании, добиться гегемонии в Европе, а позже на европейскую арену ворвалась и Россия, чьи устремления, особенно со времен Екатерины II, сконцентрировались на южном и юго-западном направлениях.

Французская революция 1789 года внесла совершенно новый элемент в международные отношения. Она отождествила интересы государства и интересы народа, представленного, разумеется, буржуазией, и тем открыла простор для воздействия на внешнюю политику сил,

опирающихся на более широкую основу, прежде всего парламентскую. А с другой стороны, она усилила убежденность европейских монарших дворов в том, что в будущем необходимо последовательно применять принцип вмешательства во внутренние дела других государств всегда и всюду, где абсолютизм оказывается под угрозой революции. Во время якобинской диктатуры Франция устами Робеспьера отказалась от внешней экспансии, но тот период был недолог, и уже после термидора ее внешняя политика вошла в старую колею, чтобы при Наполеоне стать настоящим искусством отдельных личностей, среди которых особенно далеко пошли те, кто умел притворяться, зная толк в интригах и взяточничестве.

Именно таким и было время Талейрана и Меттерниха, романтизированное некоторыми писателями, историками и отдельными непосредственными участниками событий, запечатлевшими их в своих воспоминаниях. Французская революция подняла интерес к внешней политике. Печать и соперничавшие политические партии срывали покровы со многого в дипломатической практике, что прежде держалось в тайне, укрытое в королевских дворцах. Благодаря различным изданиям на поверхность вышло и нечто такое, что можно было бы назвать «общественным мнением», в том числе и там, где печать подвергалась цензуре. Технический прогресс, совершенствование транспортных средств и средств связи также оказали свое влияние на внешнюю политику. Дипломатическая служба стала более централизованной, решения по важным вопросам принимались в центре, возможности посла здесь были ограничены. Однако, с другой стороны, его официальная деятельность сливалась с частной жизнью куда больше, чем прежде, а личные интересы и аферы переплетались с интересами государства.

Содержание внешней политики уже не столь тесно связывалось с планами генеральных штабов армий. В политику проникали и экономические интересы, а потому среди поставленных целей значились ликвидация или укрепление не только территориальных границ, но и границ таможенных. Ныне обсуждались как мирные, союзнические или коалиционные договоры, так и торговые. И здесь вновь, хотя и несколько по-иному, играла свою роль личность того, кто проводил внешнюю политику. Классик внешней политики и дипломатических карамболей той поры Талейран исповедовал в дипломатии искусство «двойного притворства». Молодым дипломатам, поступавшим на службу, он советовал как можно скорее научиться «изображать то, чего нет, и затушевывать то, что есть». Он был столь искусен в дипломатических хитросплетениях, что даже Наполеон очень долго считал его незаменимым.

Шел 1801 год. Талейран, точно определив положение в антифранцузской коалиции, советовал Наполеону склониться к миру, а главное, призывал его отказаться от стремления поставить на колени Габсбургов. Он всегда считал Австрию потенциальной союзницей Франции и в этом, как ни странно, был одного мнения с молодым графом Меттернихом, который как раз в это время готовился принять свой первый дипломатический пост посланника императора Франца II при дворе саксонского курфюрста в Дрездене.

Дрезден был городом, отмеченным серостью и скукой, царившими при дворе саксонского курфюрста Фридриха Августа. Почему же Меттерних согласился занять этот пост, если еще совсем недавно говорил о политической деятельности с пренебрежением? В своих воспоминаниях он дает нам ответ лишь в виде скромной реплики о том, что император, мол, в феврале 1801 года «воззвал к его патриотизму» и он послушался. Более правдоподобным, однако, было бы «цивильное» объяснение. К тому времени Меттерних уже несколько лет вращался в венских салонах и часто бывал у тети своей супруги княгини Лихтенштейн, женщины с широкими связями и влиянием, некогда близкой приятельницы Иосифа II. А когда барону Тугуту, недолюбливавшему Меттернихов, пришлось оставить кресло государственного канцлера, не потребовалось большого труда, чтобы протащить на пришедшую в движение чиновничью иерархическую лестницу и графа Клеменса Меттерниха. Это произошло в момент, лишь изредка наступавший в международных отношениях, а при Наполеоне и вовсе, можно сказать, не возникавший, когда в Европе ненадолго установилась атмосфера мира, нечто подобное тому, что мы сегодня назвали бы «разрядкой». Недавно произошел наполеоновский переворот 18 брюмера, в Вене пал Тугут, в Петербурге после убийства Павла I в марте 1801 года на трон вступил Александр I, изображавший себя сторонником прогресса. И Меттерних принял назначение в Дрезден с благодарностью, ибо этот город находился на

перекрестке путей между Парижем, Петербургом и Берлином. Ничего особенного там не происходило, зато оттуда можно было наблюдать за ходом европейских дел.

Задача молодого дипломата состояла в том, чтобы теснее привязать к австрийским интересам саксонского курфюрста, которому Наполеон за предательство Пруссии пожаловал в 1806 году королевский титул. Однако осторожность, даже боязливость саксонской политики были общеизвестны, и Меттерниху не очень везло. Прежде чем отправиться в Дрезден, он сочинил трехстраничный меморандум о принципах, которых хотел бы придерживаться во внешней политике, упоминая в нем и о европейском равновесии. Но Дрезден не предоставил ему возможности реализовать эти принципы, да и здешняя светская жизнь показалась старомодной, придворный церемониал — устаревшим, а дамы — подумать только! — все еще носили кринолины. Однако Меттерних был человеком смелым и целеустремленным. Он без всяких сомнений прокладывал себе путь к цели, легко преодолевая любые препятствия. Раздражало его, пожалуй, тогда только одно — эти обручи в дамском кринолине. Тем не менее именно в Дрездене он справился и с этим препятствием, вписав в перечень своих побед еще одну серьезную любовную авантюру, имевшую и политический оттенок.

Ежегодно во вторник перед первой средой великого поста при дворе устраивали бал. Приглашение получали сто семьдесят четыре гостя, поровну дам и господ. А в воскресенье перед балом в пять часов пополудни во дворце проходило нечто вроде жеребьевки, определявшей партнеров для первого танца. Видимо, жребий не всегда зависел от воли случая, но, так или иначе, в 1802 году графу Меттерниху предстояло танцевать с русской княгиней Багратион, женой известного генерала, который позже погиб на Бородинском поле во время Отечественной войны против Наполеона. Согласно молве, княгиня была красива (хотя портреты той поры это особенно не подтверждают), образованна и, видимо, несмотря на кринолин, не так уж недоступна. Результатом отношений, возникших между ними, стали дочь, получившая имя Марии Клементины, которую Меттерних всегда признавал своей, и верная дружба с русской аристократкой.

В Дрездене Клеменс встретил еще одного человека, который позже бывал ему не раз полезен своим пером и умом. Примерно в июле 1802 года здесь появился

способный и ловкий публицист Фридрих Гентц. Ему тогда было уже тридцать восемь лет, он только что оставил прусскую службу и старался поступить на австрийскую.

Гентц, в молодые годы поклонник Канта и Руссо, сторонник Французской революции, еще в 1792 году переменил взгляды, стал противником революции и клеймил ее в своих резких памфлетах. Его мечтой было объединение Германии, но постепенно, особенно после получения на австрийской службе титула придворного советника, он превратился в приверженца реакции, человека без убеждений, спесивого и продажного. Позже, в 1810 году, он примкнет к Меттерниху и окажет ему ряд важных услуг, а здесь, в Дрездене, эти двое лишь знакомятся. Гентц так писал об этом тогдашнему австрийскому послу в Берлине графу Стадиону: «Вы знаете этого редкостного человека, милого графа Меттерниха. Я провожу у него большую часть своих дней и вечеров. Это лучший дом в Дрездене, единственный несколько похожий на Ваш».

Хотя в Дрездене Меттерниху не приходилось скучать, но от настоящей политики он был еще далек. О чем же тогда писать в дипломатических депешах? Английский посол при саксонском дворе Эллиот слегка приоткрыл ему тайны кухни практической дипломатии. На вопрос, о чем же дважды в неделю — а это было обязательно — сообщать в Вену, симпатичный англичанин якобы ответил ему: «Вам перестанет казаться эта задача трудной, если я поделюсь с Вами своим секретом. Если мне становится известно что-либо такое, что может заинтересовать мое правительство, то я информирую его об этом; если не узнаю ничего нового, то новость выдумаю сам, а в следующей почте ее опровергну. Таким образом, у меня никогда не бывает недостатка в темах для корреспонденций».

В Дрездене Меттерних пробыл недолго: уже в феврале 1803 года император назначил его своим полномочным министром в Берлине при дворе прусского короля вместо графа Стадиона, которому в 1805 году предстояло принять министерство иностранных дел в Вене. Но Меттерниху не очень хотелось уезжать из Дрездена: когда и где он еще найдет такую любовницу, как княгиня Багратион? Поэтому только в ноябре он заканчивает здесь свои дела и подытоживает результаты, коротко констатируя, что саксонский двор не желает ничего иного,

кроме как «играть второстепенную роль во всех переговорах, затрагивающих высшие интересы».

Саксонский курфюрст со страхом наблюдал за переменами, затеваемыми Францией в оккупированных немецких государствах, и не хотел примыкать ни к одной стороне. Ему удавалось, и не без успеха, проводить эту страусову политику в годы борьбы с Наполеоном, но в конце концов она привела его к полному провалу.

Итак, осенью 1803 года Меттерних покидает Дрезден, став богаче на одно любовное приключение и пополнив свой дипломатический багаж парой добрых советов посла Эллиота. Он начинает приобретать вкус не только к служению политике, но и к претворению в жизнь собственных политических представлений. А были ли у него хоть какие-нибудь идеи? Как ни странно, были. Некая подсознательная политическая проницательность помогла ему представить себе картину будущего Германии и Европы. Он предчувствовал, что «империи грозит распад», «могучее здание, сооруженное Карлом Великим, погибает, и спасти его невозможно» и что «великие эпохальные события, уже появившиеся на горизонте, отодвинут на неопределенное время всеобщий мир». Для начинающего, не правда ли, весьма приличная дальновидность? Не угадал Меттерних только дальнейших действий Наполеона. Не угадал очевидно, потому, что тот его интересовал лишь как одно из целого ряда проявлений меняющейся обстановки во Франции.

4.

ПАДЕНИЕ АВСТРИИ ПРИНОСИТ ПОВЫШЕНИЕ МЕТТЕРНИХУ

Берлинскую миссию Меттерниха можно было бы охарактеризовать как свалившийся на голову успех, в котором его собственной заслуги было очень мало. Император дал ему задание привлечь Пруссию на сторону союза Вены и Петербурга, нацеленного против Франции. В конце концов 3 ноября 1805 г. король Пруссии заключил в Потсдаме тайный договор с Россией и обязался поддерживать антифранцузскую коалицию, что, однако, было результатом давления русского царя, а вовсе не австрийской дипломатии. Меттерниху оставалось только под этим договором подписаться. Но не прошло и месяца, как всю эту многотрудно выстроенную конструкцию русско-австро-прусского союзничества в прах разнесли французские пушки в битве под Аустерлицем. Пруссия даже не успела мобилизовать ни единого солдата. Пресбургский (Братиславский) мир, заключенный в декабре 1805 года после аустерлицкой катастрофы, за несколько часов изменил облик Европы. Империя рухнула, а с ней пала сила и мощь Австрии как одной из великих европейских держав.

Таковы были рамки деятельности Меттерниха в Берлине. Разумеется, что в своих мемуарах и более поздних записках он преувеличивает свою роль в берлинскую

пору и придает государственную значимость мелким интригам, которые тогда плел. На фоне спора между сторонниками и противниками войны как в Вене, так и в Париже роль Меттерниха в Берлине была по меньшей мере второстепенной. Но человеку свойственно субъективно оценивать события, в которых он участвует, а если этот человек наделен значительной дозой тщеславия, то он видит себя в самом великолепном свете и часто изрекает нечто подобное тому, что утверждал Меттерних в письме княгине Ливен: «Я никогда не ошибался». И далее: «Мне известен сегодня лишь один человек, который знает, чего он хочет: это я сам».

Однако он ошибся сразу, в самом начале своей берлинской миссии. Едва обосновавшись и оглядевшись, Меттерних решил, что прусский министр иностранных дел граф Гаугвитц подкуплен французами и что перекупить его невозможно, о чем немедленно сообщил в Вену. Трудно сказать, в каком салоне он услышал эту сплетню, однако при этом упустил из виду то, что быстро уловила одна удивительная женщина, тогда уже сорокалетняя мадам де Сталь, вращавшаяся в ту пору в столицах европейских империй и комментировавшая в письмах к отцу и в политических памфлетах различные события. В Берлин мадам де Сталь попала в марте 1804 года как изгнанница, преследуемая Наполеоном, и политическую ситуацию точно определила, заявив, что «подлинным шефом Пруссии является господин Ломбард», секретарь королевского кабинета, наперсник короля и «серый кардинал» прусской политики.

По письмам де Сталь при минимальном терпении можно восстановить облик и характер жизни прусского двора и берлинского дипломатического корпуса. Мелькнет в них и упоминание об ужине у Меттернихов, но, как ни удивительно, сам хозяин дома не произвел на нее никакого впечатления: ему она посвятила лишь пару скупых фраз. Зато Меттерних возвращается к мадам де Сталь в своей корреспонденции более позднего времени и вовсе не скрывает своего несколько неопределенного отношения к ней. Он пишет: «Мое первое знакомство с ней состоялось в Берлине, где она провела одну зиму. Я был с ней постоянно, а она отдавала предпочтение мне... Наши взгляды, однако, расходились... Ее острый ум приводил меня в ужас, а жесты внушали страх. Эта женщина с мужским характером меня убивает...» Мадам де Сталь, которая была близко знакома с членами Директории и своим заступничеством помогла в 1798 году Талейрану сохранить министерское кресло, разгадала Наполеона и стала его противницей. Несмотря на то, что диктатор намеревался склонить ее на свою сторону, она отвергла его, хотя и считала, что звезда Наполеона еще только восходит. В разговорах с мадам де Сталь Меттерних находил подтверждение тому, что уже в 1804 году начал сам предчувствовать: он полагал, что карьера Бонапарта не будет рядовой карьерой одного из многих, поднявшихся на волне Французской революции, что у Бонапарта есть все шансы отметить время своей печатью. Ведь 1804 год — это год, когда Наполеон провозгласил себя императором, а в Берлине уже начало попахивать порохом.

Меттерних терялся в сомнениях. Является ли этот человек, провозгласивший себя императором всех французов, все еще олицетворением революции или, наоборот, призван похоронить ее последние остатки? Молодой граф не был настолько наивен, чтобы не понимать, что буржуазия, этот новый хищный класс, так или иначе сохранится, хотя сам он желал другого — чтобы государственная власть как можно дольше оставалась в руках аристократии. Если Наполеон принял титул императора, рассуждал он, то, видимо, захочет обуздать буржуа. Однако в такую перспективу Меттерних не особенно верил. Потомственный дворянин, он уже подсознательно недолюбливал этих людей, этот новый класс, «третье сословие», и готов был терпеть только его малую группку — банкиров.

Тем не менее Меттерних оставался при убеждении, что дела все более запутываются, французская политика в Германии не приносит Австрии добра и генерал на троне скорее рассечет гордиев узел, чем станет его терпеливо распутывать. Дело шло к войне, это становилось все очевиднее. Но Меттерних пока что мог лишь наблюдать за тем, как развиваются события.

Наполеон короновался в императоры в соборе Парижской Богоматери, вызвав из Рима папу Пия VII, который, однако, в самый торжественный момент оказался в тягостной роли простого статиста, ибо корону схватил сам новый император и, оттолкнув святейшего отца, собственноручно возложил ее себе на голову. Тогда до многих дошло, что здесь прообразом уже был не Цезарь, а Карл Великий. Неужели этот человек, малого роста, но с огромным честолюбием,

действительно намерен создать новую Римскую империю?

Война висела в воздухе, однако и в Вене и в Париже было два человека, которые хотели, чтобы их страны избежали конфликта. В Вене — брат императора эрцгерцог Карл, считавшийся выдающимся полководцем, но понимавший, что в настоящий момент для австрийской монархии выгоднее всего заключить с Францией союз. А в Париже такие желания испытывал министр иностранных дел Талейран, считавший сохранение Австрийской монархии необходимым «для блага цивилизованной Европы». Так он заявлял вслух, а на деле стремился к равновесию сил на старом континенте, что намеревался сделать целью французской политики. Так же тогда думал и Меттерних.

Но император Франц и большинство знати при австрийском дворе желали войны. На воинственный лад настраивали императора его бывший воспитатель, ныне министр кабинета граф Франц Коллоредо и вице-канцлер граф Кобенцль. Франц приходил в ярость при одной мысли о французской политике в Германии.

Наполеон тем временем провел в Германии реорганизацию, самую глубокую со времен Вестфальского мира 1648 года. Он ликвидировал ряд небольших государств и свободных городов, сделав тем самым первый шаг к объединению Германии, которое позже завершит Бисмарк. Выгоду от этого получила Пруссия, а ущерб был нанесен Австрии. Влияние Габсбургов в прежней Римской империи германской нации падало, и возникла опасность, что они утратят не только ведущее положение в империи, но и сам императорский титул, определявший их верховенство среди европейских самодержцев.

Все это побудило венский двор принять решение о проведении формальной реформы титула правителя. 11 августа 1804 г. Франц II, до сих пор именовавшийся императором римским и королем чешским и венгерским, издал эдикт, утвердивший еще один его наследственный титул — австрийского императора. С Наполеоном, который в это время вел переговоры с европейскими монаршими дворами о признании за ним права называться императором, Франц обменялся согласием о взаимном принятии новых званий. Новый титул австрийского императора не должен был затрагивать государственно-правового положения стран, входивших в Австрийскую монархию.

Титул короля чешского и венгерского Франц за собой сохранял. Однако в результате победы Наполеона у Аустерлица и заключения Пресбургского (Братиславского) мира в 1806 году прекратила существование Священная римская империя германской нации (при этом был разорван и давний союз чешского королевства с империей); немецкие государства основали Рейнский союз, а Францу по требованию Наполеона пришлось отказаться от титула императора Священной римской империи. Здесь и нашел свое применение его новый титул австрийского императора. С этого года он уже стал подписываться как Франц I, то есть первый император австрийский. Титулом императора определялась и территория империи, которую образовывали все страны монархии, в том числе и королевства чешское и венгерское, а одновременно и новое наименование государственных учреждений, которые отныне назывались императорско-королевскими, сокращенно — и. к. В ходе дальнейшего развития самоуправление неавстрийских земель было ограничено, а централизация в монархии укреплена.

Но вернемся в 1804 год. Договоренность между Парижем и Веной об императорских титулах нисколько не уменьшила напряжения, существовавшего между обоими государствами. Венская придворная камарилья не могла перенести того, что Наполеон вытесняет Австрию из германских земель и что габсбургские владения в Северной Италии, которые за Францем оставил Люневильский мир, отнюдь не чувствуют себя уверенно под австрийской опекой. И двор подталкивал императора к войне.

1804 годом завершается краткий период «разрядки» в европейских отношениях той поры, причем «бочкой пороха» снова становятся углубляющиеся англо-французские противоречия и антипатии, вокруг которых постепенно выкристаллизовываются все остальные второстепенные противоречия, превращаясь во взрывчатую смесь.

Наполеон усиленно готовит свои армии, сконцентрированные вокруг Булони, к высадке на Британские острова, а в Лондоне Вильям Питт-младший, возвратившись к власти в мае 1804 года, сосредоточивает усилия на создании новой европейской антинаполеоновской коалиции. Рост напряженности на Европейском континенте и возможный военный взрыв стали бы спасением для Великобритании, поэтому английское правительство не

жалеет денег, чтобы создать такую ситуацию за проливом.

Первым, кому были предложены фунты стерлингов, стал русский царь Александр I, наиболее яростный сторонник военного похода против Наполеона, и особенно после оскорбления, нанесенного ему в письме Талейрана по поводу ареста и казни герцога Энгиенского. Александр принял деньги и 11 апреля 1805 г. заключил союзнический договор с Англией, а затем нашел общий язык и с Веной, которая 9 августа 1805 г. присоединилась к коалиции. После оба монарших двора стали оказывать небывалый нажим на нерешительного прусского короля, добиваясь, чтобы и он вступил в коалицию. В общем, у Меттерниха в Берлине работы хватало.

Австрийский двор действовал в Берлине тонко, дипломатично, а нетерпеливый русский царь был весьма решительным. В Вене главными советниками императора были граф Коллоредо, деятель с весьма посредственными способностями, и граф Кобенцль, человек хотя и интеллигентный, но по натуре своей любитель салонов и сторонник салонной политики. В Петербурге же молодой царь окружил себя молодыми советниками, главным образом военными. Поэтому пока Меттерних вел бесконечные разговоры с людьми, «близкими ко двору и к королю», русский царь обошел своего дипломатического представителя в Берлине князя Алопеуса, к слову сказать, немца, большая часть поместий которого находилась в Пруссии, и послал к Фридриху-Вильгельму III для прямых переговоров своего фаворита, молодого генерала князя Долгорукова, который где-то в сентябре 1805 года открыто заявил прусскому королю, что, ежели тот не присоединится к антифранцузской коалиции, русские войска будут вынуждены в интересах защиты своих позиций вступить на территорию Пруссии.

Такое было трудно переварить даже нерешительному Фридриху-Вильгельму. Он реагировал раздраженно и, разумеется, отрицательно, даже угрожающе. В ответе для Александра, который Долгоруков получил в письменном виде, король заявил, что выступит с оружием в руках против каждого, кто посмеет нарушить границы. Молодой король Пруссии хотел любой ценой удержать свою страну на нейтральных позициях. Однако это стало уже невозможным.

Долгоруков еще не успел отправить в Петербург

ответ Фридриха-Вильгельма, как обстановка в Европе изменилась. Реорганизованная наполеоновская Великая армия перешла Рейн и в сентябре 1805 года вторглась в Германию, чтобы двигаться дальше, на Вену. Наполеон не намеревался сидеть сложа руки, глядя на австрийские военные приготовления. Едва до прусского короля дошла весть о присутствии французских солдат на немецкой территории, то первое, за что он схватился, было не оружие, а перо, чтобы написать Александру о своей верности дружбе с Россией и Австрией. Письмо, несомненно, порадовало русского царя, ибо он тотчас же прибыл в Берлин (слово «тотчас» здесь следует, конечно, соотнести со скоростью кареты, запряженной шестеркой лошадей). Было это в середине октября 1805 года. Настроение в Берлине оставалось, однако, неопределенным. Лучшая австрийская армия, которой командовал генерал Мак, оказалась осажденной в крепости Ульм. А когда 19 октября 1805 г. Маку вместе с ядром своей армии пришлось капитулировать, прусский король отказался от дальнейшего сотрудничества с коалицией. И лишь после восьми дней уговоров, не желая восстановить против себя русского царя, он пошел на уступку. Оба величества после подписания совместного секретного договора отправились в Потсдам и там над гробом Фридриха II поклялись во взаимной дружбе. Затем Александр отправился из Берлина в Ольмюц (Оломоуц).

Этот оригинальный русско-прусский договор от 3 ноября 1805 г. не был, следовательно, ни в коей мере результатом ловких шагов Меттерниха. К тому же и последовавшие события превратили его в пустые слова. Прусский король, правда, решился послать Наполеону ультиматум. Но когда после трехнедельного неторопливого путешествия 2 декабря 1805 г. королевский министр иностранных дел Гаугвитц добрался наконец с ультиматумом до главной ставки Наполеона в Аустерлице, французский император уже выиграл знаменитую битву. Гаугвитц был принят Наполеоном только через два дня, так что прусский министр стал свидетелем того, как на французскую передовую линию прибыл сам австрийский император с просьбой о перемирии и мире. Проявив находчивость и засунув ультиматум поглубже в карман, Гаугвитц поспешил поздравить Наполеона с победой. Однако победитель встретил его с нескрываемой иронией. Ведь после битвы под Аустерлицем Пруссия уже не могла

угрожать Наполеону. Бонапарт принял Гаугвитца еще один раз, 15 декабря, в Шенбруннском дворце и, по сути дела, в тот же самый день заставил его подписать с Францией союзнический договор.

Позже Меттерних писал, что попытки присоединить Пруссию к коалиции на основе некоего действенного сотрудничества оказались несостоятельными в результате трех ошибок русских. Во-первых, князь Долгоруков, «муж находчивый и полный огня», по своему характеру совершенно не годился для столь деликатной миссии; во-вторых, русскому послу графу Алопеусу «недоставало энергии» и, наконец, «неблагоразумное поведение царя Александра, угрожавшего Фридриху-Вильгельму военной силой, оказалось великим недоразумением».

Наполеоновский поход 1805 года, завершившийся поражением австрийского императора и русского царя под Аустерлицем, до самого последнего времени в различных учебниках военной стратегии и тактики трактовался как образец правильно разработанного плана, хорошо проведенной подготовки, а главное, мастерски достигнутой цели.

Замысел был прост — своевременно помешать военным приготовлениям третьей, начавшей формироваться в 1804 году антинаполеоновской коалиции. (Инициатором ее была Великобритания, которая уже с 1803 г. находилась в состоянии войны с Францией, а присоединились к ней Россия, Австрия и Швеция.) И надо сказать, что Наполеон добился своего и застиг коалицию, прежде всего австрийцев, врасплох. Война разразилась в сентябре 1805 года и была в современном смысле слова «молниеносной».

Австрийский император назначил командующим своей главной армией, которой предстояло остановить Наполеона, неспособного, выдвинувшегося по протекции генерала Мака, в то время как эрцгерцог Карл был послан на второстепенный итальянский фронт. А с Маком Наполеон мог играть, как кошка с мышкой. Дело в том, что генерал Мак назначил начальником своей разведывательной службы лучшего наполеоновского шпиона, организатора его собственной разведки Карла Людвига Шульмейстера, который, изменив свой облик, уже несколько месяцев находился в Вене и посылал оттуда французскому императору самые подробные сообщения о перемещениях, вооружении и силе

австрийских войск. А генералу Маку Шульмейстер поставлял ложные сведения о «противнике» и убедил того не отступать от Ульма, что и намеревался сделать австрийский командующий, чувствовавший ненадежность своих позиций. В результате Мак остался в укрепленном городе, где был застигнут французами врасплох и капитулировал.

После Ульма перед Наполеоном открылась дорога на Вену. Он вступил в этот город на Дунае 13 ноября 1805 г. Вена не сопротивлялась, австрийские войска покинули ее вместе с императором и всем двором, а на улицах и у ворот несла службу только городская гвардия. Толпы любопытных венцев, заполнивших тротуары, даже приветствовали Наполеона и его солдат.

Наполеон был готов отнестись к Австрии великодушно. Возможно, на это настраивали его настоятельные советы министра иностранных дел Талейрана, который в конце октября, то есть уже после битвы у Ульма и падения других австрийских оборонительных рубежей, подготовил обширную программу будущего мира и ознакомил с нею Наполеона в письме из Страсбурга. Думая о будущем облике Европейского континента, Талейран считал, что «Австрию не следует ставить на колени и топтать больше, чем это отвечает интересам самой Европы». Если бы от Австрии потребовали слишком больших жертв, «ей пришлось бы на какое-то время подчиниться неизбежности», но «она стала бы искать возможности получить реванш и готовить новую коалицию... Но если мы, наоборот, милостиво протянем Австрии руку, то создадим тем самым основную опору нашей политике в Европе; мы отделим ее от Англии, Пруссии и России, разоружим таким образом наших противников, нейтрализуем весь континент и тем самым окончательно решим проблему самого прочного мира, на какой только разум может позволить себе надеяться».

Интересно читать эти слова Талейрана: каким бы он ни был, он понимал, что свои военные победы Франция впредь сможет использовать только в мирных условиях. Талейран хотел добиться мира, основанного на равновесии сил, то есть пришел к тому же выводу, к которому всего несколькими месяцами позже придет и граф Меттерних.

Вена не привела в восторг Наполеона. Лишь в первые дни он с интересом бродил по залам и комнатам просторного Шенбруннского дворца. Его офицеры удивля-

лись грязи на улицах, спискам проверяемых цензурой книг, малочисленности газет и, наоборот, множеству сомнительных кабачков и гостиниц с красным фонарем над входом. Наполеон и не предполагал, что эти восемь дней своего венского ничегонеделания он провел неподалеку от музыкального гения, который одну из своих самых знаменитых симфоний, «Героическую», первоначально сочинял в его честь. Но и Бетховена французский император в то время уже не привлекал. Он был тогда в плену иных страстей и с волнением ожидал премьеры своей единственной оперы «Фиделио». Премьера состоялась 20 ноября 1805 г., и в тот самый день генерал Мюрат сообщил из Брно Наполеону, что посылает войска к Аустерлицу. Так в один и тот же день Наполеон услышал название «Аустерлиц», а сливки венского общества — хор узников из «Фиделио». На следующий день французский император покинул Вену и отправился к своим солдатам сначала в Брно, а оттуда на распаханные и засеянные поля у Аустерлица.

Сражение трех императоров и по сей день не дает спокойно спать многим военным историкам и теоретикам. 2 декабря 1805 г., располагая намного меньшей армией, Наполеон сумел за шесть часов разбить австрийские и русские войска. Восемь дней перед боем он провел здесь, изучал местность, приглядывался к погоде и размышлял. Логика и знание свойственной противникам шаблонной, догматической манеры ведения боя давали ему смелость заранее предвидеть действия неприятеля. И предвидение оправдалось.

Всю свою энергию, все свое воображение он вложил в подготовку удара по центру. Происходившее на флангах его особенно не интересовало, там он дал простор для действий своим маршалам, сам же обратил все внимание на центр, делая ставку на два фактора: на искусство и дисциплинированность солдат генерала Сульта и на погоду. Ведь в первые декабрьские дни в Моравии обычно стоят туманы, а между Наполеоном и его противниками пролегала долина. Что, если бы в то роковое утро не пал туман? Что, если бы пошел дождь? Что, если бы..?

Но ему повезло и в этом. Ранним утром, когда его войска снялись с позиций, не выдержал и сам император и отправился проверить лично, как солдаты Сульта выполняют приказ. А те, скрытые густой мглой, тихо перешли долину и, когда туман поднялся, уже стояли на

склонах у деревушки Праце, в непосредственной близости от войск генерала Кутузова и графа Коловрата, чьи пушки были нацелены в противоположную сторону, откуда ожидалось наступление французов. Все выглядело так, словно топор врезался в самую середину колоды. Момент неожиданности был абсолютным. Последовавшие затем шесть часов боя показали превосходство армии, в чьей организации нашли свое отражение общественные перемены. Железная воинская стратегия, лисья тактика, многократно отпразднованные победы, строгая похвала командующего, и сегодня волнующая сердца многих французов: «Солдаты, я вами доволен», — все это торжество логики, расчета и точной дозы риска обошлось, тем не менее, в двадцать тысяч жизней. Тысячи раненых умерли уже после сражения, начали ширяться эпидемии, а распустившаяся солдатня принялась грабить моравскую землю.

В своей знаменитой речи, произнесенной после аустерлицкой победы, Наполеон так оценивал военный итог битвы: «Сорок знамен, сорок штандартов царской русской армии, сто двадцать пушек, двадцать генералов, более тысячи пленных — вот результат того дня, который будет славен во веки веков...» «Итак, за два месяца была разбита третья коалиция, — говорил далее французский император и о дипломатическом значении Аустерлица. — Мир уже не может быть далеко, но, как я обещал своему народу перед тем, как перейти Рейн, я не заключу никакого иного мира, кроме такого, который даст нам гарантии и обеспечит вознаграждение нашим союзникам».

После битвы 3 декабря 1805 г. Наполеон пишет своему брату Жозефу: «Хотя последние восемь дней я располагался под открытым небом, здоровье мое хорошее. Сегодняшнюю ночь я проспал в постели в прекрасном замке господина Коуница в Аустерлице».

Это был тот же самый замок, где десять лет назад цыгане пели и играли на свадьбе графа Меттерниха.

Там, где кончается труд солдата, начинается работа дипломата. А так как мы все еще находимся в начале XIX века, то не приходится удивляться, что и одна-единственная проигранная битва означает существенные изменения на политической карте континента и даже в тех его областях, которые, казалось бы, никак с войной не связаны. Итак, вкушая плоды

своего триумфа, Наполеон набирается сил в коуницком замке. Через два дня после битвы к нему лично прибывает император Франц, и они беседуют в селе Спалены Млын у Наседловиц. Возникают договоренности, которые будут положены затем в основу пресбургских переговоров.

Пресбургский (Братиславский) мир был подписан сразу после Рождества, 26 декабря 1805 года, в Зеркальном зале бургграфского дворца. Для австрийского императора он имел серьезные последствия. Австрия отдавала Наполеону свои венецианские владения вместе с Далмацией и Истрией и отказывалась от части старых имперских земель (Тироля и др.) в пользу Баварии, Вюртемберга и Бадена, теряя одну из основных опор в фундаменте старой Священной римской империи германской нации.

Последствия Пресбургского мира были в этом плане катастрофическими и по сути — такова уж ирония судьбы! — в равной мере непоправимыми как для Австрии, так и — в исторической перспективе — для Франции. Через полгода после заключения Пресбургского мира, как уже говорилось, Наполеон объединил 16 западногерманских государств в так называемый Рейнский союз вассальных государств, провозгласивших его своим «протектором». Был сделан еще один шаг к будущему объединению Германии. Наполеон заставил Франца II отказаться от почти тысячелетнего титула императора Священной римской империи, ибо наследником его он, Наполеон, считал себя. С той поры, то есть с 1806 года, Франц начал именоваться Францем I, первым австрийским императором, а Священная римская империя германской нации канула в Лету. Со всей определенностью был также разорван и старый союз чешского королевства с этой империей.

Аустерлицкое сражение и все, что последовало после него, вызвало шок в австрийских придворных кругах, которые, как всегда в подобных случаях, разделились на тех, кто опасается перемен в связи с поражением войск коалиции, и тех, кто надеется, что именно теперь настанет их время. Каждая проигранная война с особой отчетливостью высвечивает слабые стороны системы, а их в Австрии было предостаточно. Все еще оставались и сторонники реформ, готовые продолжить усилия, начатые Иосифом II. Они заявляли, что антиреформистская группа аристократов виновата в том, что Франц встал

на путь военных авантюр, и всем постепенно становилось ясно, что кто-то должен быть принесен в жертву. Партия реформ во главе с графом Стадионом на какое-то время добилась перевеса, и в результате Франц I отправил в отставку министра кабинета графа Коллоредо и вице-канцлера графа Кобенцля, заменив последнего графом Филиппом Стадионом.

Когда правительству бывает плохо, оно поворачивается лицом к народу. Это сделало и новое венское, заявив в пламенных словах о своем намерении возродить австрийское величие и пригласив к сотрудничеству все слои общества. В таких обстоятельствах правящие круги бывают готовы временно ослабить давление на низы, слегка отпустив туго закрученные гайки. В Вене на какое-то время ослабла цензура, полиция отступила за кулисы. Стали поговаривать об оживлении промышленности, обновлении кредита и расширении духовной культуры. Сам император словно бы поддался реформаторской горячке. На высочайшее рассмотрение стали выноситься проекты реформ. Был даже составлен любопытный список различных непорядков и извращений, допускаемых администрацией в общественной жизни и нуждающихся в исправлении. Появилась возможность критиковать недостатки в школьном деле, сельском хозяйстве, в военной организации и упрекать власти за неповоротливость в решении общественных проблем. Такая волна критики и определенных надежд была логическим следствием шока, вызванного проигранной войной.

Но «ласковая оттепель» не продержалась и двух лет, а от всех реформаторских начинаний уцелело лишь единственное — военная реформа, и то лишь благодаря эрцгерцогу Карлу, которому после Пресбургского мира было поручено управление армией. В 1807 году после смерти супруги императора снова повеяло холодом. Франц I попал под влияние довольно странной камарильи во главе с императорским адъютантом Кучерой (писалась его чешская фамилия на немецкий лад — Кутшера), придворным священником Лангенау и личным врачом императора Штифтом. Это была троица реакционеров, подобных которым трудно найти. Однако император в их кругу чувствовал себя хорошо и постепенно стал склоняться к мнению, что с чрезмерной свободой в империи пора кончать.

Меттерних в Берлине воспринимал все перемены, происходившие после Аустерлица, как бы издалека.

Разумеется, они чувствовались и там. Русский посол граф Алопеус ушел в отставку. Английский — Джексон — был отозван в Лондон, а сам Меттерних уже готовился в марте 1806 года возвращаться в Вену, поскольку, как ему дали понять, Вена предполагает назначить его своим представителем в Петербурге. Именно в остававшиеся до отъезда две-три недели, необходимые для завершения дел, Меттерних сумел проявить подлинный дипломатический талант.

Прежде всего он очень быстро осознал всю глубину аустерлицкого поражения, а потому, как только в середине января получил подробные сведения о Пресбургском мире, не колеблясь, сразу же установил контакт с французским послом в Берлине Лафорестом. В то время французы отовсюду слышали одно: представители Австрии считают, что пресбургские договоренности им «навязаны обстоятельствами», а потому при случае дают понять: отмщение — это дело лишь времени и возможности. А Меттерних в разговоре с Лафорестом однозначно принимал условия недавнего мира и признавал их началом длительных мирных отношений между обоими государствами. Французский посол сообщил об этом в Париж, отметив при этом, что «господин Меттерних, который.., похоже, пользуется доверием своего двора, до сих пор не дал ни малейшего повода для каких-либо подозрений относительно посторонних умыслов Австрии. Его публичные и частные высказывания направлены на то, чтобы убедить, что его страна не имеет иных желаний, как только вести свои дела на основе длительного мира».

Лафорест поверил в искренность Меттерниха и его слов о том, что в настоящее время нет силы, могущей противостоять западной федеративной системе с Францией во главе, о создании которой помышлял Наполеон, и сообщил об этом в Париж. Видимо, все это и было причиной того, что Наполеон отказался принять уже находившегося в Париже графа Кобенцля, которого Австрия готова была сделать своим дипломатическим представителем, и велел Лафоресту намекнуть Вене, что император с удовольствием увидел бы на этом посту господина Меттерниха.

В марте 1806 года Клеменс Меттерних покидал Берлин, полагая, что будущим местом его деятельности станет Петербург. Он увозил с собой кроме нового секретаря и литературного помощника Йозефа Антонина

Пилата, которого взял там к себе на службу, ощущение бесконечной тоски от здешней жизни да волнующее воспоминание об одной женщине, тогда лишь промелькнувшей на его пути, — прекрасной герцогине Вильгельмине Заганьской.

Меттерниха обрадовало сообщение, переданное ему по приезде в Вену новым государственным канцлером графом Стадионом. Конечно же, он отдает предпочтение Парижу перед Петербургом, ведь Париж был тогда центром европейской политики!

5.

ОШИБКИ В ДИПЛОМАТИИ СТОЯТ ДОРОГО

«Только в Париже началась моя светская жизнь», — скажет Меттерних позже. Париж в ту пору, когда слава и могущество Наполеона достигали своей вершины, представлял собой невообразимый конгломерат революционной прямоты и салонной лживости. Чтобы утвердиться там, требовались не только опыт и талант, но и порядочная доза дерзости. Похоже, что именно парижские годы отточили в характере Меттерниха те черты, которые столь необходимы для достижения успехов на дипломатической стезе.

Оценило его по достоинству и парижское общество, прежде всего дамы, задававшие тон. Он быстро стал вхож в самые известные салоны, в том числе в знаменитый из знаменитых — салон мадам Лауры д'Абрантес, супруги наполеоновского генерала Жюно. Эта дама, оставившая в жизни Клеменса Меттерниха неизгладимый след, за 9 тысяч франков в год нанимала отель Реиньер, где ежедневно принимала господ из различных посольств и устраивала «суаре» — званые вечера. Ее салон был рассадником парижских сплетен, но в то же время и тем местом, где можно было разузнать новости или передать информацию. Не один

дипломат ходил туда «за материалом», когда надо было писать очередное донесение министру.

Благодаря своей внешности и манерам Клеменс Меттерних быстро оказался в центре внимания дам. Высокий (по тем временам), стройный, с правильными чертами лица, романтически одетый в плащ мальтийского рыцаря с красным верхом и черной подкладкой, он вызывал вздохи поклонниц, в то время как мужчины уже замечали на лице 34-летнего красавца явные следы ночных кутежей. Тем не менее современники не отрицали его достоинств: способности владеть собой, острой наблюдательности, умения быстро составить суждение и говорить, создавая впечатление, будто каждое его слово продуманно; по сути же он стремился к одному: не дать прорваться ни малейшему движению мысли наружу.

Меттерних отличался отвагой и обожал женщин. В Париже у него была великолепная возможность насладиться своим влиянием на них. Он уже накопил достаточно опыта, чтобы понимать женскую психологию и в относительно молодом возрасте постиг тайну, которая обычно открывается старшим и более опытным мужчинам, а именно: женщину надо воспринимать не такой, какая она есть, а такой, какой она хотела бы, чтобы ее видели. Секрет завоевания женщины большинство мужчин обычно познает в том возрасте, когда это уже им ни к чему, но Меттерних, похоже, в этом плане представлял собой редкое исключение. Он привык писать длинные страстные письма с признаниями в любви и делал это обычно в полночь, когда кончался рабочий день. Такая привычка не изменяла ему даже в самой напряженной обстановке, например несколькими годами позже во время Венского конгресса.

И в любви, и в политике он оставался верен одной заповеди: если крепость нельзя взять штурмом, надо разрушить сопротивление изнутри, используя и лицемерие, и интриги. Он понимал, что живет в эпоху, когда многих женщин, как и политиков, можно подкупить. В его защиту надо сказать, что по отношению к женщинам он прибегал к такой практике лишь в исключительных случаях и скорее всего для того, чтобы дама молчала, коли уж позволила себя соблазнить.

Если бы мы попробовали взглянуть на то время глазами невысокого, толстоватого и некрасивого господина в очках, который под псевдонимом «Стендаль» писал о

тогдашнем обществе*, возможно, мы бы сказали, что это была пора романтизма в дипломатии и в политике. Но если оценивать прошлое более трезво, то следовало бы, наверное, признать, что в аристократическом обществе той поры нравственные принципы зависели лишь от спроса и предложения.

Персонификацией и наиболее ярким примером справедливости такого вывода может послужить партнер Меттерниха, сидевший в кресле французского министра иностранных дел, — Шарль Морис Талейран Перигор. Сразу же по приезде в Париж 5 августа 1806 г. Меттерних нанес визит в министерство иностранных дел, находившееся на улице дю Бак, чтобы известить Талейрана о своем прибытии. Он сделал это с улыбкой, как и положено настоящему дипломату, хотя в душе его бушевал гнев, поскольку на пути из Страсбурга в Париж его задержали французы.

В своих воспоминаниях он высказал предположение, что инцидент носил политический характер, так как тогда в Париже между русским представителем П. Я. Убри и французским генералом Кларком заканчивались переговоры «о прочном мире». Проект договора из 13 статей был подготовлен и подписан 20 июля 1806 г., но подлежал еще ратификации в Петербурге. Однако ратификация не состоялась, так как царь к тому времени уже начал проявлять интерес к созданию новой антифранцузской коалиции.

Видимо, Меттерних снова переоценил свою особу, истолковав позже дорожное происшествие как попытку французов отдалить его от переговоров, дабы он не внес в них фальшивой ноты.

Удивительно, но ни Талейран, ни Меттерних в своих воспоминаниях не упоминают об этой встрече (на улице дю Бак). Странно, ведь они должны были понимать друг друга. Несмотря на все различия в характерах и убеждениях, их объединяла мысль о том, что для блага Европы, то есть благополучия обеих великих держав, был

* После выхода в свет его «Пармской обители» долго ходила молва, что прообразом герцога де ла Моски послужил граф Меттерних. Сам же автор в письме Бальзаку от 30 октября 1840 г. опровергает это: «Я не писал характер своего героя с господина из рода Меттернихов, которого в последний раз видел в Сен-Клу, когда он носил на руке кольцо из волос столь прекрасной тогда К. М.» (Инициалы, несомненно, означали Каролину Мюрат.)

необходим более прочный мир, основанный на франко-австрийском сотрудничестве. Мнение Талейрана на сей счет было известно, ведь еще совсем недавно, на второй день после сражения под Аустерлицем, он снова написал Наполеону: «Мы могли бы легко разрушить габсбургскую монархию, но лучше будет, если мы ее, наоборот, укрепим и дадим ей под предлогом союзничества широкий простор во французской системе, ибо Австрия необходима для будущего блага цивилизации народов...» Но Наполеон, как и каждый победитель, не слушал добрых советов, доказательством чему был Пресбургский мир.

Французский министр иностранных дел не отказал себе в удовольствии сообщить австрийскому послу о своих усилиях, предпринятых для максимального смягчения условий Пресбургского мира. В ответ Меттерних снова заверил Талейрана, что его император не имеет иных помышлений, кроме развития дружеских отношений с Францией, которые, разумеется, «никогда не следовало бы смешивать с подчиненностью».

Такими же тривиальными фразами Меттерних ограничился и во время состоявшейся на другой день аудиенции у Наполеона. Это была их первая встреча, когда расстояние между ними не исчислялось в километрах. Ныне Меттерних мог изучать его вблизи, и нельзя сказать, что при этом он проявил себя плохим психологом.

С этой встречей связаны одно из преувеличений и самовлюбленные замечания, которые мы находим в письме княгине Ливен от 31 мая 1820 г. «Моя история, — пишет Меттерних, — может быть, мало поучительна, но зато наверняка не будет нудной. Такое множество фактов, и все они связаны с безмерно важными интересами... Мои годы прошли за единственной шахматной партией, которую я играл с Наполеоном. Мы, не спуская глаз, постоянно следили друг за другом: я — за ним, добиваясь, чтобы он проиграл, а он — за мной с целью выбить из моих рук все фигуры».

Император Франц дал своему новому послу в Париже совершенно ясную, четкую, но весьма трудную задачу: добиться смягчения условий Пресбургского мира. Это было непросто. Только что расправившись с Австрией, Наполеон уже готовился к новому походу. Меттерних имел возможность наблюдать за дипломатической подготовкой к разгрому Пруссии. Его, в общем-то, мало волновало положение прусского короля Фридриха-Вильгельма III. Он ставил ему в упрек нерешительность и

стремление к нейтралитету в прошлом году, когда сам Меттерних, тогда еще посол Вены в Берлине, безуспешно пытался вовремя присоединить Пруссию к третьей антинаполеоновской коалиции. И теперь он не без злорадства наблюдал, как вокруг Пруссии начинает стягиваться петля.

По совету Талейрана Наполеон, воспользовавшись своей победой у Аустерлица, заставил прусского канцлера согласиться с тем, чтобы его министр иностранных дел Гаугвитц подписал с Францией союзнический договор. По нему Пруссия должна была отказаться от нескольких своих земель и в качестве компенсации получить Ганновер. Это была весьма нехитрая ловушка. Ганновер был связан с Англией личной унией, и принятие французского предложения означало для Пруссии ссору с Великобританией. Берлин оказался в тупике, тем более что новое английское правительство, созданное после смерти Питта в феврале 1806 года, было готово вступить в мирные переговоры с Наполеоном. Это на время еще больше сместило соотношение сил в Европе в пользу Франции. Как всегда колеблющийся Фридрих-Вильгельм III не знал, как поступить, и наконец обратился с просьбой о помощи в Петербург. Александр I пообещал помочь, если дело дойдет до прусско-французской войны.

Наполеон не медлил. В Берлин отовсюду шли депеши о продвижении французских войск на восток. Французы, воспользовавшись своим протекторатом над Рейнским союзом, очень быстро превратили его территорию в свой плацдарм против Пруссии. Министр иностранных дел Талейран собирал информацию о будущем противнике. Так, например, 23 сентября 1806 г. в письме французскому дипломатическому представителю в Касселе (Гессен) барону Биньону он гневается, поскольку тот не заметил, что прусских солдат отзывают из регулярного отпуска и т. п., и велит ему выяснить не только, каковы замыслы Гессенского курфюрства, но и все детали о перемещении прусских сил в Геттингене, Оснабрюке и вообще в Вестфалии, Ганновере и на саксонских границах. Он хочет знать, сколько времени потребуется прусским войскам, чтобы переместиться из прусской части Польши в Берлин, и приказывает Биньону под каким-нибудь благовидным предлогом приехать в Мангейм, чтобы обо всех этих вещах лично проинформировать императора.

А в это время Фридрих-Вильгельм окончательно потерял голову и, полагаясь на обещанную Россией помощь, предъявил Наполеону ультимативное требование вывести войска из Рейнской области. Наполеон поднял его на смех, и 8 октября 1806 г. началась война. Французские войска вторглись в Пруссию через Саксонию, и спустя три недели все было кончено. В перечне побед Наполеона появились еще два названия — городов и битв — Йена и Ауэрштедт.

Меттерних тем временем обосновался в холодном и неприветливом парижском отеле «У принца Уэльского», и война его интересовала лишь в связи с тем, что в октябре к нему в Париж должна была приехать жена Элеонора с детьми. Он уже испытывал потребность в каком-то домашнем уюте, тем более что его попытка сблизиться с одной давно знакомой ему женщиной не дала результата. Этой женщиной была уже известная нам графиня Комон, та самая красавица, в которую Меттерних был влюблен все три года, пока учился в Мангейме и Страсбурге. Именно ей первой писал Клеменс из Парижа в ее родовое имение Шанде в Нормандии: «Я страшно скучаю в Париже без Вас». Он преследовал при этом двоякую цель: обрести ее снова как женщину и получить в лице графини информатора. Мадам Комон могла бы ввести его в парижскую жизнь, ибо и тогда дипломату было нужно знать, кто с кем и против кого. Но графиня, как утверждали современники, одна из красивейших женщин империи, не стремилась поменять свою спокойную сельскую жизнь на сомнительные приключения, а потому в итоге все свелось лишь к ее переписке с Меттернихом.

А в это время среди бушующего моря войны, бросившего французов на прусские просторы, по плохим дорогам, петляя среди войсковых колонн, продвигалась карета госпожи Элеоноры Меттерних и наконец благополучно достигла Парижа. Ее супруг написал об этом мадам Комон так: «Я позволил жене и детям приехать из Саксонии по дороге, которая еще была запружена вооруженными людьми, и они приехали. Так что если у Вас вдруг появится армия и потребуется человек, чтобы ею командовать, то Вам следует выбрать госпожу Меттерних, которая ничего не боится».

Это было типично для Меттерниха: своим любовницам он восторженно рассказывал о жене, а при жене скромно упоминал о своих любовницах. Она относилась к этому с большим пониманием. А что ей оставалось делать?

Так мимо Меттерниха пронеслась еще одна военная волна, поднятая Наполеоном. На сей раз Меттерних наблюдал за ходом событий, занимая серьезный пост посла в Париже. Будучи, несомненно, внимательным и прозорливым наблюдателем, австрийский посол довольно быстро начал замечать трещины, появляющиеся во внешне прочном мире Наполеона. Взор Меттерниха проникает под внешнюю позолоту императорского двора. Клеменса уже не обманывает всеобщее угодничество, окружающее Наполеона; не изумляет его и ловко сочиненная, самим Бонапартом инспирированная легенда о солдате — спасителе Европы и создателе французского «величия». За несколько месяцев пребывания в Париже австрийский посол замечает «все те ошибки, которые приведут его [Наполеона] к катастрофе». Прежде всего Меттерних понял главное: все свои победы, столь прославленные и помпезные, Наполеон никогда не доводит до конца, они не становились конечным решением конкретных проблем.

Не было секретом, что Наполеон упивался мечтами о новой империи Карла Великого, которая будет создана на более современной, даже федеративной основе. Однако своими действиями, насильственным низвержением недавних республик, превращаемых им в новые королевства со своими братьями и сестрами на тронах, он сам себя постепенно отделял от Европы. Меттерниху оказалось достаточно двух месяцев жизни в Париже, чтобы написать в сообщении в Вену: «Уже довольно длительное время существуют лишь две стороны: Европа и Наполеон». И австрийский посол начинает размышлять об этих двух величинах, Европе и Наполеоне, находя все новые и новые взаимосвязи, а также и новые возможности, новые исходные позиции и решения.

Хотя Меттерних не был экономистом и хозяйственные вопросы, за исключением изучения собственных счетов в банках, нагоняли на него скуку, он, тем не менее, понял, сколь ошибочен был шаг Наполеона, объявившего 21 ноября 1806 г. в Берлине о «континентальной блокаде».

Этот известный наполеоновский акт доказывал, что после поражения Пруссии император возомнил себя властелином Европы. Единственной державой, которая могла конкурировать с Францией, оставалась Великобритания, а в военном отношении еще, пожалуй, и Россия. Декретом, изданным в Берлине, Наполеон запрещал всем странам, которые, как он полагал, находятся у него в подчинении, торговые и какие-либо иные контакты с

Англией и ее колониями. Было велено арестовывать всех находившихся в континентальной Европе англичан, а принадлежавший им товар конфисковывать. Французское министерство иностранных дел разослало этот декрет всем правителям. Коли уж не смог Бонапарт овладеть Англией с помощью военной силы, он решил нанести ей удар в самое чувствительное место.

Меттерних уже тогда догадывался, в чем будет главная слабость этой меры: она была обоюдоострой, обращенной как против Англии, так и против других европейских стран и самой Франции, а потому не могла действовать на все 100 процентов и без всяких исключений. Тем не менее австрийский посол в депешах в Вену не рекомендовал напрямую отвергать декрет Наполеона.

Остается вопросом, руководствовался ли Меттерних уроками истории или только своим собственным инстинктом и трезвым разумом, но вскоре он пришел к выводу, что наполеоновская империя не может не развалиться в будущем. Тем не менее в данной ситуации, то есть в 1806—1807 годы, Меттерних еще не видел признаков предстоящего падения. Поэтому на глазах у всех он продолжал играть роль смиренного представителя получившей порядочный урок страны и делал вид, что у него нет иных намерений, кроме как содействовать укреплению франко-австрийских отношений. Клеменс настолько вжился в свою роль, что агенты Фуше доносили о наличии подобных настроений и у других людей в доме посла.

Континентальная блокада закрывала европейские рынки для английских товаров, а значит, и для товаров колониальных, главным потребителем которых была Европа. Правительства европейских стран нехотя и нерешительно принимали такие меры. Разумеется, делались и исключения, и первым, кто сумел на этом заработать капитал, был министр иностранных дел Франции Талейран.

Наполеон считал, что соблюдение континентальной блокады должно стать основной задачей его дипломатии, внешней политики, инструментом дальнейшего давления. Блокада на какое-то время прервала международную торговлю, хотя финансовые трансакции не прекратились — к великой радости нескольких крупных банкирских домов, в том числе и франкфуртских Ротшильдов, которые в это время начинают завоевывать позиции.

Наполеон своим беспардонным приказом возмутил многих, но больше всех был раздражен русский царь. Блокада скорее всего и стала последним толчком, приведшим к новой военной авантюре. В декабре 1806 года 150-тысячная русская армия двинулась на помощь оккупированной Пруссии. Меттерних приветствовал этот шаг, так как считал, что любое сближение Франции и России грозит консервацией возникшего в Европе положения, а этого австрийский посол опасался. В тот момент Россия была единственным государством, которое еще могло вывести Наполеона из равновесия. После первого сражения у Пултуска противников развела зима. Наполеон остался в Варшаве. Это было для него прекрасное время, которое он провел в обществе Марии Валевской.

После ряда небольших столкновений и одной, окончившейся безрезультатно, но весьма кровопролитной битвы у прусского города Эйлау 14 июня 1807 г. состоялось решающее сражение у Фридланда, которое русские проиграли, а с ним и всю войну. Прусско-русская коалиция была разбита, и судьба Пруссии на какое-то время определена. Русские войска второй раз за два года потерпели поражение. Наполеон уже стоял на берегу Немана.

Расстроенный Александр искал, кого бы обвинить в своих неудачах, и нашел — Англию, которая и пальцем не пошевелила, чтобы помочь русским. Англичане, очевидно, довольствовались тем, что в 1805 году адмирал Нельсон нанес французскому флоту сокрушительный удар у Трафальгара, хотя сам адмирал при этом погиб. В результате Англия стала безраздельной владычицей морей. Наполеоновская пропаганда в течение нескольких лет пыталась сохранить трафальгарскую катастрофу в тайне.

Когда после битвы у Фридланда Александр послал к Наполеону князя Лобанова-Ростовского с предложением мира, русский царь якобы заявил: «Бывают ситуации, когда надо думать о собственном спасении». Было ему тогда тридцать лет, и, очевидно, какой-то жизненный опыт он уже приобрел. Однако и французы были измучены этой бессмысленной войной.

Непостоянство самолюбивого Александра и хитрость Наполеона, видимо, и привели к несколько театральной встрече двух императоров на плоту посреди Немана вблизи Тильзита. Наполеону явно была по душе встреча с «божьим помазанником», императором по происхождению и наследству, и он якобы сказал, идя навстречу

Александру: «Из-за чего мы воюем, Ваше Величество?» На это взволнованный Александр ответил: «Ненавижу англичан так же, как и вы...» «Если это так, то мир заключен», — завершил Наполеон обмен мнениями. Так начались тильзитские переговоры, во время которых были обговорены франко-русские отношения.

Договор был подписан в Тильзите 7 июля 1807 г. Александр обязался признать берлинский декрет о континентальной блокаде, объявить войну Великобритании и принять все изменения, которые Наполеон произвел или еще произведет в Европе. В ответ он получил обещание, всего лишь обещание и ничего больше, что в будущем французские войска уйдут с территории Пруссии, а Россия получит значительную долю в случае раздела Турции.

Со стороны Александра это был не очень уж мудрый мир, особенно если учесть, что хотя русские войска и проиграли битву, но нога противника даже не вступила на территорию России. Однако и Наполеон мог бы поступить жестче. Ведь неподалеку была Польша, готовая восстать в любой момент и вместе с Францией сражаться против царской России. Наполеон мог шантажировать, но он не стал этого делать, так как уже тогда подумывал, не жениться ли ему на одной из русских великих княжен, настоящей принцессе, и тем самым разделить с Россией власть над Европой и миром. «Что такое Европа?» — вопрошал он над струящимися водами Немана Александра и сам отвечал: «Европа — это мы». И при этом смотрел в глаза своему собеседнику. Затем они уже делили Турцию, договаривались о завоевании Индии. Наполеон согласился на присоединение Финляндии к России. Обоих, очевидно, пьянила мысль о том, как они спасают мир, а потому оба оставляли без внимания тот факт, что большую его часть омывают моря, где бороздят воды корабли английского флота, не имеющего себе равных.

Многие историки, как мне кажется, несколько преувеличивают, видя в Тильзите соглашение о разделе сфер влияния в Европе. Бонапарт стремился договориться с Александром так же, как в 1800 году добивался союза с его отцом Павлом I. В европейской политике Наполеона Россия всегда оказывалась в экстремальной позиции — либо как возможный союзник, либо как роковой противник. В период, о котором мы говорим, Наполеон

делал все, чтобы превратить Россию Александра I в союзницу и тем самым усилить положение Франции перед лицом ее главной соперницы — Великобритании.

Но и Александру представлялся мир с Францией и даже союз с ней в создавшейся обстановке выгодным — прежде всего потому, что для продолжения войны у России не было сил. Однако уже в Тильзите он почувствовал, что новая профранцузская политика натолкнется дома на глубокое сопротивление со стороны как знати, которая по-прежнему видела в Наполеоне революционера, так и купечества, ибо Англия была одним из главных торговых партнеров России, а коммерция не могла не пострадать из-за такой политики Александра. Но иного выхода русский царь пока не находил.

После Тильзита Наполеон очень изменился. Уверовав в то, что ему все позволено, он стал вспыльчивым, раздражительным, обуреваемым манией величия. Он уже не терпел возражений. Да и кто посмеет ему возражать, ведь за какие-то два года он сумел победить все европейские державы — Австрию, Пруссию и Россию. Членам своей семьи — братьям, сестре, другим близким — Наполеон раздавал троны по всему континенту. Жозефа в марте 1806 года сделал неаполитанским королем, изгнав из этой части Апеннинского полуострова местных Бурбонов; Людовика короновал в Нидерландах, превратив бывшую Батавскую Республику в королевство; Жерома сделал правителем Вестфалии; Эльзу — великой герцогиней Тосканской; своего приемного сына Эжена Богарне — итальянским вице-королем в Милане. Дядя Феш получил кардинальский пост. Всюду он держал революцию в узде, всюду у него была способная на все полиция. На его стороне оставалась и подчиненная цензуре пропаганда. Но несмотря на это, где-то в глубине Европы тлела неудовлетворенность. И хотя Бонапарт достиг апогея своего могущества, вдумчивые люди начинали понимать, что теперь неизбежно должна последовать дорога вниз.

Все это видел и Меттерних, следя из Парижа за ходом событий с иронической усмешкой. Развитие хорошо укладывалось в рамки его представлений. Он ошибся, лишь определяя скорость, с какой произойдет закат могущества Наполеона. Эта ошибка, как мы увидим, обошлась Австрии в еще одну проигранную войну.

Пока же Меттерних, как обычно, делил свое время между политикой, женщинами и развлечениями. В декабрьские дни 1806 года, когда русские войска двинулись

на помощь Пруссии, он в своем любимом игорном доме «Клуб князей» на улице Луа наблюдал за знаменитой партией, в которой молодой 24-летний англичанин проигрывал все свое состояние. Об этом можно прочитать в полицейских донесениях, ибо клуб, разумеется, находился под надзором полиции Фуше, как, понятно, и ряд других игорных заведений, публичных домов и светских салонов.

Тильзитский мир и франко-русское сотрудничество побудили Меттерниха к более глубоким размышлениям о соотношении сил в Европе, а также о том, что́ могло бы угрожать Австрии и что, наоборот, пошло бы ей на пользу, ибо информация о содержании бесед императоров в Тильзите, знание присущей им обоим мании величия и прежде всего представление о силе армий этих двух держав, а также о перспективе их длительного сотрудничества — все это не могло не нагонять страха, в том числе и в Вене. Здесь уже речь шла не о «европейском равновесии», а скорее можно было бы говорить о «равновесии над Европой». Неуемный экспансионизм французского императора был известен, равно как и неудовлетворенная тяга царя вмешиваться в европейские дела. Австрия уже получила представление о силе русских армий во время их боевых действий против французов в 1799 году в Северной Италии. Было также известно, что Россия, как и Вена, претендует на Балканы, стараясь включить их в сферу своего влияния. В случае падения Османской империи дележ наследства также вызвал бы спор между обеими странами. Короче говоря, сближение Парижа и Петербурга не сулило интересам двора Франца I ничего хорошего.

Меттерних впервые оказался в особо сложной ситуации, которая требовала продуманного вмешательства. По тем временам это назвали бы дипломатическим вмешательством, на сегодняшний взгляд речь шла об интриге. Но, так или иначе, молодой граф получил наконец шанс проявить свой талант в политике как искусстве возможного, опирающемся на трезвый расчет, дерзость, ложь и риск.

Во-первых, граф поставил перед собой цель помешать сближению двух держав. Для этого он стал детально изучать основы наполеоновской системы, что позволило ему обнаружить формирующуюся оппозицию, но не ту, представленную эмигрантами и политическими болтунами, а настоящую, объективно возникшую трещину в

согласном окружении Бонапарта. Эта оппозиция имела свои конкретные имена.

Тем не менее Меттерних не сумел достаточно хорошо понять, чего добивается этот по-военному мыслящий человек, этот солдат на императорском троне. Он сам еще был отмечен глубокой печатью прежних нравов во внешней политике, когда проблемы обсуждались и разрешались людьми одного круга, одного класса, а ход мыслей Наполеона, его геополитическое* в современном смысле слова мышление были Меттерниху чужды. Когда граф делал выводы, анализируя возникшую в Европе ситуацию, то общая картина рисовалась ему следующим образом: Наполеон за свою короткую карьеру избавил Францию от интервентов, постепенно завоевал Нидерланды и Швейцарию, покорил испанского короля, привлек на свою сторону Италию, создал альянс германских государств — так называемый Рейнский союз — и стал его протектором. Таким образом, Наполеон объединил под своей гегемонией Западную Европу за одним, но весьма важным, исключением — на морях по-прежнему главенствовала Англия. Затем в двух войнах он разбил Австрию и Пруссию, нейтрализовав тем самым Центральную Европу, но не аннексировал, однако, эти поверженные державы. Мог это сделать, но не сделал. Почему? Похоже, что в тот момент непосредственные события закрывали от Меттерниха контуры более широких взаимосвязей, скрывая общие тенденции наполеоновской политики. Австрийского посла обмануло франко-русское сближение после Тильзитского мира. Он опасался, что обе державы разделят между собой Европу, ведь после переговоров Наполеона и Александра на самом деле все говорило об этом.

Однако Меттерних не уловил того, что Наполеон хотел держать в своих руках всю Европу и на пути к этой цели просто должен был устранить Россию. В таком направлении развивалась логика его завоевательских походов. Именно поэтому он не уничтожил Пруссию, не поставил на колени Австрию: в будущем он хотел бы сделать империю Франца своей союзницей против России. Потому-то 10 октября 1807 г. в Фонтенбло Наполеон подписал вместе с Меттернихом официальный документ, смягчавший условия Пресбургского мира.

* Суть геополитики — в утверждении, что географическое положение государства оказывает воздействие на его экономическое развитие и определяет политические цели. В нацистской Германии геополитика стала одним из основных «теоретических» положений немецкой экспансии.

Проблемы геополитики Меттерних пока что представлял себе весьма туманно, а потому избрал далеко не лучшую тактику. Он стремился развалить франко-русский союз, не подозревая, что тот уже обречен самим ходом событий; хотел, чтобы Австрия односторонней акцией лишила Францию верховенства в Центральной Европе, но ошибся в определении времени наполеоновского падения, полагая к концу 1807 года, что у французского императора уже нет достаточной поддержки ни среди народа, ни в армии. Меттерних опирался на предположения, которые высказывались в парижских салонах, однако те оказались весьма неточными.

Меттерних не располагал достаточно надежными источниками информации, не умел их находить и слишком полагался на осведомленность высокопоставленных дам. Ему потребовалось довольно много времени, чтобы понять, что, например, Талейран мог бы сослужить добрую службу австрийским интересам.

Талейран, который сразу же после Тильзита почувствовал, что Наполеон в своей завоевательной страсти готов пуститься в новые сражения, жертвуя жизнями солдат и мирных жителей, подал в отставку с поста министра иностранных дел, якобы заявив, что он «не хочет быть палачом Европы». Наполеон, в свою очередь, говорил, что ему пришлось отобрать кресло у Талейрана, так как жадность и взяточничество последнего не знают границ. Тем не менее расставание было сладким, ибо император назначил бывшего министра своим вице-электором, присвоив ему титул «высочество» и вменив в обязанность во время церемоний облекаться в одеяние из красного бархата с золотой вышивкой и стоять вблизи трона, где время от времени можно услышать кое-что любопытное, а главное — определив годовое жалованье в 300 тысяч золотых франков. Получив чисто декоративную должность императорского выборщика, Талейран мог отныне лишь комментировать готовящиеся новые авантюры своего повелителя.

После Тильзита Наполеон начал подумывать о походе в Испанию и Португалию, хотя покорные тамошние дворы и так валялись у него в ногах. Испанские Бурбоны не представляли конкуренции для Наполеона и были готовы сделать все, что бы он от них ни потребовал.

Талейрана пугали новые авантюры, но, тем не менее, вслух он одобрял планы своего императора.

Меттерниха, который Талейрана хорошо не знал, поначалу смущала такая двойственность позиции бывшего министра. Он даже представить себе не мог, что, проявив некоторую ловкость и пожертвовав солидной суммой денег, мог бы получить в его лице ценного информатора. Пока в начале 1809 года князь не предложил себя сам на такую должность, австрийский посол в расчет подобную возможность не принимал.

А пока Меттерних с большим упорством обхаживал своих высокопоставленных любовниц — Каролину Мюрат и Лауру Жюно. Они обе были весьма привлекательны и сулили стать поставщицами информации из высших кругов наполеоновской империи. Правда, позже выяснилось, что обе дамы служили скорее источником дезинформации и сплетен, а вовсе не достоверных сведений, тем не менее все получаемые от них новости Меттерних старательно записывал, строил на их основе свои предположения и посылал донесения в Вену.

Что же касается Наполеона, то он о своих подлинных планах говорил лишь после того, как принимал окончательное решение, а главное, никогда не делился ими с дамами. Он, видимо, хорошо понимал, сколь опасна для солдата болтливая женщина. И неспроста, когда его генерал Жюно венчался 30 октября 1800 г. в костеле Святого Людовика с Лаурой Пермон, Наполеон, тогда еще первый консул, дал ей мудрый совет: «Запомните: вы должны все видеть, все слышать и обо всем сразу же забывать. Прикажите вписать эти слова в ваш герб».

Тогда 16-летняя Лаура была миниатюрной и столь прекрасной, что ее, наверное, обожал и сам Наполеон. Однако о добром совете командира своего супруга она быстро забыла. Лаура переезжала из одного великолепного дома в другой, заводила множество знакомств, меняла компании, расставалась с многочисленными любовниками, среди которых был и некий «забавный» капитан Карел, и Дюрок, шеф личной полиции Наполеона. Пока что все обходилось благополучно, так как все они были преданными слугами императора.

Однако, увы, божественной Лауре общества французов уже стало мало. Тогда она наняла отель Реиньер, где начали собираться иностранные дипломаты, которым было скучно в Париже. Сюда приходили русские — от посла Моркова до князя Долгорукова, был сюда вхож и

граф Кобенцль из австрийского посольства, тот самый, кто изначально должен был занять пост, позже порученный Меттерниху.

Так что когда новый австрийский посол обосновался в Париже и выяснил, что его старая любовь мадам Мари Констанс де Комон Лафорс не намерена ради него покинуть свои нормандские поместья, он, не колеблясь, встал на путь, проложенный его предшественником, обменявшись с Кобенцлем постами и в посольстве, и в салоне юной генеральши, которая в ту пору была не просто очаровательной женщиной, но и супругой военного губернатора Парижа. Меттерних на какое-то время поддался ее очарованию и стал постоянным посетителем салона в течение всего своего парижского пребывания, но в первые месяцы он здесь бывал почти ежедневно. Первое упоение женщиной, особенно такой, о которой один из современников написал, что она «молода, прекрасна и нравится всем, кто ее познал», бывает наиболее пылким, и мужчина способен наделать бездну невероятных глупостей. А если к тому же перед ним женщина, мать которой была «наполовину гречанкой, наполовину корсиканкой, но, во всяком случае, искательницей приключений», женщина, владеющая искусством добавлять к своим прелестям и точно отмеренную дозу распущенности, тогда мужчина теряет всякое благоразумие, и не только в делах любви.

Летом и осенью 1806 года Меттерних сопровождал Лауру повсюду, так что в донесениях шпионов Фуше можно найти и описание визита этой пары к мадам Ленорман, известнейшей в те времена парижской гадалке, которая предсказывала будущее по хрустальному шару, а то и по бумажке с полицейской инструкцией. Меттерних писал Лауре письма, по части которых он был великим мастером. Особенно много их было написано в конце 1808 года, когда Меттерниху на время пришлось отправиться в Вену. Они, очевидно, представлялись Лауре остроумными и льстили множеством комплиментов, а потому она их складывала в специальную шкатулку, что обернулось для нее, как мы позже увидим, почти трагедией. В те же минуты, которые наши герои проводили вместе, их разговоры касались и политических тем. Но что могла женщина типа Лауры знать о политике, кроме пустых сплетен? А возможно, и кроме информации, кем-то ей специально сообщенной?

Началась удивительная игра в информацию и дезинформацию, в притворство и маскировку; сочинялись тексты и подтексты, вскрывалась дипломатическая корреспонденция, причем отправитель знал, что она будет вскрыта, а адресат — что написанному нельзя верить, но следует доверять иной почте, в отношении которой писавший убежден, что ее содержание останется тайной для посторонних, хотя курьер продал и ту. Здесь Фуше и его агенты соперничали с тайной наполеоновской полицией Дюрока, ибо и этот господин был некогда одним из любовников прекрасной Лауры, а ее брат состоял у него на службе. Меттерних, разумеется, кое о чем догадывался, однако далеко не обо всем, иначе наверняка не пускался бы в дальнейшие и любовные, и политические авантюры.

Меттерних восхищался Каролиной Мюрат, сестрой Наполеона, а позже — королевой неаполитанской, не только ее великолепной фигурой, но и тем упрямством, с которым она уходила из-под влияния своего брата-императора. О ней было известно, что она в хороших отношениях с Фуше. И Меттерниху пришло в голову, что именно через нее он сможет распространять фальшивую информацию, которая через Фуше непременно дойдет до ушей Наполеона.

Позже граф Савари напишет об этом в своих воспоминаниях: «Меттерних направлял свою информацию столь высоко, что она была недостижима ни для кого, кроме императора. Он добился, чтобы до министра полиции доходило все, о чем он считал нужным его оповестить. Для этого воспользовался особой, которой мог манипулировать (такт не дозволяет мне назвать ее имя, что было бы лишним разоблачением) и которая для Фуше была совершенно незаменимой». И далее: «Именно он [Меттерних] часто бывал автором всевозможных историй, которыми Фуше развлекал императора...»

Основным содержанием дезинформации в 1808 году было утверждение, что в Вене берет верх партия мира и что император Франц не намеревается предпринимать никаких военных шагов. Правда была иной, Меттерних распространял заведомую ложь, однако и Наполеон в то время уже перестал доверять Фуше, приносившему ему эти сказки.

Тем не менее роман получался великолепным. Каролина любила Меттерниха, и какое-то время в Париже боролись за свою любовь две настоящие соперницы —

Лаура и Каролина. Но если об отношениях Меттерниха с Лаурой нам известно довольно много подробностей, прежде всего почерпнутых из воспоминаний мадам Жюно, то связь с Каролиной бедна фактами, по сути известно лишь то, что она существовала.

Все это, тем не менее, не помешало Меттерниху начать еще один маленький, хотя и довольно глубокий, флирт с известной парижской актрисой Жорж Вайнер, фавориткой Наполеона, невысокой, красивой, слегка полноватой женщиной, у которой позже возник роман с русским графом Бенкендорфом. Она даже поехала к нему в Петербург (это было в 1808 г.); злые языки утверждали, что граф позвал ее туда, чтобы уложить в постель к опечаленному Александру I и излечить таким образом императора от любви к княжне Нарышкиной из соперничающего клана. Затея якобы не удалась.

Итак, за неполных два года (1807—1808) Меттерних успел пережить несколько любовных авантюр с политическим подтекстом (и к тому же, добавим, под деликатным надзором французской полиции). Фуше по этому поводу не без иронии сообщал в полицейском бюллетене: «Мы позволили Меттерниху играть роль, которая не соответствовала его возрасту и внешности (известно, что г. Меттерниху не хватает многих зубов). Молодые красивые женщины любят, когда у мужчин все на своем месте...» Не правда ли, несколько жестоко по отношению к Меттерниху, которому не исполнилось тогда еще и тридцати шести лет?

Бывая в салоне Лауры Жюно, которой Наполеон в январе 1809 года пожаловал титул герцогини д'Абрантес, Меттерних извлекал многочисленные идеи и получал информацию для размышлений. На фактах, намеках, услышанных в обществе гостей Лауры, строил он свои концепции и делал выводы о плачевном положении наполеоновской империи. А Бонапарт был тогда полностью занят своим испанским походом.

Наперекор здравому смыслу Наполеон решил сместить испуганных Бурбонов с испанского трона и непосредственно подчинить себе всю страну. Поводом послужило то, что, несмотря на континентальную блокаду, английские товары самыми различными путями проникали в Европу. Один из таких путей, еще не контролируемых Францией, лежал через Пиренейский полуостров. Весной 1808 года под предлогом выяснения семейных конфликтов, возникших между испанским ко-

ролем и наследником трона, Наполеон заманил королевскую семью во французский город Байонну, лежащий неподалеку от испанской границы, где арестовал ее и заключил в валенсийский замок Талейрана. Там испанская королевская семья прожила практически до падения империи к превеликому огорчению самого хозяина замка. Испанским королем Наполеон сделал своего брата Жозефа.

Такой коварной уловкой Наполеон начал завоевание Пиренейского полуострова, которое вылилось в длительную и тяжелую войну. Здесь впервые императору пришлось встретиться с новым неожиданным явлением: оскорбленный народ поднялся на борьбу против французских оккупантов и повел ее всеми ему доступными средствами. С той поры испанское слово «герилья» означает народную партизанскую войну. У Байлена испанцы заставили капитулировать французский корпус генерала Дюпона, и сообщение об этом вызвало отклик во всей Европе.

В Пруссии поднял голову немецкий национализм, получивший распространение прежде всего среди университетской молодежи и поддержанный рядом выступавших против французского господства тайных организаций, таких как Тугендбунд. Возглавил движение государственный министр Фридриха-Вильгельма III барон Генрих Штейн. Наполеон заставил прусского короля изгнать этого министра за пределы страны, и тому пришлось провести несколько лет в Праге. Неудачи французов в Испании укрепили позиции военной партии в Вене, во главе которой стоял министр Стадион, сторонник реформ Иосифа, видевший в Наполеоне предателя французского Просвещения и неизменно добивавшийся, чтобы Франц I выступил против него с оружием в руках. Меттерних в Париже был его человеком.

Неудачи в Испании стали той питательной средой, которая вскармливала оппозиционные тенденции и в ближайшем окружении Наполеона; здесь все чаще раздавались смелые критические оценки его политики.

Положение, в котором оказывается государство в результате военных или экономических провалов, способствует возникновению в обществе особой атмосферы, полной ожидания. Буйным цветом начинают цвести всевозможные догадки, множиться «абсолютно верная информация», возникать различные комбинации. Во второй половине 1808 года такая атмосфера установилась и в

салоне Лауры Жюно, наложив свою печать на званые обеды и неофициальные встречи. Из догадок, распространявшихся там, Меттерних черпал сведения для своих депеш. Он писал, что Наполеон теряет поддержку в высших кругах и в армии, хотя судить об этом на основе собственного опыта не мог. Клеменс передал в Вену даже сенсационную новость о том, что якобы, согласно французским источникам, австрийская армия обладает некоторым преимуществом в сравнении с французской.

Благодаря усилиям эрцгерцога Карла австрийская армия действительно дождалась определенных перемен в 1808 году. В Австрии были также созданы и отряды территориальной обороны. Но из-за экономических трудностей, критического состояния австрийской денежной системы и чудовищного бюрократизма эти перемены не могли стать решающими. Начиная с весны 1808 года Австрия тайно вооружалась, готовя свою армию к новой войне. Меттерних старался всячески маскировать это. Однако наполеоновская шпионская служба, созданная Шульмейстером, вовремя сигнализировала о возникновении новой ситуации. Посол Наполеона в Вене граф Андреосси вновь сообщал в Париж, что в венских кругах все более заметно стремление к реваншу.

Сообщения Меттерниха из Парижа в Вену убеждали жаждущую отмщения сторону, получившую мощную поддержку в лице третьей супруги императора Марии Людвиги из рода Эсте, на которой Франц женился в январе 1808 года, что ныне Австрия могла бы иметь в войне все шансы на успех. Никто не хотел слушать предостережений эрцгерцога Карла, хорошо знавшего слабости австрийской армии.

Похоже, что Меттерних, а вместе с ним и прусский посол в Париже Брокгаузен, также посещавший салон Лауры, стали жертвами хорошо продуманной системы дезинформации. Наполеон все еще хотел любой ценой сохранить франко-русское сотрудничество, но географически между обеими странами лежали две другие великие державы того времени — Пруссия и Австрия. Через их территории проходили все линии связи между Парижем и Петербургом. Наполеону нужно было держать их под своим контролем. Хотя Пруссия была поставлена на колени, в тамошних общественных кругах с надеждой наблюдали за австрийскими военными приготовлениями. Наполеону был не нужен сильный соперник вблизи своих границ. Потому-то он, очевидно, воспользовался царив-

шими в Вене воинственными настроениями, чтобы спровоцировать Австрию на войну и разбить ее, но не уничтожить, а поставить в зависимое от Франции положение.

Работники его секретной службы были великими мастерами в распространении фальшивой информации. Об этом свидетельствует то, как им удалось провести генерала Мака во время осады Ульма в 1805 году. Попался на приманку в 1808 году и Меттерних. Некоторые получаемые им сведения умышленно искажали реальное положение во французской армии, выставляя его хуже, чем оно было на самом деле.

Умышленное дезинформирование Меттерниха шефом личной полиции Наполеона Дюроком, которое шло через салон Лауры, отлично иллюстрирует следующая комическая история. Полиция Фуше перехватывала некоторые дипломатические депеши, отправленные Меттернихом в Вену, а Брокгаузеном — в Берлин. Как? Очень просто: полиция подкупала курьеров, и те позволяли ознакомиться с содержанием депеш. И тут пришлось удивиться самому Фуше. Дипломаты время от времени сообщают своим правительствам глупости, свидетельствующие о том, что они черпают сведения из одного и того же источника. И вдруг Фуше и у Меттерниха, и у Брокгаузена читает, что в Париже, оказывается, в хорошо информированных кругах говорят, что он сам, Фуше, впадает в немилость, что его звезда угасает. Встревоженный шеф полиции велит выяснить, откуда идут такие слухи, и к своему изумлению узнает, что их источником является его соперник Дюрок, который обходным путем — через венский и берлинский дворы, где также рыскают информаторы Наполеона, — пытается дать знать Наполеону, что с Фуше, мол, не все в порядке.

Пока в 1808 году проходило перевооружение австрийских, чешских и венгерских полков, пока главная ударная сила австрийской армии, предназначенная для операции в Германии, готовилась в Чехии, где был создан добровольческий легион эрцгерцога Карла, за кулисами политической сцены произошло несколько важных перемещений. Австрийские военные приготовления, разумеется, не удалось скрыть от Парижа. Известна знаменитая сцена в Сен-Клу 15 августа 1808 г. на приеме в честь дня рождения императора, когда Наполеон ошеломил Меттерниха прямым вопросом: «Так чего же хочет император?» И сам же громко, во всеуслышание, ответил: «Меня ничто не застанет врасплох!»

Однако Наполеона беспокоила Россия. Когда информация из различных источников убедила его, что Австрия действительно готовится к войне, он стал особенно интересоваться позицией России. Наполеон верил, даже был почти убежден, что Россия не объединится с Австрией против него, тем не менее хотел иметь тому дополнительные доказательства. Поэтому летом 1808 года он пригласил Александра на встречу в немецкий город Эрфурт.

Предчувствуя, о чем Наполеон собирается с ним разговаривать, царь особенно не торопился в Эрфурт. Поездка в город, занятый французами, вызывала недовольство в высшем русском обществе. Александру напоминали, что не прошло и четырех месяцев, как Наполеон вот так же позвал испанскую королевскую семью в Байонну и чем это кончилось. В Петербурге роптали и в связи с континентальной блокадой, из-за которой прекратился вывоз русской пшеницы и другого сырья в Англию. Рубль утрачивал покупательную силу. В стране усиливались антинаполеоновские настроения. Царь даже получил анонимное письмо, в котором напоминалось, что его отец был убит в тот момент, когда стало намечаться сближение с Бонапартом. Тем не менее Александру I, который после возвращения из Тильзита удалил от себя нескольких проанглийски настроенных старых друзей и советников, пришлось действовать в духе тильзитских договоренностей, давших России передышку и ставших своего рода дипломатической победой после проигранной войны. К тому же русский царь побаивался и английской конкуренции в Средиземноморье, понимал, что ему все равно не избежать какого-то модуса вивенди с Наполеоном и что из двух возможностей — война или мирное сосуществование — для России единственно приемлема была вторая, ибо могущество Наполеона все еще казалось непоколебимым, а о его неудачах в Испании до Петербурга доходили лишь отдельные куцые вести. Поэтому в сентябре 1808 года Александр отправился в Эрфурт. Накануне встречи Наполеон приготовил царю подарок — 8 сентября между ним и прусским королем был подписан договор об отходе французских войск из Пруссии.

Встреча двух императоров, длившаяся две недели, стала для жителей Эрфурта великолепным зрелищем. Ежедневно — торжественные смотры, марши блестящей наполеоновской гвардии, званые вечера и т. п. Но за

кулисами этого многодневного представления уже зазвучала диссонансом тревога, у истоков которой стоял Талейран.

Наполеон, полагавший, что в Эрфурте они с Александром будут редактировать совместно подготовленные тексты, ко всеобщему изумлению взял с собой Талейрана, бывшего к тому времени всего лишь верховным церемониймейстером при императорском троне. И однажды после нескольких утомительных дней, насыщенных переговорами и парадами, когда вечером царь Александр отдыхал в салоне княгини Турн-Таксис, туда явился Талейран. То, с чем он пришел, казалось невероятным. Александр, испытывавший к этому человеку неприязнь не столько из-за его продажности, сколько из-за оскорбления, которое с несомненным участием Талейрана было некогда буквально брошено царю в лицо после истории с герцогом Энгиенским, сначала не мог понять, что же происходит. Или это провокация, или на самом деле возможна такая перемена позиций у французского политика? Короче говоря, Талейран пришел, чтобы предать и продать своего господина. Уже его первые слова — «зачем вы приехали сюда, Ваше Величество? Вы должны спасти Европу, а это удастся лишь в том случае, если вы выступите против Наполеона» — вывели царя из равновесия. Талейран тут же дал понять, как он это себе представляет. Он заявил: «...русский император должен стать союзником французского народа».

После такой увертюры последовало еще несколько тайных встреч, при которых Талейран рисковал головой. Ведь Александр мог выдать его Наполеону! И, ей-богу, с радостью сделал бы это, если бы не подсчитал, что сулит ему бóльшую пользу. С этой минуты Талейран стал информатором, осведомителем русского царя. И, разумеется, делал это не из альтруистических соображений. В Эрфурте до полудня он занимался редактированием наполеоновских проектов, превращая их в тексты будущего соглашения, а вечером давал советы Александру, что из предлагаемого ему принимать не следует.

Наполеон не мог понять поведения русского царя, объясняя его военными неудачами французов в Испании. В конце концов, несмотря на все парады и объятия, встреча закончилась довольно кисло. Наполеону не удалось уговорить Александра подписать договор о союзе в случае франко-австрийской войны. Французский император отчетливее, чем когда-либо раньше, осознал, что

он должен любым путем привлечь Россию на свою сторону или вывести ее из игры военными средствами.

Именно в Эрфурте он решился предпринять шаг, который уже давно обдумывал. Он сообщил царю через Талейрана, что намерен развестись с Жозефиной и был бы не против взять в жены одну из русских принцесс, сестер Александра. Ответом ему было молчание.

Действия Талейрана, разумеется, изумили Александра. Он колебался, не зная, какую позицию занять. Тем не менее в поступке столь высокопоставленного деятеля французской империи он усмотрел трещину, которая возникла в недавно столь прочном наполеоновском монолите. Талейран не переставал подчеркивать, что Франция, та, будущая, без Наполеона, захочет себе оставить лишь то, что она сама завоевала, то есть Пиренеи, Альпы и Рейн. Все остальное было добыто Наполеоном, и Францию это не интересует. «Все остальное» означало Испанию, Португалию, Италию, Бельгию, Нидерланды, почти всю Германию, половину Австрии, Польшу и часть Балкан.

Талейран был расчетливым человеком, а потому не мог не быть хладнокровным игроком. Он раньше других понял, что империя катится навстречу гибели, и прежде, чем другие, начал активно действовать. И при этом Талейран продолжал вести свою большую игру при дворе Наполеона, меняя маски, не забывая и о своих личных мелких делах. Примером тому служит письмо, которое он послал в Париж 21 октября 1808 г. великому канцлеру Ордена Почетного легиона графу Ласепеду: «Когда император, будучи в Эрфурте, раздавал высокие награды русским представителям, он использовал для этого кресты и медали официальных лиц, сопровождавших его. Я предложил свою, и Его Величество наградило ею господина графа Толстого. Прошу Ваше Превосходительство любезно приказать, чтобы мне выдали награду взамен, и я бы желал, чтобы это было сделано еще до воскресенья...»

Сделав первый шаг по пути предательства, Талейран логически должен был сделать и второй, обратившись к державе, которая в возможном антинаполеоновском фронте стала бы играть некую роль, — к Австрии. В течение четырех месяцев после возвращения из Эрфурта он установил регулярные контакты с австрийским послом в Париже графом Меттернихом.

С середины 1808 года Меттерних начал относиться к Талейрану с бóльшим вниманием, прежде всего связанным с разговорами, возникавшими в обществе Каролины Мюрат. Там уже почти открыто говорили о странном сближении двух недавних соперников — Фуше и Талейрана и высказывались предположения, не имеет ли их внезапное «сотрудничество» антинаполеоновской окраски.

Еще 24 сентября 1808 г. — за четыре дня до встречи двух императоров в Эрфурте — Меттерних послал из Парижа своему шефу графу Стадиону в Вену довольно подробные сведения об этом французском политике. «Он не был бы тем, кем является, если бы был нравственным человеком.., — писал Меттерних о Талейране. — С другой стороны, он прежде всего политик и как политик — человек систем. А как таковой, он может быть или полезен, или опасен; в настоящий момент он полезен».

Что имел в виду Меттерних, говоря об этих системах? Очевидно, то, что в стране имеются два лагеря, два направления французской политики, ибо одной системой он считал систему Наполеона, а другой — ту, вторую, во главе которой ему виделся Талейран. Иными словами, партию военную и возникающую ей в противовес — иную, полагающую, что военные приобретения необходимо закрепить, а сделать это можно только в условиях мира.

Далее Меттерних писал: «Талейран, несомненно, более опасен, чем какой-нибудь бездарный министр. Он сам нам это доказывает вот уже целых двенадцать лет. Но то, что было опасно, когда он стоял во главе деструктивной системы, становится полезным, если он оказывается во главе оппозиции. Разумеется, ему нельзя слишком доверять, но что иное нам остается делать? Такие люди, как Талейран, подобны острому лезвию, с которым играть негоже. Но для большой язвы нужно и серьезное лечебное средство, а человек, кому доверено лечить, не должен бояться использовать тот инструмент, который режет лучше всего».

Что касается второй значительной личности, оказавшейся в оппозиции, — Фуше, то в отношении него у Меттерниха не было никаких иллюзий. Позже о союзе этих столь разных политиков он напишет: «У этих двух никогда не было ничего общего, за исключением того мгновения, когда они тайно встретились, чтобы выступить против заведенного порядка вещей».

Тем не менее Меттерних использовал слухи об оппозиции Талейрана — Фуше, чтобы дополнить свою картину об ослаблении могущества Наполеона. В ноябре 1808 года он даже отправился в Вену, рассчитывая, во-первых, изложить свое мнение графу Стадиону лично, а во-вторых, выяснить, какая партия в Вене берет верх — военная (Стадион, императрица Мария Людвига) или более умеренная во главе с эрцгерцогом Карлом. К своему удивлению, Меттерних обнаружил, что военные аппетиты в Вене разыгрались всерьез и что этому в немалой мере способствовали его депеши из Парижа.

Меттерних впервые испытал обманчивое удовольствие от того, что его деятельность предопределяет исторические события и он активно участвует в создании подлинной истории. Это дало мощный импульс его самомнению. Меттерниха вовсе не смущало, что на обратном пути из Вены в Париж его задержал многотысячный корпус генерала Удино, который стягивал свои войска на одно из главных направлений возможного австрийского наступления.

После Эрфурта прошло несколько недель, и Меттерних уже почти не сомневался в тайной деятельности Талейрана и Фуше. В это время в Париж прибыл новый член русского посольства граф Нессельроде, имевший единственный приказ от царя Александра — поддерживать контакты с Талейраном и делать это так, чтобы о них не знал даже русский посол Куракин. Талейран начал передавать России и некоторую информацию военного характера, которую Нессельроде переправлял царю, как сообщение от «двоюродного брата Генри», как вести от «красавца Леандра» или «Анны Ивановны» и т. п.

Меттерних еще об этом ничего не знал, но странный союз Талейрана с Фуше не ушел от внимания тайной полиции Наполеона. В середине января 1809 года Наполеон, находившийся в войсках в Испании, получил тревожную весть, что Австрия продолжает лихорадочно вооружаться, готовясь к войне, а Талейран и Фуше ведут какие-то подозрительные разговоры. Меттерних охарактеризовал и сговор в отправленной в Вену 17 января 1809 г. депеше такими словами: «Я вижу, что Талейран и его приятель Фуше по-прежнему полны решимости воспользоваться случаем, если таковой представится, но они не настолько отважны, чтобы такой случай подготовить самим...»

Наполеон не был желторотым птенцом и отнюдь не оставлял развитие событий на волю случая. Ему пришлось взять в свои руки подготовку к войне и не обойти вниманием вероятность заговора, в котором мог принять участие Талейран, самый способный (и на все способный) человек в наполеоновском окружении. А потому, оставив французскую армию в Испании на попечении своих генералов, что не раз бывало и прежде, Наполеон приказал заложить карету и помчался в Париж. В столицу Бонапарт прибыл 23 января 1809 г. и сразу же начал действовать. Через пять дней он велел всем главным членам своего правительства явиться во дворец, и 28 января здесь произошла известнейшая сцена, не единожды описанная в воспоминаниях многочисленных присутствовавших, где ее центральная фигура — внешне спокойный, а внутренне кипящий князь Талейран произнес сквозь зубы одну-единственную фразу: «Какая жалость, такой великий муж и так плохо воспитан!»

Наполеон набросился на Талейрана с яростными упреками: «Вы не верите в Бога! Вы всю жизнь пренебрегали своими обязанностями, всех обманывали, продавали! У вас нет ничего святого, вы продали бы и собственного отца! Я осыпал вас благодеяниями, а вы способны затеять против меня что угодно. Вот уже десять месяцев, как вы, ошибочно предположив, что дела в Испании оборачиваются для меня плохо, бесстыдно говорите каждому, кто готов вас слушать, что вы всегда осуждали все начинания нашего королевства. Хотя на самом деле именно вы, а не кто-нибудь другой, внушали мне мысль их предпринять да еще подталкивали к этому... Чего вы, собственно, хотите?.. Вы заслуживаете, чтобы я раздавил вас, как стекляшку! Я властен так поступить с вами, но я слишком презираю вас, чтобы взять на себя такой труд!.. Вы — мразь в шелковых чулках! Мразь, мразь!» Другие, рассказывая об апогее наполеоновского гнева, используют более крепкие выражения: «Вы — дерьмо в шелку!»

Взбешенный Наполеон упрекал князя и за то, что тот настраивал его на арест и казнь герцога Энгиенского, он кричал на него, размахивая руками. Все кругом окаменели от ужаса, и только Талейран оставался спокойным и хладнокровно подсчитывал. Ему было ясно: о прямой измене в пользу русского царя Наполеон ничего не знает, иначе велел бы князя арестовать. И это было главным. Что же касается остального, то для такой лисы,

как Талейран, все сводилось лишь к вопросу самообладания и тактики. А в этом-то он был мастером! Идя в императорский дворец, Талейран готовился к значительно худшему, ведь всего днем раньше, 27 января, Бонапарт с Савари отправил ему письмо, в котором сообщал, что лишает Талейрана поста камергера императорского двора, хотя и оставляет за ним должность вице-электора Французской империи. Так что самого страшного Талейран мог не опасаться. И хотя в глубине его души клокотала бешеная ярость, а в голове роились мысли о мести, внешне он оставался спокойным. Что же касается окружающих, то они ломали головы над тем, чем же все это кончится.

А действительно — чем?

Типичным для князя Талейрана образом. На другой же день, 29 января, при дворе был прием: знать приветствовала вернувшегося императора. Ко всеобщему изумлению, прибыл и Талейран, одетый в свой великолепный красный, шитый золотом, бархатный камзол, при всех орденах, лентах и медалях и, словно ничего не произошло, занял свое официальное место в двух шагах от трона. Наполеон даже не посмотрел на него, однако и не прогнал.

Талейран был внутренне спокоен, ибо в тот же день принял решение довести свою измену до логического конца. Для этого оставалось сделать еще один шаг, на сей раз в сторону державы, с которой Наполеон собирался воевать. Талейран посетил австрийского посла в Париже графа Меттерниха и предложил ему свои услуги.

Для Меттерниха это событие стало одной из крупнейших удач в его не слишком богатой успехами парижской службе. О нем он послал в Вену специальное шифрованное сообщение 31 января 1809 г. Однако на Баллплац, где находилось австрийское министерство иностранных дел, документ пришел в измятом и поврежденном виде, и министр граф Стадион попросил своего посла прислать новый экземпляр. Тот был отправлен ему 23 февраля. Тогда курьеры ездили не слишком быстро, да и австрийская бюрократия отнюдь не горела на работе.

Меттерних в своем сообщении писал: «Напряжение начинает достигать высшего уровня. Император пока не отваживается перейти в атаку на Фуше. Тот способ, который он избрал в своем выступлении против Талейрана, говорит, что оба эти человека весьма твердо стоят

на ногах... Х. (так Меттерних называл Талейрана в депешах. — *Авт.*) сбросил предо мной свою маску. Мне представляется, что он полон решимости не ждать (далее текст был неразборчив)... подходящего момента. Позавчера он мне сказал, что настал час и он считает своим долгом установить прямую связь с Австрией. Он сказал также, что в свое время отверг предложение, сделанное ему графом Кобенцлем, но что ныне принял бы его. Свой прежний отказ он объяснял тем положением, которое тогда занимал. «Сейчас я свободен, — сказал он, — и наше дело — общее. Говорю с вами об этом без всякой сдержанности, так как полагаю, что у вас желают привлечь меня на свою сторону». Х. дал мне понять, что ему нужно несколько сотен тысяч франков, ибо император опустошил его собственные источники, заставив содержать испанских принцев, и к тому же он недавно купил дом*. Я ему ответил, что наш император близок к тому, чтобы высказать ему свою благодарность, если он хочет служить общему делу. В ответ было заявлено, что это является и его делом, ибо ему остается только одно из двух — победить или погибнуть. «Вы удивлены сделанным мною предложением?» — спросил он. "Нет, — сказал я ему. — Я принимаю его как подлинное свидетельство того, что вы хотите посвятить себя общему делу"».

Это конкретное доказательство того, что окружение Наполеона разлагается, подняло дух графа Стадиона и его императора Франца I. А когда в следующей депеше Меттерних просил, чтобы Талейрану были выплачены деньги, австрийский император не колебался. Меттерних писал в своем сообщении: «Сколь бы великой ни представлялась названная сумма, она все равно меньше тех жертв, к которым мы привыкли, и результаты того, что мы его наняли, будут безмерными... Прошу Ваше Превосходительство вести расчеты на самом что ни на есть высоком уровне...»

Следом австрийский посол передал и первые сведения, полученные им от Талейрана: «Х. только что сообщил мне, что генерал Удино получил приказ двинуться на Аугсбург и Ингольштадт... Х. полагает, что перемещением Удино следовало бы воспользоваться немедленно как предлогом для объявления войны».

---

* Имеется в виду великолепный дом на улице Варенн в тогдашнем пригороде Сен-Жермен, ныне числящийся под № 57.

Со стороны Талейрана это уже было прямой военной изменой и шпионажем за деньги, хотя сам он считал свои действия политической борьбой и вкладывал в них все свое искусство лицемерия, фальши и лжи.

Министр Стадион, разумеется, быстро передал Меттерниху, что высшие австрийские круги весьма заинтересованы в таком информаторе: «Император велел мне предоставить Вам полную свободу действий в отношении Х.; Вы уполномочены обеспечить ему все, что он мог бы потребовать в разумных пределах, как только будете сами убеждены, что Х. хочет и может оказать нам истинные и важные услуги».

В Вене позаботились и о том, как поддерживать связь с господином Х. после начала войны и каким образом переправить ему деньги, чтобы не скомпрометировать его. Вопрос был только в том, сделать ли это через какой-нибудь банковский дом или же «через особу, которая пользовалась бы доверием Х. за границей, что нам [Вене] представляется самым верным способом, позволяющим взаимно избежать компрометации».

Меттерних ответил Стадиону 7 марта: «Мои отношения с Х. весьма активны. Я узнаю с его помощью все больше того, что может нас интересовать. Прошу Ваше Превосходительство согласиться с суммой, которую я назвал... Я получил из императорского кабинета [кабинета Наполеона] два чрезвычайно интересных документа о нынешней позиции».

Одновременно Меттерних торопится обсудить с Талейраном, как они будут поддерживать связь во время боевых действий. 23 марта он пишет: «Предпринимаю ныне шаги, чтобы можно было вести с Талейраном активную переписку во время войны. Лучшим передаточным пунктом представляется Франкфурт. Талейран занимается подбором персоны, которая могла бы ему в этом городе служить агентом. Устраивает ли Франкфурт Ваше Превосходительство?» На что 31 марта Стадион отвечает: «Его Высочество с Вашим предложением по части связи через Франкфурт ознакомлено».

Франкфурт входил в Гессенское курфюрство. Его князь был одним из немногих, кто не захотел покориться Наполеону и, предпочтя изгнание, жил ныне в Праге. А сам город, как и все курфюрство, подпал под французский протекторат и потому отлично годился для замыслов Меттерниха. Через Франкфурт, где находилось несколько банков (Ротшильда, Бетмана,

братьев Мюлен и др.), осуществлялись международные финансовые трансакции. Через него обычно проезжал по дороге в Вену и австрийский посол, иногда останавливаясь здесь, чтобы одолжить деньги у банкира Бетмана. Через этот город и поддерживалась связь с Талейраном во время войны, а, когда Австрия ее проиграла, к новому австрийскому послу в Париже князю Шварценбергу был послан кавалер Флоре. Его единственной задачей было забирать у князя Талейрана сообщения для Вены.

А пока Меттерних в Париже делил свою дневную программу между политикой, любовными увлечениями и еще время от времени предавался размышлениям о том, сколько денег надо попросить у Франца I, так как они у него буквально текли сквозь пальцы. Меттерних был человеком большого света и тратил деньги с размахом. Когда ему не хотелось одалживать у банкиров, он без колебаний просил денег у собственного императора, который был к нему весьма благосклонен. Сохранился, например, приказ от 1808 года о выплате австрийскому послу в Париже на его личные расходы 80 тысяч франков из государственной казны, причем с пожеланием, чтобы все это осталось в секрете. Так министр Стадион и сделал. Долги Меттерниха в венском государственном банке позже ему прощались. Просто император испытывал к графу давнюю слабость.

А события в Вене набирали темп. Австрия сформировала три армии — немецкую, итальянскую и галицкую. Главными силами, которым предстояло действовать в Германии, командовал генералиссимус эрцгерцог Карл, хотя он и считал войну для Австрии преждевременной. Все три армии были сконцентрированы главным образом в Чехии, где Карл создал также свой добровольческий легион.

Однако в австрийской ставке не было единства взглядов. Споры привели к тому, что в последнюю минуту оперативный план был изменен. Австрийское выступление запаздывало, хотя уже из депеши министра Стадиона от 12 марта 1809 г. Меттерних знал, что война вот-вот вспыхнет.

В Париже понимали, что назревает. 23 марта 1809 г. Меттерних получил записку от нового высшего камергера графа Монтескье, содержащую следующую фразу: «Е. В. император и король сегодня вечером не принимает». Разрыв был очевидным.

Только 10 апреля 1809 г. австрийские войска перешли границу Баварии. Таким образом Наполеон получил достаточно времени. 12 апреля вечером Бонапарт узнал о том, что австрийцы переправились через реку Инн. При этом он якобы сказал своим помощникам: «Это — война». Так оно и было.

Еще шесть недель назад Меттерних писал в Вену, что «эту войну будет вести не Франция, а Наполеон французскими средствами». В таком духе он писал и раньше — в январе и феврале. Несомненно, это были отзвуки мнений людей, группировавшихся вокруг Фуше и Талейрана. В конце концов подобным же образом ошибался, как мы уже об этом упоминали, и прусский коллега Меттерниха — Брокгаузен, который также в депешах в Берлин за настроение армии и народа выдавал мнение нескольких интриганов-политиков, попав, возможно, на удочку преднамеренной дезинформации.

Тем не менее нельзя было не удивляться: уже в который раз французская армия и народ позволили Наполеону одурманить себя националистическими страстями.

Когда Меттерних полностью осознал, что в самое ближайшее время война действительно начнется и здесь, в Париже, каждый будет приписывать ему немалую долю вины за это, то испугался. 9 апреля 1809 г. он писал графу Стадиону: «Я лично ожидаю полнейшего нарушения прав человека». Тогда еще Меттерних не знал, что война начнется буквально завтра. На следующий день в письме своему другу князю Шварценбергу, бывшему тогда австрийским послом в Петербурге, он сетовал: «В один прекрасный день вы узнаете, что меня здесь заточили». Меттерних даже не исключает вероятности, что его могут расстрелять. Возможно, граф разыгрывал из себя жертву, но наверняка испытывал в то же время страх.

Однако ничего страшного не произошло. Наполеон полностью проигнорировал австрийского посла. Он велел, правда, в последние дни перед началом войны арестовать австрийских курьеров, но сделал это лишь в ответ на арест французских курьеров в Австрии.

Позже в своих воспоминаниях Меттерних будет чрезмерно преувеличивать опасность. И нигде так и не даст правдоподобного объяснения, почему он до 26 мая оставался в Париже (якобы причиной была его болезнь — конъюнктивит). И это несмотря на то, что парижское

общество было тогда настроено против него, так как «считало эту войну следствием его сообщений, посылаемых своему двору», как позже написал в своих воспоминаниях генерал Савари. Меттерних имел смелость при отъезде остановиться в Люневиле, чтобы нанести визит императрице Жозефине. Та была расстроена последними сообщениями о сражении у Эсслинга и Асперна в Нижней Австрии, где 21—22 мая эрцгерцог Карл одержал победу над Наполеоном. Это было первое крупное поражение Бонапарта в Европе. Наверное, раз десять поле битвы переходило от одной воюющей стороны к другой, и потери французов были огромны — более 5 тысяч убитых и около 10 тысяч раненых.

Натерпевшись страха, 5 июня Меттерних наконец добрался до Вены, которая была уже занята французами. Узнав, что его отец взят в заложники, он обратился к французскому командованию с просьбой о его освобождении, французы пошли навстречу. А через два дня военный губернатор Вены генерал артиллерии Андреосси, еще полгода назад бывший дипломатом во французском посольстве в Вене и старательно собиравший информацию об австрийских военных силах, запретил Меттерниху дальнейшее пребывание в столице, позволив, правда, выбрать, где тот захочет поселиться. Изгнание действительно было «жестоким» — Меттерних обосновался в двух километрах от Вены в сельском поместье своей матери. Он не выдержал в этом «заключении» и двух недель, попросив, чтобы ему дали военный эскорт и под охраной доставили к передовой. Там, пересев в карету, он перебрался на австрийскую сторону и 3 июля 1809 г. был в деревне Волькерсдорф, где в тот момент находилась ставка императора Франца I.

На стороне Австрии в войне выступала только Великобритания (Пруссия, оккупированная французами, лишь наблюдала за происходящим); русский царь, отказавшись в Эрфурте подписать союзный договор с Францией, ограничился тем, что вывел свои войска на позиции вдоль западной границы империи. Эта война оказалась для австрийцев проигранной с самого начала. Тяжелые поражения при Абенсберге и Экмюле в Южной Германии, где 22 апреля 1809 г. Австрия потеряла значительную часть своего войска, заставили эрцгерцога Карла отступить в сторону Чехии и Австрии. Пытаясь предотвратить катастрофу, ему на помощь спешили полки эрцгерцога Иоганна из Северной Италии, который там успешно

сражался с итальянским вице-королем Эженом де Богарне. Возникла опасность, что решающее сражение произойдет на чешской земле, но Наполеон обошел Чехию и быстрым броском двинулся на Вену. Переправившись через реку Инн, он подступил к столице империи.

Однако это был уже не тот Наполеон, каким его знали французские солдаты, да и солдаты были не те, на которых мог полностью положиться император. Шальная пуля у Регенсбурга задела его ногу. Он стал нервным. Не все было в порядке и в армии. Многие, в том числе и офицеры, старались держаться в арьергарде. В войсках процветало воровство. Поддерживать дисциплину становилось все труднее. Тем не менее французы выигрывали сражения: у них были опытные командиры.

Вена не хотела открывать ворота, эрцгерцог Карл не хотел сдаваться. 11 мая Наполеон велел стянуть сюда артиллерию и приказал генералу Андреосси обстреливать город до тех пор, пока австрийцы не согласятся начать переговоры. Одновременно французы стали окружать австрийскую столицу. Однако эрцгерцогу Карлу удалось вывести из города свои войска.

И Вена пала. Капитуляцию столицы подписал австрийский генерал О'Райли. 13 мая 1809 г. войска генерала Удино заняли все городские ворота, а Наполеон в третий раз обосновался в Шенбруннском дворце, некогда построенном для Марии Терезии. Военным губернатором Вены стал генерал Андреосси. Он велел повсюду расклеить воззвания со следующим текстом: «Неожиданная и неправедная агрессия, как и военное счастье, в третий раз привели к вам императора Наполеона, короля итальянского, протектора Рейнского союза... Вы знаете французов, вы имели возможность их оценить... Император Наполеон вспоминает, что в прошлом вы продемонстрировали высокую нравственность, что определяет ваше место среди наиболее уважаемых народов. Император горд тем, что он уже один раз спас вашу столицу, и, наперекор неблагоразумию, с каким она подвергала себя военным угрозам, хотел бы спасти ее снова...»

В дни французской оккупации в Вене умер Франц Йозеф Гайдн, создатель нового австрийского гимна, который звучит здесь по сей день. А где-то в пригороде, в подвале своего дома спасаясь от обстрела, полуглухой разъяренный Бетховен проклинал те мгновения, когда он задумал посвятить свою знаменитую «Героическую симфонию» Наполеону.

Австрия не сумела как следует использовать победу над Наполеоном, одержанную 21—22 мая эрцгерцогом Карлом в битве у Асперна и Эсслинга, после того как французы покинули Вену. Вся полумиллионная армия Франца, превышавшая по численности французскую, перемещалась как ленивый колосс. 5—6 июля последовало жестокое сражение у Ваграма, в котором обе стороны понесли огромные потери. Хотя преимущество Наполеона и не было несомненным, эрцгерцог Карл посчитал, что дальнейшую борьбу вести бессмысленно, и 12 июля 1809 г. в городе Цнайм (Зноймо) заключил с Наполеоном перемирие.

В это время Меттерних уже находился в ставке императора Франца в Волькерсдорфе, откуда после проигранной битвы правительство переместилось в Будин, а двор — в Тотис. Знойменское перемирие государственный канцлер Стадион решительно отвергал. Франц колебался. Меттерних однозначно склонялся к заключению мира.

В конце концов к такому же решению пришел и император. Тогда Меттерних уже знал, что ему предстоит возглавить министерство иностранных дел. 8 июля его пригласили к императору, и он услышал следующее: «Граф Стадион только что подал мне прошение об отставке. Вместо него я поручаю министерство иностранных дел вам». Эти слова, очевидно, предназначались для истории, а в действительности граф Стадион был просто без особых проволочек смещен. Такой поворот дел означал для Меттерниха небывалый успех, ничего подобного переживать ему еще не приходилось. Было ему тогда 36 лет. Австрия находилась в весьма трудном положении. Будущее габсбургского двора виделось в черных красках. Более широкому кругу персональные изменения оглашены не были, но уже 4 октября Филипп Стадион оставил свое кресло, а 8-го числа того же месяца в него усаживается Меттерних. Пока мысленно, ибо в свой кабинет в венском Дворце канцлерства он попадет только в конце ноября 1809, но зато пробудет там до 1848 года!

Наполеон тем временем обосновался в Брно. Вести с ним переговоры было нелегко. Он все время угрожал. В конце переговоров даже был пущен слух, будто французский император снова возвращается к давней мысли — расчленить Австрийскую империю на три части — чешскую, австрийскую и венгерскую, и пусть в каждой из них самостоятельно правит один из принцев габсбургского рода. Нешуточная угроза! Старый хитрец Наполеон

прекрасно знал, как ревниво относится Франц I к своим братьям, особенно Карлу. Французская сторона выдвинула также требование, чтобы часть Западной Чехии (области Литомержиц, Жатца, Локета и Хеба) отошла к Саксонии.

Во власти Наполеона было поработить Австрию, сделать с ней то же, что он сделал с Пруссией, ведь он владел уже всем континентом. При габсбургском дворе царил глубокий пессимизм. Меттерних, пожалуй, был там единственным человеком, который не поддался такому настроению. Удивляться этому не приходится, ведь он тогда принял высокий пост, а какого политика не охватывает порой волнение, когда ему кажется, что он сумеет разрешить все проблемы и стать спасителем страны! Уже тогда Меттерних превращался в невыносимо тщеславного человека, и подобные чувства заполняли всю его душу.

В переговорах с французами появилась и новая, действительно неожиданная для австрийской политики нота, которую мы могли бы назвать меттерниховской. На поверхность всплыла идея австро-французского альянса.

Трудно представить себе цепь умозаключений нового министра иностранных дел графа Меттерниха. Трудно также на все 100 процентов принять утверждения, содержащиеся в его более поздних работах и воспоминаниях. Тем не менее факты свидетельствуют о том, что в 1809 году он оценивал возникшее положение намного более реалистично, чем другие. Австрии нужно выиграть время — таков был его главный вывод.

Вслух он говорил об исторической справедливости и о морали, а про себя хладнокровно анализировал позиции Наполеона, основываясь уже не только на опыте своей парижской жизни, но и в большей мере учитывая только что завершившуюся войну: «Наполеон, одержимый стремлением к полному владычеству на Европейском континенте, перешел границы возможного; в этом я совершенно не сомневался. С другой стороны, я предвидел, что он сам и его предприятия не смогут уйти от внезапного провала. Для меня оставалось вопросом лишь одно: когда и как...»

Поэтому 14 октября 1809 г. Меттерних без всяких колебаний подписал в Шенбруннском дворце мирный договор, в результате которого Австрия буквально на другой день превратилась во второстепенную державу. Она была отрезана от моря и отказывалась в пользу

Наполеона от обширной территории, где проживало более трех миллионов человек. Она лишалась Иннских районов, Зальцбурга с Берхтесгаденом, Западной Каринтии, части Галиции, Триеста, Истрии, Крайны, значительной части Хорватии, Герца (Горица). К тому же Наполеон потребовал и большой контрибуции. И хотя в конце концов он милостиво обошелся с Габсбургами — ведь в его силах было просто свергнуть их, — но на последующие три года Австрия стала, по сути, его вассалом. Империя разваливалась — и в военном отношении, и в политическом, и в финансовом.

Но граф Меттерних, который, будучи послом в Париже, необъективной информацией и оценками в значительной мере способствовал развязыванию войны, оказался теперь в выгоде. Он стал самым могущественным после императора человеком в Австрии, приобрел благосклонность монарха и, сверх того, сумел сохранить ее на долгие годы. Они старели рядом друг с другом, превращаясь: император — в заскорузлого, вспыльчивого, подозрительного старикана-ретрограда и реакционера, а его канцлер — в спесивого политикана, мистически уверовавшего, что ниспослан в этот мир ради его спасения — по крайней мере спасения Европы.

6.

«ПРОДАННАЯ НЕВЕСТА» ИМПЕРАТОРА — ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОЗЫРЬ МЕТТЕРНИХА

Новый министр императорского дома, государственный министр и шеф министерства иностранных дел (государственным канцлером он стал только 25 мая 1821 г., то есть через двадцать дней после смерти Наполеона) граф Клеменс Меттерних, хотя и был полон решимости и планов, тем не менее в первые недели своего пребывания в здании канцлерства на Балльплаце несколько растерянно обозревал политическое и финансовое наследство, управлять которым ныне предстояло ему. Еще осенью 1809 года многие предсказывали, что страну ждет экономическая разруха. Они не ошиблись. И на внешнеполитической шахматной доске оставалась недоигранная и весьма туманная партия, главными фигурами которой были пять держав — Франция, Россия, Пруссия, Великобритания и, разумеется, Австрия. Сохранилась и глубинная проблема — столетнее соперничество между Францией и Великобританией. Над всем этим и ломал себе голову новоиспеченный австрийский министр иностранных дел. Он, конечно, приобрел некоторый опыт за годы своей дипломатической службы, но только, спрашивается, в чем? В политике или любовных авантюрах?

Ларошфуко утверждал, что «великие чувства порождают великие идеи». Что же касается графа Меттерниха,

то ему тогда пришлось испытывать силу своей мысли по совсем иному поводу, а именно: как лучше, находясь в новом кресле и на новом месте, организовать свою личную жизнь, чтобы не ограничивать порывы своего любвеобильного сердца. Вена — ведь это не Париж, и министр больше на виду, чем его дипломатический представитель за границей. Увы, великое напряжение чувств не породило в этом случае великой идеи, так что по вине объективных обстоятельств любовная программа Меттерниха временно оскудела, зато программа политической деятельности стала весьма солидно увеличиваться в размерах.

Активным субъектом тогдашних международных отношений все еще, бесспорно, оставался Наполеон, который чередовал периоды дипломатической подготовки к войне с самой войной и наоборот. Он постоянно ставил европейские державы перед свершившимися фактами, передвигал границы, менял политические фигуры, придумывал, провоцировал, расставлял капканы и заманивал в них намеченные жертвы. Все страны, за исключением Великобритании, не успевали реагировать на его демарши, действовали непоследовательно и неуклюже. У Наполеона оставалось тогда уже очень мало общего с революцией, но, тем не менее, он не переставал быть ее питомцем, а революционная пора — это время действий и дел. Дворы монархов остальных держав не были способны развивать подобную активность, они чаще лишь провозглашали свои замыслы, но дела и решения оставались редкостью. Однако тот, кто умел действовать или хотя бы создавать впечатление действия, становился в глазах других великим человеком и восхвалялся всеми.

Меттерних овладел одной дипломатической виртуозностью, с помощью которой у партнеров и в ближайшем окружении удается создавать впечатление, будто происходит нечто из ряда вон выходящее, словно в данный момент и вершится история! По крайней мере он именно так представлял события в своей обильной корреспонденции. И хотя сам по-прежнему лишь плыл на волнах событий, старался все же делать из них какие-то выводы и реагировать посредством каких-то мер. Одно ясно: самые интересные годы его карьеры — а ими, несомненно, стали 1810—1815 годы — одновременно были и тем периодом, когда граф Меттерних прилагал все усилия, чтобы из хвоста событий перебраться в их голову.

В истории бывают моменты, когда объединяющим принципом становится восторг, другой раз в этот принцип превращается злоба. Нельзя сказать, что европейские консервативные монархии объединял тогда общий энтузиазм в борьбе против чуждых им идей. Скорее их сплачивала ненависть к хищнику, разрушившему их традиционные домены. Однако это единство в самой своей основе было подточено взаимным недоверием, страхом, неутихающей жаждой обмануть партнера или предать его, договорившись с третьим, возможно, за счет четвертого. В такой игре не могло быть множества вариантов, поскольку она разыгрывалась на ограниченном пространстве и с противником, который был нисколько не глупее остальных. Все еще действовала дипломатия классического кроя, по большей части двусторонняя, между двумя государствами или дворами, в которой все еще играли свою роль личность посредника, его умение убеждать в том, во что трудно поверить, и обещать нечто, что весьма трудно выполнить. Французская революция внесла в дипломатию такое понятие, как «национальный интерес», однако в самой наполеоновской империи стала оживать старая практика межгосударственных отношений. Наконец, появилась на сцене и дипломатия брачных союзов.

В конце концов Наполеон решился развестись с Жозефиной Богарне, так как их супружество оставалось бездетным, а император страстно желал подарить французам наследника трона.

Подобная мысль пришла в голову Наполеона не впервые. Еще в 1807 году Меттерних кое-что слышал о возможности развода от своей любовницы и сестры Бонапарта Каролины Мюрат, королевы неаполитанской. Талейран также не умолчал о том, что на встрече двух императоров в Эрфурте в 1808 году Наполеон через него пытался прозондировать у царя Александра, как бы посмотрел дом Романовых на то, если бы он предложил свою руку сестре царя — великой княжне Екатерине Павловне. Александр тогда промолчал в ответ, а Екатерина Павловна в Петербурге решительно отвергла предложение и вскоре вышла замуж за принца Георга Ольденбургского. Похоже, что вся эта затея канула в Лету.

Однако в конце ноября 1809 года Меттерних узнал, что судьба императрицы бесповоротно решена, что Наполеон готовится к разводу и что он не отказался от мысли заключить брак с русской великой княжной. Ека-

терина Павловна уже в расчет не бралась, но оставалась ее сестра Анна. А той было всего пятнадцать лет! Тем не менее Наполеон снова дал понять Петербургу, что претендует на руку русской великой княжны.

На сей раз Меттерних все это узнал от своего лучшего информатора — собственной жены Элеоноры, которая и не думала покидать Париж ни во время австро-французской войны, ни после нее. (Граф Рамбуто, тот самый, что представил когда-то Меттерниха Лауре Жюно, в своих воспоминаниях утверждает, что в Париже Элеонору удерживала «симпатия к господину де Мустье».)

Вскоре после битвы у Ваграма назначенный шефом австрийской внешней политики Меттерних подумал: а не привязать ли и в какой-то мере разоружить Наполеона по отношению к Австрии, женив его на австрийской принцессе Марии Луизе? И, получив сообщение о разводе французского императора, он тотчас начал превращать свою мысль в конкретный план.

Это, собственно, и была первая акция, которой он начал свою деятельность в качестве министра иностранных дел, намечая тем самым и определенное изменение прежнего курса австрийской внешней политики, и, нужно сказать, оказался в деликатной ситуации. Уже подписывая 14 октября 1809 г. тот самый уничижительный мирный договор с Францией, Меттерних предчувствовал, что теперь самым главным будет выиграть время. Время и только время, ибо оно одно, как колесо истории, работало против Наполеона. А далее, это он также твердо знал, если русско-французское сближение не сорвется под бременем внутренних противоречий, австрийской политике, а с ней и английской придется предпринять все возможное, чтобы посодействовать такому повороту дел. Британия особенно опасалась русско-французского сотрудничества, о возможности которого свидетельствовали переговоры Александра с Наполеоном в 1807 году в Тильзите, так как оно сулило русским возможность выхода к Средиземному морю. Еще в 1804 году английский адмирал Нельсон писал: «Я составил себе мнение о целях России уже давно, а сегодня вижу, что все, предпринимаемое ею, преследует одну и ту же цель — завладеть европейской частью Турции». Таким образом, и в Вене, и в Лондоне с подозрением следили за попытками Наполеона убедить царя Александра отдать ему в жены свою сестру.

В Петербурге, однако, было сильно течение, направленное против сближения с Францией, да и самому царю идея некоего матримониального альянса не была особенно по вкусу. В конце концов, кто такой Наполеон? Пришлый солдат без родословной!

На первых порах Меттерниху предстояло действовать с величайшей осторожностью, чтобы не рассердить ни императора в Париже, ни царя в Петербурге, так как пока что оттуда в Париж не последовало никакого ответа. Приходилось быть начеку и дома, чтобы о его замыслах не узнали в венских салонах, ибо Меттерних правильно предполагал, что они вызовут противодействие у антифранцузски настроенного австрийского общества. Поэтому он начал с весьма осторожной обработки императора Франца I, убеждая того, что в интересах монархии ему следовало бы пожертвовать дочерью. Меттерних был настроен и на весьма осмотрительное зондирование позиции Наполеона.

Для реализации своих планов Меттерних вряд ли мог воспользоваться помощью своего друга князя Карла Шварценберга, которого ему удалось убедить занять вакантное ныне кресло австрийского посла в Париже. Шварценберг был бравый солдат, со временем он сблизился с Наполеоном, особенно во время общей охоты, но для столь тонкого дела, каким был план Меттерниха, ему недоставало ни опыта, ни терпеливости. К тому же Меттерних и не хотел сразу же обсуждать по дипломатическим каналам вопрос о возможном браке австрийской эрцгерцогини с французским императором.

Помог случай. В Вену с французской делегацией прибыл граф Александр де Лаборд, ровесник Меттерниха, потомок старинного французского дворянского рода. После казни отца в 1794 году молодой Александр эмигрировал в Австрию, где вступил в армию, стал командиром эскадрона легкой кавалерии графа Кинского, служил под началом у князя Шварценберга и имел друзей среди военных и в Чехии, и в Вене. Во Францию де Лаборд вернулся в 1797 году, поднялся по службе до самого Наполеона, а накануне поездки в Вену был назначен аудитором в государственном совете. Меттерних, вернувшийся в конце ноября 1809 года в Вену и обуреваемый желанием женить Наполеона на Марии Луизе, пригласил де Лаборда к себе в министерство. Это было 28 ноября 1809 г. В записи, сделанной Лабордом после встречи и ныне хранящейся в документах французского министер-

ства иностранных дел, мы можем прочитать: «Граф Меттерних передал мне через г. Флоре, секретаря посла в Париже, и через г. Ньюмана, что он очень хотел бы застать меня еще в Вене, что побудило меня задержаться там еще на несколько дней.

Действительно, на другой же день после его приезда у нас с ним состоялась продолжительная встреча, во время которой он самым торжественным образом заверил меня в своем желании сохранить мир и не упустить ни единой возможности для достижения такой цели... Перечисляя средства, ведущие к единству и гармонии между обеими странами, г. Меттерних вставил в разговор слова о семейном альянсе (выделено в оригинале. — *Я. Ш.*) и после нескольких фраз и дипломатических увертюк выразил свою мысль более открыто. «Вы думаете, — сказал он мне, — император действительно настроен развестись с императрицей?» Такого вопроса я не ожидал.., ответил лишь несколькими неопределенными словами, чтобы побудить его высказаться более точно.

Он вернулся к своему вопросу и заговорил о возможности бракосочетания Наполеона с принцессой из габсбургского рода. «Это моя идея, — сказал он. — Я еще совсем не зондировал, каковы в этом плане замыслы императора». (При этом он выразил уверенность, что отклик будет благоприятным, а также свое убеждение, что все, кто в этом государстве имеет хоть какое-то состояние, имя и положение, такую мысль одобрят.) Когда я на другой день снова встретился с г. Меттернихом, он повторил свои заверения».

Что касается последнего, то Меттерних знал, что лжет. Пожалуй, то же самое предполагал и Лаборд, но он настолько был изумлен планом министра, что уже ничего к сказанному не добавил. В начале декабря 1809 года, сразу же после возвращения в Париж, он написал обо всем этом подробное сообщение, которое затем через министра, государственного секретаря Маре, герцога Бассанского дошло до самого Наполеона. Это произошло уже после той столько раз описанной сцены, разыгравшейся 30 ноября 1809 г., о которой Меттерних был информирован собственной супругой, а также одним своим осведомителем и связным, поддерживавшим связь между Талейраном и Веной, — рыцарем Флоре, секретарем посольства. В тот последний день ноября Наполеон известил императрицу Жозефину, сидевшую в кресле в свободно ниспадающем платье, какие тогда были в моде,

в широкополой белой шляпе, о своем намерении развестись с ней.

Подробности обо всем том, что официально за этим последовало, Меттерних узнал из депеши, отправленной послом Шварценбергом, а о сплетнях и событиях за кулисами ему сообщила жена. Собственно, писали об этом все, так что к какому бы источнику мы ни обратились, будь то корреспонденция Талейрана или кого-нибудь другого, все уделяли внимание этому событию. 15 декабря после бурных выяснений отношений семейный совет согласился с разводом, причем Жозефина якобы вела себя очень великодушно*.

На следующий день об этом решении было сообщено Сенату, который после голосования (76 — «за», 7 — «против» при 4 отсутствовавших) объявил брак Наполеона расторгнутым. 3 января 1810 г. о том, что гражданский брак Бонапарта утрачивает свою силу, заявили все органы управления империи. Предстояло еще аннулировать и церковный союз супругов, что мог сделать только папа Римский и что он сделал без особого стеснения 9 января того же года. В отношении Жозефины император повел себя предупредительно. Он оставил ей титул французской императрицы, окружил роскошью в ее новом замке Мальмезон, который сам ей и подарил. Он даже поручил ей провести часть переговоров о своем новом браке, никогда не прерывал с ней переписку и неоднократно посещал ее в поздние ночные часы. Увы, привычка для человека, что железная рубаха, и императоры здесь не исключение. Если судить по портрету Жозефины, висящему в позолоченной раме в голубом салоне летнего поместья Меттерниха — замка Киншварт, никакой особой красотой она не отличалась, хотя в определенной привлекательности отказать ей нельзя.

Вечером того же дня, когда в Сенате проходило столь

---

* Жизнь этой женщины была драматична. Она родилась в 1763 году на острове Мартиника, где ее отец служил капитаном королевского войска. В 1789 году вышла замуж за графа де Богарне, принимавшего участие в войне за независимость Америки. В 1794 году Богарне, как роялиста, казнили, причем торжественно. У Жозефины осталось от него двое детей — Эжен, позже вице-король Италии, и Гортензия, ставшая женой брата Наполеона — Людовика, королевой Нидерландов и матерью Наполеона III. В 1796 году Жозефина вышла замуж за Наполеона, который незадолго до этого был назначен верховным командующим части французской армии. В 1804 году, провозгласив себя императором, Наполеон возложил императорскую корону и на ее голову. Умерла Жозефина в 1814 году.

необычное голосование, Наполеон позвал своего любимца, доверенное лицо в сугубо личных делах Маре, позже ставшего герцогом Бассано и преемником Талейрана во внешнеполитическом ведомстве, и поручил ему навести предварительные справки путем ни к чему не обязывающего разговора с австрийским послом Шварценбергом о возможности брака с австрийской эрцгерцогиней. Маре перепоручил эту задачу Александру де Лаборду, и тот еще 30 декабря 1809 г. спросил Шварценберга, как бы отнеслась Вена к тому, если император Франции предложит свою руку австрийской принцессе*.

Шварценберг о меттерниховом зондировании знал. В своем письме от 4 декабря он просил Вену дать более подробные инструкции на случай, если планы Меттерниха будут удаваться, однако особо в удачу не верил. Ответ Наполеону из России все не приходил, но Шварценберг был уверен, что он будет положительным и Наполеон отдаст предпочтение русскому царскому дому. Тем не менее в своем следующем письме от 21 декабря 1809 г. он сообщает, что мысль женить Наполеона на Марии Луизе находит в парижских кругах благоприятный отклик, а потому советовал, если Наполеон попросит ее руки, отнестись к этому положительно. Он видел в таком браке прежде всего возможность на какое-то время обеспечить Австрии покой.

На прямой вопрос Александра де Лаборда Шварценберг ответил, что он немедленно затребует от своего двора инструкции, а от себя добавил, что «убежден: Россия согласится или уже согласилась» отдать Наполеону в жены великую княжну Анну.

Однако события ускорили свой бег. Понятно, все влиятельные круги парижского общества заранее прикидывали, что произойдет, если Наполеон действительно разойдется с Жозефиной, а самыми заинтересованными среди них были те, кто составлял когорту, стоявшую за императрицей. В политике уже тогда было обычным, что

* Относительно этой даты в литературе нет единства. Сам Маре говорит о 19-м, иные — о 20 декабря. Миссофф склоняется к 19-му, ибо 25 декабря о разговоре был уже извещен Меттерних, а самый быстрый курьер добирался тогда из Парижа до Вены за шесть дней. Полишенский утверждает, что все произошло 30 декабря и что (с учетом письма Шварценберга Меттерниху от 21 декабря, которое мы здесь цитируем) было бы более правдоподобным, так как из письма следует, что тогда еще Шварценберг не говорил с Лабордом. Однако Меттерних получал информацию еще из одного источника — от Флоре.

вокруг ведущих личностей и тех, кто занимал значительные посты, формировалась большая группа сторонников, последователей, протеже, которые так или иначе извлекали выгоду для себя из высокого положения главной фигуры. А если та уходила с арены общественной жизни, то стоявшие за ней проявляли самую живую заинтересованность в том, чтобы в политике произошло как можно меньше изменений, особенно персонального характера. И тут энергичная Жозефина, которая не была лишена политического чутья, решила действовать самостоятельно, и в конце концов сам Наполеон вверил ей заботы, связанные со своим новым браком.

В первые дни нового, 1810 года Жозефина неожиданно пригласила к себе в Мальмезон Элеонору Меттерних и там в присутствии своих детей, принца Эжена и нидерландской королевы Гортензии, сказала ей: «У меня есть план, и только его успех даст мне надежду, что жертва, которую я только что принесла, не окажется напрасной: император должен жениться на вашей эрцгерцогине».

Так Жозефина возглавила сторонников такого решения, которое, как она надеялась, поможет ей сохранить влияние и по-прежнему оставаться опорой для своих людей в политических джунглях с буйной вегетацией интриг и протекций.

Разумеется, Элеонора немедленно сделала то, что от нее ожидали: написала обо всем своему мужу в Вену. Это сообщение наверняка должно было обрадовать Меттерниха: ведь оно означало, что его собственный план в главных пунктах совпадал с планом Жозефины. В ответном письме он похвалил супругу. «Я с самым живым интересом прочитал информацию, которую содержало Ваше последнее письмо о Вашей встрече с императрицей». Далее в нем говорилось: «Ее Величество в последнее время доказала свое мужество и силу характера, что скорее всего приумножит то уважение, которым она уже давно пользуется во Франции и в остальной Европе».

Итак, в течение всего января 1810 года велись тайные переговоры о возможном новом браке Наполеона, отголоски которых, разумеется, доходили и до посвященной общественности. 13 января Шварценберг сообщил в Вену, что из разговоров с де Лабордом видно: Наполеон делает уже полуофициальное предложение, хотя и оставляет пока за собой возможность изменить решение в случае положительного ответа из Петербурга. Так что переговоры шли по двум линиям — официальной и полуофи-

циальной. В письме от 27 января Меттерних известил обоих своих представителей в Париже о своих взглядах на происходящее. Он приказал жене откровенно сказать Жозефине, что реакция Вены — положительная (ход событий тем временем превзошел все ожидания). Меттерних смотрел на заключение брака как на важнейший вопрос, который в данный момент мог бы интересовать Европу. Пишет он также и о том, что нашел полное понимание у императора Франца I, заботившегося об интересах империи. Что же касается самой эрцгерцогини, то он добавляет: «...наши принцессы не привыкли выбирать себе супругов по велению сердца, а уважение к отцу, которое питает дитя, столь доброе и столь хорошо воспитанное, как эрцгерцогиня, позволяет мне надеяться, что и это препятствие никогда настоящим препятствием не станет».

Хотя пока еще публично не было ничего объявлено, общество уже полнилось слухами, и дипломатия Меттерниха находила в Париже как сторонников, так и противников. Рассуждения о том, кто станет невестой императора, появились и в печати. Газеты («Газетт де Франкфор», «Альгемайне цайтунг») даже цитировали высказывание домашнего учителя Марии Луизы о том, что, по его мнению, Наполеон женится или на принцессе саксонской, или пармской, или австрийской. Позже, в конце февраля, когда вопрос о браке был уже решен, князь Шварценберг в письме жене так определил позиции парижского общества: «За исключением нескольких лукавых якобинцев и такого же числа разгневанных эмигрантов — противоположности притягиваются! — каждый здесь находится на седьмом небе».

Тем не менее кто-то из противников брака Наполеона с Марией Луизой, причем не обязательно из числа вышеназванных, организовал аферу с целью политически скомпрометировать главного организатора австро-французского альянса в глазах общественного мнения. Заранее подчеркиваем, что исторических свидетельств для такого утверждения нет. Однако объяснять разразившийся в пору самых интенсивных переговоров между Парижем и Веной скандал только появлением на сцене ревнивого мужа или выходкой отвергнутой любовницы (называли Каролину Мюрат) было бы по меньшей мере недостаточно убедительно. Так что же произошло?

13 января 1810 г. в Париже после какой-то вечеринки

у министра иностранных дел Итальянского королевства разгоряченное общество отправилось к Лауре Жюно на улицу Буасси-д'Англе. Там неаполитанская королева Каролина Мюрат устраивала танцы на большой шахматной доске, причем, как это тогда было в моде, присутствующие дамы в одинаковых платьях представляли собой восемь белых и восемь черных пешек. И тут в зал ворвался генерал Жюно. Он тоже был в маске и заставил старую камеристку своей жены — Жозефину — принести дорогой ларец с потайным замком, принадлежавший Лауре, о котором якобы никто, кроме хозяйки и ее камеристки, не знал. Разгневанный ревнивый супруг потребовал, чтобы Лаура открыла ларец. В нем лежали любовные письма. Генерал тотчас заявил, что их автор — Меттерних. (И это в присутствии графини Меттерних!) Лаура все отрицала, генерал требовал, чтобы она поклялась своими детьми, что никогда ничего не имела с нынешним австрийским министром. Лаура клясться отказалась. Взбешенный Жюно после бурной сцены помчался к императору требовать сатисфакции.

Политический смысл заключался в том, что в данной ситуации это означало сатисфакцию на правительственном уровне, что выглядело бы абсурдно, и Наполеон это сразу же понял. Вот его ответ: «Послушай, дорогой! У меня не было бы времени заниматься европейскими делами, если бы я брался мстить за каждого рогоносца при своем дворе». (Лауре, согласно молве, он несколько позже посоветовал так: «Было бы, мадам, куда лучше, если бы для таких вещей вы не выбирали иностранцев».)

Через несколько дней, во втором акте этой драмы, Жюно дома потребовал якобы от жены, чтобы она прокляла имя Клеменс. Лаура и это сделать отказалась, и тогда он ударил ее шесть раз золотыми ножницами в грудь, а затем послал слугу — нет, не за врачом! — за госпожой Меттерних. Та нашла полураздетую даму почти в агонии, однако сохранила спокойствие, распорядилась, чтобы было сделано все необходимое, а потом, как говорили, произнесла, обращаясь к Жюно, всего одну фразу: «Роль Отелло вам не подходит!»

Все это происходило за кулисами переговоров о будущей свадьбе Наполеона, в которых вот уже несколько недель принимала участие та же самая госпожа Меттерних. Император потом отвесил ей поклон, сказав: «Вы

спасли меня от самого худшего, во что втянул меня этот болван Жюно».

Чтобы больше не возникало осложнений в и без того трудных переговорах, Наполеон освободил Жюно от поста парижского губернатора и сразу же отправил его, а было это 2 февраля, к войскам в Испанию. Госпожа Жюно ровно через девять месяцев родила ему сына*.

Для всей этой истории характерно то, что кто-то искал предлог, дабы навредить Меттерниху, а потому копался в его личной жизни. Дорогу в салон Лауры Жюно найти было нетрудно, подкуп камеристки, чтобы та извлекла нечто пикантное из интимной жизни своей госпожи, в целом также отвечал стилю времени. Не исключено, что в случившемся было замешано и одно из отделений тайной полиции, ведь в окружении Лауры агенты кишмя кишели. Любопытно, что прямые участники этой истории не оставили о ней никаких письменных свидетельств. Ни Каролина Мюрат, которая позже по милости Меттерниха жила в Австрии — точнее, в Брно — под именем графини Липона (анаграмма от слова «Наполи» — Неаполь, ведь была же она королевой неаполитанской), ни Лаура д'Абрантес (в ее воспоминаниях нет ни слова об этом скандале). Из переписки и архивных материалов Меттерниха известно, что в 1836 году через банкира Ротшильда и австрийского посла в Париже он что-то покупал у Лауры. Скорее всего, именно те самые письма...

Сам же Меттерних описал этот эпизод в своем письме княгине Ливен от 26 ноября 1820 г. и отправил его с конгресса в Троппау (Опаве). При этом и он не отвечает на ее прямой вопрос, а изворачивается, как может, вплоть до того, что саму суть происшествия — наличие любовных писем — просто отрицает. Кроме всего прочего сам стиль письма может нам кое-что сказать о характере заносчивого австрийского канцлера. Он писал так: «...Значит, господин К. рассказал-таки тебе эту историю! Теперь я хочу тебе ее представить во всей наготе... Госпожа Ж. [Жюно] — это женщина, которая некогда действительно была прекрасной и воодушевленной, но это был тот род красоты и духа, который я не люблю.

* Генерал Жюно не был психически здоровым человеком. Позже он еще принял участие в русском походе, но затем, в 1813 году, вернулся во Францию и в доме своего отца покончил жизнь самоубийством: полубезумный, он выпрыгнул из окна и разбился.

Она желала меня, как и многие другие. Я ее не хотел, но.., как это часто со мной случалось, произошло обратное. Вскоре после этого, в конце 1808 года, я уехал в Вену. В Париж вернулся на Новый год и не поддерживал с ней больше иных отношений, кроме того что раз в два-три месяца посещал ее салон, который бывал открытым ежедневно. В мае 1809 года меня как пленного увезли в Вену; моя жена в то время оставалась в Париже. Когда же после 1809 года туда возвратился генерал Жюно, то, право не знаю, какая добрая душа ему сказала, что у его жены есть любовники, а камеристка поддерживает ее связи. Господин Ж., человек с диковатым характером, в один прекрасный день ни с того, ни с сего потребовал у горничной запертый ларец, в котором лежала переписка его жены...»

Чтобы сократить меттерниховское описание, скажем, что, по версии австрийского министра, Жюно получил ларец, заставил отдать ему ключ и «нашел там всего двенадцать любовных писем». (Как Меттерних мог знать, что писем было двенадцать?) Жюно спрашивал, от кого эти письма, но госпожа Жюно не потеряла голову и сказала, что от Меттерниха. Последний же в письме к Ливен утверждает, что не написал супруге генерала ни одного такого письма, которое нельзя было бы спокойно прочитать в любом салоне. Далее он пишет, что подлинный любовник Лауры находился в Париже. Затем генерал якобы заставил свою жену пригласить письмом к себе госпожу Меттерних, которая, приехав, нашла растерзанную Лауру в постели. Господин Жюно встал перед ней и патетически воскликнул: «Госпожа! Милостью вашего мужа я — рогоносец. Я требую сатисфакции! Я убью сначала ваших детей, а затем свою жену, которую вы здесь видите!» На это госпожа Меттерних хладнокровно ответила: «Господин! Если ваш замысел таков, то быть вам повешенным. А своих детей с этого момента и с вашего дозволения я отдаю под защиту императора!» И так далее... Говорят, что Наполеон обо всем этом каким-то образом узнал и очень смеялся над всей историей.

В заключение письма автор — и это было для него типичным — ополчается на информатора княгини и обвиняет некоего господина К., что тот, мол, сам в то время был одним из любовников госпожи Лауры. А каков конец всего скандала в интерпретации Меттерниха? Когда Лаура через господина К. извинилась перед Элеонорой,

та просила якобы передать ей следующее: «Коли уж вы хотели выгородить своего любовника, вам бы следовало назвать какое-нибудь другое имя, а не имя моего супруга...»

Атака на Меттерниха была тогда отбита, а события тем временем мчались дальше, словно лавина с альпийских вершин. Уже в конце января 1810 года Меттерних мог констатировать, что не ошибся в своих расчетах. В начале февраля в Париж пришел ответ из Петербурга — как ни удивительно, положительный — о возможности заключения брака между французским императором и русской великой княжной. 6 февраля Наполеон созвал семейный совет. На нем император сообщил, что для выбора невесты имеет пять вариантов, это принцессы — русская, австрийская, саксонская, немецкая и еще урожденная француженка. Снова последовало бурное заседание, на котором против русской княжны выдвигались возражения религиозного характера: мол, она исповедует православие, и в конце концов большинство голосов получила австрийская эрцгерцогиня.

Наполеон, пока еще не высказывая конкретных пожеланий, проинформировал об этом Шварценберга. Едва тот успел отослать в Вену гонца с новостями, как на следующий день к нему явился принц Эжен де Богарне и пригласил отправиться вместе в министерство иностранных дел, чтобы от имени своего императора подписать согласие на брак эрцгерцогини Марии Луизы с Наполеоном. Шварценберг оказался в незавидном положении: ему предлагалось принять решение, даже, точнее, взять обязательство, не получив на то конкретных инструкций своего шефа. В дипломатии того времени такие моменты возникали не часто.

Однако Шварценберг проявил находчивость. Он понимал, что не подписать бумагу не может. Наполеон был изменчив, и все переговоры могли пойти насмарку. Поэтому документ он подписал, заявив при этом, что хотя и не имеет на то полномочий, но от себя лично это делает с радостью. Естественно, в таких условиях все это ни к чему не обязывало ни императора, ни австрийское правительство.

7 февраля в Вену были отправлены две депеши. Одна содержала рапорт Шварценберга Меттерниху, а другая от французского министра иностранных дел де Шампаньи была адресована новому французскому послу в Вене

графу Отто, где сообщались точная программа свадебного церемониала и проект соответствующего договора. Сквозь временно́е расписание церемониала прямо-таки вылезало наружу холерическое нетерпение Наполеона. «Если мое письмо придет вовремя, — писал министр, — вы получите его 13-го (значит, ответ получу 21-го). Принц Невшательский [Бертье] сможет выехать из Парижа 22-го, до Вены доберется 28-го, руку попросит 29-го, а свадьба будет сыграна (если поторопиться) 4 марта. Если новая императрица выедет 7-го, то в Париже она будет 26-го».

Разумеется, в конце концов все шло не так быстро, хотя задержка по сравнению с первоначальным планом составила лишь несколько дней.

Меттерних пришел в восторг от парижских новостей. Император Франц, которого он уже убедил в желательности брака, был, тем не менее, настроен скептически. Что же касается венского общества, то оно понемногу начинало бурлить. Меттерних взял на себя задачу подготовить эрцгерцогиню, эту в буквальном смысле слова «проданную невесту». Если судить по тому, что он позже напишет, Мария Луиза вела себя как настоящая аристократка. Она якобы ответила ему так: «Когда дело касается интересов империи, во внимание следует принимать именно их, а вовсе не мое желание. Попросите моего отца, чтобы он прислушивался только к своему голосу государя и не подчинял свои обязанности моим личным желаниям». Что думала о предстоящем браке восемнадцатилетняя принцесса, когда оставалась одна, это уже иной вопрос. Возможно, была полна любопытства или даже радовалась предстоящему. Эта рослая стройная девушка не отличалась особой красотой, а Наполеон уже тогда прославил свое имя...

Меттерних обрисовал Марии Луизе парижскую жизнь в самых ярких красках, а о Наполеоне сказал, что «не знает другого человека, чьи беседы были бы столь приятными и увлекательными».

Император Франц был возмущен тем, как Наполеон заставил Шварценберга подписать согласие на заключение брака, а Меттерних по этому поводу лишь заметил, что узнает «обычный наполеоновский стиль».

Венское общество разделилось. Часть дворянства одобряла политику Меттерниха, но другая, особенно женщины, развернула прямо-таки антиметтерниховскую кампанию. Кто же стоял во главе сопротивления, кто

выступал против брака австрийской принцессы с Корсиканцем? Это были княгиня Багратион, три дочери герцогини Курляндской, прекрасные сестры: герцогиня Заганьская, принцесса из рода Гогенцоллернов и герцогиня Пиньятелли д'Ачеренца.

Старый князь Карл Иосиф де Линь, известный бонвиван, кутила и друг Казановы, бельгиец по происхождению и австрийский офицер, завсегдатай Вены и Праги, так отозвался о женской оппозиции в Вене: «Это всего лишь несколько безмозглых баб, которые по этому поводу (то есть брака) плачут или приходят в ярость, отчасти из-за модного предубеждения, а отчасти для того, чтобы создать впечатление, что, дескать, они пикантные, и еще чтобы их цитировали». И, видимо, в ином обществе он выразил свое суждение намного лапидарнее: «Лучше, если одна эрцгерцогиня пойдет к черту, чем целая монархия».

Таким, наверное, было и мнение народа, которое отчасти выражала и австрийская печать (например, «Винер цайтунг»). Простые люди поверили, что с браком наконец наступит мир и покой, что государственные чиновники перестанут выжимать из них новые деньги на армию, прекратят реквизировать продукты и лошадей и забирать молодежь в солдаты.

Однако Меттерниху пришлось иметь дело с весьма сильной оппозицией прямо при венском дворе, во главе которой стояла новая супруга Франца — императрица Мария Людвига, бывшая всего на четыре года старше своей падчерицы Марии Луизы. Некоторые члены августейшей семьи не могли, видимо, забыть ни казни происходившей из габсбургского рода Марии Антуанетты, ни недавних военных поражений.

Тем временем в Вену поступали приказы французскому послу сообщить в Париж все необходимые размеры и вес будущей императрицы, так как Наполеон поручил своей сестре Каролине Мюрат позаботиться о том, чтобы для Марии Луизы были приготовлены платья и весь гардероб по парижской моде. Тогдашняя парижская мода (свободные античные тоги, стянутые под грудью лентой) еще не дошла до Вены, и Наполеон, очевидно, опасался, как бы его будущая супруга не выглядела слишком провинциально.

6 марта в Вену прибыл адъютант Наполеона генерал Лористон с письмом французского императора императору австрийскому и с приказом устроить в Вене пышное

торжество, разумеется за государственный счет. За два дня до этого в Вене появился многолетний шеф наполеоновского Генерального штаба Бертье, принц Невшательский (он же и принц Ваграмский, но что касается этого второго титула, то его, как кто-то тогда отметил, генерал тактично оставил за границами австрийской империи). Бертье явился в сопровождении целого сонма вельможных господ. Он сразу же нанес визит Меттерниху, который информировал гостя о предполагаемом ходе событий.

7 марта от имени французского императора Бертье торжественно попросил руки Марии Луизы и передал ей портрет Наполеона в рамке из бриллиантов. 9 марта эрцгерцогиня столь же торжественно отреклась от претензии на австрийский трон, причем в роли государственного нотариуса выступил граф Меттерних. 11 марта венский архиепископ благословил брачный союз. В костеле Наполеона замещал, согласно его величайшему желанию, эрцгерцог Карл.

13 марта 1810 г. в 9 часов утра из Вены в Париж отправилась процессия из восьмидесяти трех экипажей. Новую императрицу сопровождал ее дядя эрцгерцог Карл. Перед этим император Франц написал Наполеону, которого не мог терпеть, следующее: «Вкладывая в Ваши руки, мой господин брат, судьбу моей дорогой дочери, я представляю Вашему Величеству самое убедительное доказательство доверия и уважения, какое только могу. Бывают моменты, когда святейшие чувства берут верх над любыми иными соображениями...» Но ведь всем было ясно, что речь шла о сделке на самом высшем уровне!

Многих читателей, наверное, развлекло бы красочное описание подробностей путешествия Марии Луизы во Францию, ее первой встречи с Наполеоном (она произошла 27 марта в Компьене, куда тот приехал, полный нетерпения, чтобы встретить свою супругу), заключения 1 апреля в Сен-Клу гражданского брака и церковного — 2 апреля в Париже и т. п. Однако нас все эти события интересуют лишь постольку, поскольку они рассказывают о стиле и целях внешней политики Меттерниха, ибо именно на их примере видно, что речь идет о политике несколько необычной и последовательной в своей непоследовательности, с которой всегда проводилась так называемая принципиальная линия.

Обе стороны были заинтересованы в том, чтобы внешне брак Наполеона не связывался с какими-либо поли-

тическими или военными условиями, чтобы в нем нельзя было усмотреть ничего, кроме решения личных проблем французского императора. Третьим, кто оставался в стороне и для кого разыгрывалась вся эта игра, была, естественно, Россия. Уже в конце февраля 1810 года французский министр иностранных дел отправил всем своим дипломатическим представителям циркуляр, в котором подчеркивалось: «Сим письмом вам приказывается говорить так, как в такой ситуации надлежит. Вы не смеете допустить даже мысли о том, что наши связи с Россией ослаблены. Наши отношения с этой державой остаются неизменными».

Было, однако, довольно трудно придать такому утверждению видимость правдоподобия. Фактический отказ от русской невесты должен был разгневать царя Александра. Позже сам Наполеон сказал об этом так: «Он был задет за живое, узнав о браке с австриячкой, и воскликнул: "Меня послали к черту!"» Талейран в своих шпионских донесениях царю «О положении в английском земледелии», что являлось условным обозначением внутреннего положения во Франции, писал в связи с женитьбой Наполеона о беспокойстве, уже тогда опасаясь, как бы это не стало первым шагом к конфликту.

Однако Меттерних был заинтересован намного больше в том, чтобы Россия не заподозрила о возможных тайных договоренностях между Францией и Австрией.

Дипломатическая игра австрийского министра иностранных дел была действительно деликатной, так как он хотел разрушить русско-французский союз и при этом избежать царского гнева, а уж тем более каких-либо подозрений в отношении Австрии. При этом он не мог действовать открыто. В перечне задач, которые он перед собой поставил, первостепенное значение придавалось достижению существенных для Австрии послаблений в условиях Венского (Шенбруннского) мирного договора, заключенного в октябре 1809 года. Об этом он и намеревался вести разговор с Наполеоном сразу же после заключения брака, когда тот, как правильно предполагал австрийский министр, будет наиболее открыт для его аргументов.

В конце февраля Меттерних, уже не сомневавшийся в успехе своей «брачной дипломатии», через Шварценберга дал понять французскому министерству иностранных дел, что с удовольствием прибыл бы в Париж с эскортом невесты. Но французы, не желая, чтобы со свадьбой связывалась какая-то конкретная политическая цель, были против и сообщили в Вену, что «Император с радостью увидит его [Меттерниха]. Он согласен с тем, чтобы господин Меттерних осуществил такую поездку как министр по поводу своих дел или дел своего двора, но ни в коем случае не в сопровождении госпожи эрцгерцогини».

Меттерних действительно был мастером разыгрывать сложные партии, а потому ему не составило большого труда найти подходящий выход. Он решил отправиться в Париж, чтобы навестить свою семью, но путь избрал не тот, по которому продвигался свадебный кортеж, а иной — через Мец. Однако перед тем как отправиться в дорогу, он сумел получить от своего императора письмо, заключительная фраза которого точно повторяла формулировку, используемую в верительных грамотах. Одновременно он дополнил свой багаж кучей всевозможных австрийских наград, предназначая их важным французским персонам, перечень которых подготовили его чиновники.

Таким образом, Меттерних в конце концов навязал себя Парижу в роли государственного гостя, используя для этого как свой ловкий маневр, так и помощь друга Карла Шварценберга, который во французской столице неустанно подчеркивал, что в заключении брака — немалая заслуга австрийского министра иностранных дел. Поэтому, когда тот в конце марта (без всякой спешки!) добрался до Парижа, ему была предоставлена резиденция в великолепном дворце маршала Нея на набережной д'Орсе и притом полностью за государственный счет. А сам владелец дворца в это время вел нескончаемую войну в Испании. Меттерних после года разлуки смог снова встретиться с семьей, со своей женой Элеонорой, а Шварценберг — наконец-то передохнуть, передав государственные заботы своему шефу, и пуститься во все светские развлечения, особенно наслаждаясь охотой в обществе Наполеона. Недавняя афера, связанная с именем Лауры Жюно, хотя и бросила на Меттерниха некоторую тень, но не повредила и даже скорее способствовала его популярности у женской части парижских салонов. Что же касается его бывшей любовницы Каролины Мюрат, сестры Наполеона и королевы неаполитанской, то та

даже не могла позволить разыграться своей ревности, так как брат-император именно ей поручил ввести Марию Луизу в парижский высший свет.

Меттерних предполагал пробыть в Париже два месяца. На это время он поручил руководство министерством в Вене своему отцу, так что мог быть спокоен и не опасаться происков оппозиции. Наполеон со своей новой супругой отправился в свадебное путешествие в Нидерланды к своему брату — голландскому королю Людовику. Меттерних ждал его возвращения в Париже, и, честно говоря, это вовсе его не огорчало, ибо город давно покорил австрийского министра. Однако пребывание в Париже затянулось до конца сентября 1810 года. Для него лично оно было приятным, за исключением одного ужасного происшествия, свидетелем и участником которого он оказался волей судьбы. Произошло это на балу, который 1 июля устраивал посол Шварценберг в честь новой императрицы. Съехались гости, в том числе и Наполеон, министры и военные чины. Были там супруги Меттерних, австрийский посол и его брат Иосиф с семьей, короче, сливки парижского общества. Для торжества в саду посольства возвели специальный зал. Повсюду — великолепное убранство, фейерверк и т. п. Но под конец бала от горящей свечи вспыхнул занавес, и через минуту все деревянное строение оказалось в пламени. В результате ожогов скончалось девятнадцать человек, среди них и супруга Иосифа Шварценберга. Ущерб от пожара (погибли украшения и драгоценности) исчислялся в миллионах.

В политическом отношении Меттерних не приобрел всего, о чем мечтал, но сказать, что его переговоры были неуспешными, нельзя. Хотя в воспоминаниях он касается этого аспекта лишь в общих чертах, судя, однако, по корреспонденции хорошо информированного русского посла Нессельроде, австрийский министр иностранных дел вел переговоры по следующим пунктам: первое — уменьшение военных репараций Австрии; второе — заем венскому правительству в 100 миллионов франков; третье — заключение торгового договора.

Нессельроде был действительно хорошо информирован, но и он не знал о секретном дополнении к Венскому договору от 14 октября 1809 г., которое Меттерних также старался смягчить. Тем не менее информатор Нессельроде князь Талейран полгал, что австрийский министр

«покинет Париж, так и не договорившись об обязательствах, небезопасных для России».

Только в начале мая 1810 года Меттерних получил от французского министра иностранных дел предварительное извещение о том, что император согласился с займом в принципе и без возражений одобрил проект торгового соглашения, состоявшего из 14 статей, но пожелал, чтобы время его действия было продлено. Однако обо всем этом еще предстояло вести переговоры.

Зато личные проблемы Меттерниху удалось решить довольно быстро. Оппозиция в Вене злословила, обвиняя его в том, что он больше занят собственными делами, чем государственными. Уже в начале мая Наполеон распорядился возвратить семьям Шварценбергов и Меттернихов имущество, которое было у них конфисковано в государствах Рейнского союза: у Шварценбергов — в Баварии и Бадене, а у Меттернихов — главным образом в княжестве Охсенхаузен. Не исключено, что он это сделал не без умысла, ибо мог предположить, каков будет резонанс в венском обществе. Правда, в результате Меттерних смог лишь рассчитаться с кредиторами.

Во всем остальном, что касалось Австрийской монархии, оставалось немало неясностей, поэтому уже в предварительных переговорах Меттерниху пришлось согласиться с французскими требованиями, из которых, как ни удивительно, одним из наиболее затруднительных был запрет французским эмигрантам нести военную службу в австрийской армии.

В Вену Меттерних особенно не спешил. Жизнь во французской столице была ему по-прежнему приятна. От Наполеона он получил в подарок прекрасный фарфоровый сервиз, император проявлял к нему свое расположение и иным образом.

Где-то среди балов и других светских развлечений, которыми был так богат Париж в эпоху империи, Меттерних встретил в русском посольстве женщину, которая позже, в 1819—1825 годах, стала его судьбой. Княгиня Доротея Ливен (1784—1857 гг.) была стройной высокой женщиной с прекрасной длинной шеей и большими глазами. Судя по ее портретам кисти современников, в ней было столько очарования, что известный гурман в делах любви Меттерних не устоял. Возникшее между ними чувство было типичной смесью

политики и эротической страсти, а их богатая переписка, развернувшаяся между Веной и Лондоном, где князь Ливен был русским послом, по большей части перлюстрировавшаяся в Париже, с восторгом прочитывалась здесь и в самых высших инстанциях*.

В течение тех месяцев, которые Меттерних провел при французском дворе, он обнаружил интересный и, возможно, кое для кого в Вене утешительный факт, который не замедлил вписать в свой актив, чтобы затем предложить своему императору: Мария Луиза влюбилась в Наполеона, она казалась счастливой и, главное, поделилась со своим «государственным нотариусом» важной новостью: уже в марте будущего года император французов получит потомка. А Меттерних знал, что самолюбивый корсиканец ждет наследника с истинным нетерпением. Отцу Мария Луиза написала: «С самого своего приезда я почти постоянно с ним. Он любит меня безмерно. За это я ему очень благодарна и искренне отвечаю тем же. Думаю, что он многое приобретает в глазах тех, кто узнает его близко; в нем есть нечто обаятельное и весьма впечатляющее, противостоять чему невозможно...»

Когда Франц I прочитал это письмо, он якобы заметил: «Все равно не выношу этого типа!»

В начале сентября 1810 года Георг Меттерних сообщил своему сыну из Вены, что против него формируется довольно сильная оппозиция во главе с его предшественником графом Стадионом, к которой примыкает и министр финансов граф Валлис. Клеменс знал, что от Наполеона он приедет не с пустыми руками, и поспешил домой.

30 сентября он попрощался в Фонтенбло с императором, который вручил ему личное письмо для тестя. Свидетель прощания обращает внимание главным образом на неформальное, непринужденное поведение австрийского министра, граничившее почти с фамильярностью: «Он опирался на угол камина, нога переброшена через ногу, расслабленное выражение лица...» Тот, кто знал о строгом церемониале, соблюдения

* По сделанным французской контрразведкой копиям эта переписка позже была издана во Франции. Что касается оригиналов, то они находятся в семейном архиве Меттернихов в Центральном государственном архиве в Праге, так как после расставания Ливен вернула Меттерниху его письма.

которого Наполеон с того момента, как стал императором, требовал даже от своих близких, от братьев и сестер, не мог этому не удивляться. Разумеется, при этом возникали и мысли о том, как же все это отразится на политике.

Своего императора Меттерних застиг в Штирском Градце. Наполеон в письме Францу расхваливал Клеменса: «...много раз я встречался с графом Меттернихом. Говорил ему, какие чувства я питаю к Вашему Императорскому Величеству... Я доволен его пребыванием здесь».

Далее Наполеон писал, что отменяет тот пункт секретного дополнения к Шенбруннскому (Венскому) договору, который ограничивал австрийские вооруженные силы 150 тысячами человек (статья 2 из шести статей тайного приложения). Еще в Париже Меттерних подписал торговое соглашение, а о займе предстояло вести переговоры.

Против тандема Меттерних — Шварценберг образовывалась оппозиция, называвшая министра иностранных дел и его посла в Париже франкофилами. В отношении самого Меттерниха делались и такие намеки: не находится ли он на содержании у французов, не подкуплен ли? Граф Отто, французский посол в Вене, сообщал в то время в Париж, что «настроение при венском дворе исключительное, и поддерживается оно двумя семьями, активными сторонницами союзничества: Шварценбергами и Меттернихами, которые нам очень обязаны и проявляют благодарность...»

В том же донесении граф Отто делает любопытное заключение: «Граф Меттерних, если мы будем его поддерживать, в будущем сможет играть весьма важную роль в Австрии...» Были ли подарки и особенно возвращение прежнего имущества обоим сторонникам франко-австрийского альянса первой попыткой прочно связать им руки? Бесспорно, да. Но были ли эти два человека подлинными сторонниками союза между обеими странами? Весь ход событий, который мы здесь описали, свидетельствует, что речь шла только и всего лишь о политической тактике, исходящей из конкретной ситуации, из понимания того, к чему приходят в конце концов опытные политики: политика действительно есть не что иное, как искусство возможного.

Неспроста за несколько дней до свадьбы Наполеона

Карл Шварценберг писал из Парижа своей жене: «Посмотри, уже целые месяцы я говорю тебе о своем положении и не отваживаюсь высказать, не осмеливаюсь изложить то, что нас ждет; с одной стороны, этот альянс, а с другой — весьма недалекая и уже наверняка последняя война...»

Точно так думал и Меттерних. Но мы, тем не менее, не можем избавиться от впечатления, что благосклонность Наполеона ему льстила и что он действительно хотел бы поставить сразу на две карты...

7.

АВСТРО-ФРАНЦУЗСКИЙ ДОГОВОР — ИНОГО ВЫБОРА НЕТ

Меттерних, бесспорно, был миролюбивым человеком, но вовсе не по причине каких-то идеалистических представлений, он скорее исходил из потребностей практической политики. Он желал мира, так как хотел, чтобы все, находящееся у него на попечении, преуспевало: чтобы его поместья приносили доход, чтобы в стране царил относительный покой, чтобы учреждение, которым он управлял, функционировало по законам размеренной повседневной жизни, чтобы его не лихорадило из-за неожиданных ситуаций и чрезвычайных событий. Он понимал, что Австрия слаба и неоднородна и что войны буквально сотрясают сами ее основы. Состояние войны вызывает общественное беспокойство, что, в свою очередь, может поставить под угрозу старый режим. Войны подрывали и экономический потенциал страны. Австрия оказалась в глубоком экономическом кризисе.

До сей поры мир чаще всего устанавливался и поддерживался силой. Граф Меттерних постепенно осознавал, что мир посредством силы, мир, рожденный диктатом победившей империи или империй, бывает хрупок и редко длителен. Ему было ясно, что при таком неустойчивом мире Австрия не сможет играть ведущую роль. В нем зрело и убеждение, что для его страны наиболее

выгодным мог бы стать мир, достигнутый, если использовать современные термины, на основе равновесия сил и подкрепленный надежным соглашением, естественным образом ограничивающим поле деятельности каждого из участников.

Еще в пору своей брюссельской молодости, когда Меттерних мог заглядывать в дела своего отца, тогдашнего полномочного министра габсбургского двора, он научился определять роль отдельных людей, роль личности в политике. Конечно, главным оставалось влияние внутренней структуры государства на его внешнюю политику, что Меттерних особенно отчетливо увидел на примере соответствующего французского ведомства. Однако в Австрии и других государствах антинаполеоновской Европы внешнюю политику определял и проводил узкий круг людей, в основном аристократов, руководствовавшихся личными интересами и укоренившимися предрассудками, действовавших в соответствии с собственными симпатиями или неприязнью. Для них Наполеон был всего лишь выскочкой, парвеню, вести переговоры с которым считалось ниже достоинства, не говоря уже о том, чтобы учитывать его в политических планах, как это сделал Меттерних, добиваясь брака австрийской эрцгерцогини с французским императором. Именно этим и объяснялась буря возмущения, которая поднялась против Меттерниха в венских кругах.

Исключение составляли англичане, которым мешала честолюбивая политика Наполеона, а не его происхождение. Поэтому Великобритания еще в 1809 году через посредников пыталась вести переговоры с Парижем, надеясь, что какой-то статус-кво может быть найден. В 1810 году в переговоры с англичанами на свой страх и риск пустился и министр полиции Наполеона Жозеф Фуше, за что летом того же года, когда император раскрыл его политические махинации, поплатился министерским креслом. Пока что Наполеон отвергал любые мирные переговоры с Англией.

После возвращения из Парижа Меттерних, очевидно, отчаянно пытался хоть как-то предугадать ход событий на ближайшие месяцы и годы. Правда, в своих биографических заметках, написанных в 1849 году, он старается доказать, что все, собственно, заранее предвидел, однако это на деле было далеко не так. В течение трех лет после приезда в Вену он, как рыба в сети, бьется в сомнениях, тратя бездну энергии, чтобы как-то оправдать свои ошибочные шаги. Он и князь Шварценберг старались

убедить друг друга, что избранный ими путь подчинения французской политике — единственно возможный, но они так никогда от своих сомнений и не избавились. Сколько раз Меттерних внушал себе и своему окружению, что пока никаких дел нельзя иметь с англичанами, даже брать у них деньги, причем ссылка на взаимное соперничество на юге Европы и в Турецкой империи была лишь неубедительным предлогом.

И Россия создавала проблемы. Из последнего разговора с Наполеоном 20 сентября 1810 г. в Сен-Клу Меттерних сделал вывод, что войны между Францией и Россией не избежать; Бонапарт просто дал ему это понять. Одновременно французский император хотел знать, какую позицию в этом случае займет Австрия. Активную, встанет рядом с Францией? Наполеон утверждал, что нейтралитет не имел бы для него никакого смысла.

Меттерних был бы совсем слепым, если бы не замечал, что в то время и Наполеон, и Александр делали все для разжигания конфликта. Наполеон возмущался, что Александр, поддаваясь давлению у себя в стране, нарушает континентальную блокаду. Зерно, важнейший тогда экспортный товар России, можно было сбывать за рубежом, только нарушая наполеоновский вердикт против Англии. А Александр в Петербурге, в свою очередь, приходил в гнев, узнавая из тайного донесения Талейрана, полученного им в декабре 1810 года, что Наполеон намерен возродить Польшу и для этого собирается отторгнуть от Пруссии Силезию и передать ее саксонскому королю взамен Варшавского княжества; от Австрии в пользу Польши он думает отрезать Галицию, но так, чтобы Франц I не почувствовал себя обделенным, и присоединить к ней Триест, Риеку и, возможно, Далмацию с побережьем. Судя по всему, Талейран умел внимать, когда Наполеон вслух предавался мечтам.

Испокон веков польский вопрос был для России ключевым. По Тильзитскому миру (1807 г.) Варшавское княжество формально было передано саксонскому королю, а так как сама Саксония входила в Рейнский союз, находившийся под протекторатом Франции, то и Варшавское княжество оказалось, собственно, в подчинении у Наполеона. С этим фактом поляки связывали надежду, что Наполеон когда-нибудь воссоздаст и самостоятельную Польшу. Такая возможность подобно ночному кошмару приводила в ужас царя Александра и его окружение,

и — просто удивительно — как это Наполеон в самые трудные минуты после провала похода на Россию не воспользовался антирусскими настроениями польского дворянства, которое было готово за признание польской независимости предоставить в распоряжение французов целый кавалерийский корпус.

В Вене отмечали и другие спорные моменты в отношениях между Россией и Францией, прежде всего экспансионистскую русскую политику на Балканах и повышение в декабре 1810 года таможенных тарифов на ввоз в Россию предметов роскоши, поступавших главным образом из Франции. Наполеона это разозлило: ведь торговлей таким товаром занимались и некоторые члены его семейного клана.

Нет, Меттерних решительно не был слепым политиком. Все это не уходило от его внимания и бралось им в расчет. Он представлял, как огорчился Александр, когда Наполеон прибрал к рукам Ольденбургское герцогство, а французский император сделал это с явным удовольствием, ведь Великий герцог Ольденбургский был тестем русской великой княжны Екатерины Павловны, той самой, что отвергла сватовство Наполеона и отдала предпочтение Георгу Ольденбургскому, младшему потомку рода. В Петербурге, понятно, умели читать и географические карты, и там было всем ясно: если Наполеон продолжает подчинять себе весь немецкий Север — государства, лежащие у Северного моря, ганзейские города Гамбург, Бремен, Любек, если французские гарнизоны уже рассеяны по всей Пруссии, то все это может говорить лишь об одном — о подготовке к новому походу на Восток. А на Востоке оставалась только Россия.

Было нетрудно догадаться, что об этом думал царь Александр, этот великовозрастный юноша и молодой старец, мистик, часто больше веривший гадалке, чем советам способного политика. Наполеона он ненавидел, а будучи к тому же и тщеславным, несомненно, ему и завидовал. Но, главное, он уверовал, что предопределен стать защитником мира в Европе и освободителем народов от тирании Наполеона...

Меттерних, пожалуй, был не особенно силен в математике, хотя и любил похвастаться, что в молодости увлекался точными науками, но для решения вставшей перед ним задачи было бы достаточно и знаний ученика тех начальных школ, которые в Австрии создавались

при Иосифе II. Итак, он, подсчитав все наличные европейские величины, получил единственно возможный результат — войну между Россией и Францией. Однако рассчитать, кто в этой войне победит, это была задача уже из высшей математики, которую вряд ли бы решил и самый лучший выпускник венского артиллерийского кадетского корпуса, а артиллеристы считались тогда знаменитыми математиками.

Этот ребус оставался кардинальной неразрешимой проблемой, возникшей перед австрийской внешней политикой в конце 1810 года и сохранившейся в следующем, 1811 году. Меттерних терялся в догадках. Он не верил, что в тот момент Россия смогла бы себя защитить, переоценивая могущество и способности Наполеона. О народах, солдатах, настроениях в порабощенных странах он не размышлял.

В конце концов, иначе мыслить он, пожалуй, и не мог. Любое иное предположение лишало бы всякого смысла брак Марии Луизы с Наполеоном. Еще в июле 1810 года Меттерних писал своему императору из Парижа: «Существеннейшей выгодой [этого брака] является то, что он облегчил наше безнадежное положение. При нашей полной дезорганизации, внутренней и внешней, мы получили передышку. Исходя из такого состояния вещей, все усилия правительства должны быть направлены к установлению порядка и восстановлению сил.., к объединению этих сил с учетом всех возможных вариантов, которые могли бы возникнуть в будущем. Было бы ошибкой попытаться предугадать будущее на основе первых лет правления французского императора. В его браке с эрцгерцогиней Австрия видит такие гарантии, которые не могло бы дать никакое иное событие. Но было бы ошибкой и приписывать этому столь выгодному альянсу безраздельное влияние, которое отразится на всех планах Наполеона и полностью изменит взгляды монарха. Претензия на безраздельное владычество заключена в самом характере Наполеона; она может быть удовлетворена, но никто и никогда не сумеет ее подавить. Без такого альянса [Австрийская] монархия лежала бы ныне в развалинах. Тем не менее правдой является и то, что, несмотря на брак, мы можем оказаться в положении, когда нам придется мобилизовывать все силы, чтобы не попасть в порабощение и воспротивиться игу».

И стиль, и выводы поистине достойные дипломата! Надеяться на малое, но в расчет брать все! Все варианты возможны. Такие выводы обычно оправдываются, когда ничего не происходит, но беда, если наступает минута, когда политик должен принять решение. Однако мы были бы несправедливы к молодому австрийскому министру иностранных дел, если бы допустили возможность, что он мог позволить застать себя врасплох. Он только разрешил себе, подчиняясь обстоятельствам, некоторое время плестись в хвосте событий, но при этом отчаянно выискивал точку опоры, которая позволила бы ему сделать решительный самостоятельный шаг, возможно, даже полуоборот. Это ему удалось, но только летом 1813 года, а пока он все еще лавирует...

Надо сказать, Меттерних лавировал, бросаясь из стороны в сторону. В Вене удары сыпятся на него отовсюду. Его называют чужеземцем (по сути, это была правда, но таких, как он, было множество в австрийских службах), попрекают неоправданно долгим пребыванием в Париже, которое, мол, было не на пользу монархии, но почему именно, никто не уточнял.

Больше всего его допекали русские интриги. Антиметтерниховскую клику возглавлял генерал князь Багратион вместе... со своей супругой. И этому никто не удивлялся, хотя всем было известно, что восемь лет назад у Меттерниха был роман с княгиней Багратион, закончившийся появлением дочери, от которой Клеменс никогда не отказывался. Так почему же ныне бывшая любовь выступает против него? Патриотизм или ревность? Подобные мысли приходили в голову многим, когда осенью 1811 года княгиня родила вторую дочь. Миссофф цитирует такое официальное донесение французского посла в Вене: «После длительной отлучки, четыре месяца назад, князь Багратион вновь появился в Вене и, пробыв недолго, снова уехал. Тем временем княгиня родила, и общественные злословы напоминают, что девять месяцев назад господин граф Меттерних вовсе здесь не отсутствовал...» Но похоже, что на сей раз граф попал под подозрение без всякой на то его вины.

Русскую партию в Вене разыгрывал тогда целый ряд видных персон, и среди них одной из наиболее активных, возможно и по причине своей привлекательности, была герцогиня Заганьская, которая за четыре года до того развелась со своим молчаливым и строгим мужем князем Василием Сергеевичем Трубецким. Она столь решительно критиковала Меттерниха за его франкофильскую политику и делала это так долго, что в конце концов очутилась в его спальне. Герцогиня была богата, а мы уже знаем, что у Меттерниха была слабость к политике, женщинам и богатству. Здесь же все воплощалось в одном лице и к тому же действительно очаровательном.

Русскую партию вели тогда и англичане. Они имели в Вене несколько весьма активных фигур, и прежде всего посла Харкурта-Кинга, бывшего любовника все той же герцогини Заганьской. Светское общество тех времен было действительно пронизано тысячами связей... Против Меттерниха интриговал в своем пражском изгнании и барон Штейн, бывший первый министр прусского короля, большой националист и противник Наполеона, которого последний специальным декретом, присланным из Испании, объявил «врагом Франции и Рейнской конфедерации». Бонапарт велел конфисковать имущество Штейна, а самого его арестовать, но барон бежал в Прагу, где, будучи старым заговорщиком и масоном, стал инициатором основания «Ложи римских дам», хотя создание тайных союзов и масонских лож в Австрийской империи было запрещено. Это была сугубо антифранцузская ложа, а потому графиня Бубенская, известная франкофилка, выдала своих высокородных коллег Меттерниху. Однако тот ничего не смог предпринять, ибо среди двенадцати братьев и четырнадцати сестер в ложе состояли высший бургграф, чешский граф Коловрат (Великий магистр), герцогиня Заганьская и ее две сестры — княгиня из рода Гогенцоллернов и герцогиня д'Ачеренца, графиня Коловрат, урожденная Кинская, и др.

Меттерних, к слову сказать, тоже не выносил барона Штейна. Они олицетворяли два противоположных полюса. Штейн был строгим немецким националистом, а Меттерних — европейцем в истинном смысле слова. Клеменс велел следить за Штейном, опасаясь, как бы тот чего-нибудь не натворил. Благодаря этому по поступавшим полицейским донесениям можно было бы написать роман о пребывании барона в Праге.

В декабре 1810 года князь Талейран проинформировал русских, что, по его сведениям, Наполеон готовится к походу на Россию, начало которого можно ожидать весной 1812 года. Такую же информацию Талейран предоставил и Меттерниху.

В подобной ситуации ответственный политик обычно сводит воедино все доступные факты, старается опреде-

лить к ним свое отношение, разработать план действий, наметить тактику и конечную цель. Меттерниху, находившемуся под обстрелом своих высокопоставленных «верных» противников (в общественной иерархии и в правительстве), но, как ни странно, все еще пользующемуся расположением императора Франца, приходилось лавировать и здесь. И, похоже, в конце концов ему удалось попасть почти в яблочко. Правда, у него был в надлежащем месте хороший советчик. С осени 1810 года князь Шварценберг шлет ему из Парижа множество писем, в которых обращает внимание своего министра на подготовку французов к войне и задает, пока полуофициально, вопрос, какую позицию собирается занять Австрия. При этом Шварценберг по большей части цитирует не каких-то второразрядных информаторов, а ссылается на первоисточник. Ведь мы знаем, что он сравнительно часто и в непринужденной обстановке встречался с французским императором, а потому ссылался в основном на разговоры с ним самим, с его новым министром иностранных дел герцогом Бассано. (Этот герцог был не кем иным, как прежним адъютантом Наполеона — Маре, произведенным императором в дворяне, на что Талейран отреагировал язвительной репликой: «Теперь появился еще один человек, который глупее Маре, это герцог Бассано...»)

В начале января 1811 года Меттерних набросал для императора свои соображения о том, как в ближайшее время могут развиваться события. Он не считал, что мир будет нарушен еще в 1811 году, но ожидал, что война все-таки начнется весной следующего года. В связи с этим его предложения: в течение года Австрия должна оздоровить свои финансы, уменьшив хождение бумажных денег, и вооружить к будущему году армию, а когда Наполеон отправится на Восток, занять позицию вооруженного нейтралитета.

Однако шли дни и недели 1811 года, и дела менялись. В марте Мария Луиза родила сына, что привело французского императора в состояние, близкое к экстазу, хотя в Вене это событие особого восторга не вызвало. В начале апреля Шварценберг прислал своему министру и другу письмо, в котором сообщал, что Наполеон уже поднял весь народ на подготовку к войне, а еще через несколько дней проинформировал о новом разговоре с Наполеоном. Император говорил с ним о том, в каком состоянии находятся отношения между Францией и Россией. Самым важным в этом разговоре было то, что за ним стояли расчеты Наполеона на активное участие в походе Швеции, Пруссии и Австрии. Из записи беседы, сделанной послом, видно, какое впечатление произвели на него замыслы Наполеона относительно будущей перекройки европейской карты. (Война разумелась победоносная, и в ее результате Австрия могла бы получить за Галицию, переданную полякам, обширные территории на юге Европы.) Шварценберг советовал еще больше сблизиться с Францией, чтобы получить в будущем возможность участвовать в переустройстве Европы. Наполеон забросил крючок, пообещав ликвидировать Турецкую империю и разделить ее земли; в то время Россия воевала с турками, и этот момент был также отражен в расчетах Наполеона.

Меттерних разглядывал европейскую карту и видел, что все сулит Наполеону удачу. Французский император владел, по сути, шестнадцатью государствами Рейнского союза, Итальянским королевством (здесь вице-королем был сын Жозефины — Эжен де Богарне), а в Неаполе он мог положиться на здешнего короля генерала Мюрата. Пруссия была побежденной страной, которая, несомненно, сделает все, чего бы ни захотел Наполеон. (Так и случилось: в феврале 1812 г. она первой подписала с Францией союзнический договор, вооружила двадцатитысячную армию и согласилась с оккупацией своей территории французскими войсками, обязавшись к тому же их и содержать.) Только со Швецией Наполеон просчитался. Он был уверен, что его бывший генерал, ныне шведский коронованный принц Бернадот пойдет с ним, но тот в апреле 1812 года объявил о нейтралитете, а позже заключил союзнический договор с Россией, так как царь Александр предложил ему аннексировать Норвегию. Но тогда, в 1811 году, Меттерних всего этого не мог знать и принимал Швецию за партнера Франции.

Политика, однако, это не только то, что видит наблюдатель, даже посвященный и относительно хорошо информированный. Политический шаг, политическая мера, политическое решение — это равнодействующая многих самых различных сил, находящихся порой под поверхностью, скрытых. Здесь также важно, разумеется, проявление характера, способностей, наконец, интуиции политика. Опытный политик в мире капитала прежде, как и сегодня, хорошо знал, что «сейсмографом» в по-

литической игре служат капитал и его движение, осмотрительная деятельность банков и других подобных учреждений. Меттерниха, получавшего, несомненно, и определенную информацию от своего франкфуртского банкира Бетмана (тогда он еще не сблизился с Ротшильдами), несколько сбивало с толку то, что в финансовом мире, начиная с лондонских Беринга и Лабушера, амстердамского Гопе и франкфуртского Бетмана и кончая парижским домом Перрего-Лаффит, принимались какие-то меры, чтобы оживить русскую торговлю. Банки старались поддержать русскую торговую буржуазию, а в Германии содействовали тайным национальным и националистическим обществам. Шли разговоры и о том, что эти же банкиры финансируют странный тандем во французском правительственном гарнитуре Талейран — Фуше, известный своим несогласием с готовящейся войной против России.

Меттерних действительно оперировал на зыбкой почве, не имея ни малейшей опоры. Одно решение устроило бы его тогда — это не принимать никаких решений. Лишь бы события дали ему возможность выждать!

Однако события подчас способны смести даже весьма старательно подготовленную политическую схему. В 1811 году они обрушились на Меттерниха с двух сторон. Наполеон развил прямое, хотя и нежесткое, давление на Австрию, настаивая, чтобы та заняла активную позицию рядом с Францией. А это рушило замыслы Меттерниха, связанные с вооруженным нейтралитетом. С другой стороны, можно сказать, в собственном доме по министерству Меттерниха ударил острый кризис, решение которого уже не терпело отсрочки, что и он сам предлагал сделать еще с начала 1811 года.

Иногда тому, кто не любит заниматься финансами, банковскими счетами и т. п. (или он настолько богат, что эта сфера его не волнует, или располагает для подобных дел специальными людьми), приходится все-таки однажды погрузиться в эти дела. А так как у такого человека нет ни практики, ни нужного для этого особого чутья, он может довериться плохому советчику, и тогда все вдруг словно лавина понесется в пропасть. Если бы это касалось только личной собственности — куда ни шло! Но если человек с проблематичной эрудицией в монетарном деле занимается государственными финансами — катастрофа уже на пороге.

Австрийский министр иностранных дел и он же первый министр императора с самого своего вступления на пост ощущал, что его внешнеполитические усилия тормозит расстройство экономики монархии. Двадцатилетняя война с Францией не способствовала благополучию Австрии, а война 1809 года и вовсе разрушила ее финансы. Однако в правительственных кругах не было единства в отношении того, как улучшить экономические, и в частности финансовые, дела страны.

Суть печального экономического положения была в следующем. Не слишком мудрые головы, управлявшие Австрийской монархией, еще раньше надумали возместить недостаток денег выпуском банковских билетов, что и делалось довольно долго, пока не возникло такое положение, когда уже никто не знал, сколько таких бумажек находится в обращении. Разумеется, однажды наступил момент, когда банковские билеты, не подкрепленные наличием товаров, стали обесцениваться. Возникла инфляция. В январе 1810 года президент придворной палаты О'Доннел предложил провести дефляцию, обменивая постепенно старые бумажные деньги на новые (в народе их стали называть «шайны» — от Einlosscheine), выпуск которых контролировал бы смешанный комитет из представителей сословий и торговых кругов. Эти новые деньги, по замыслу организаторов реформы, должны были обеспечиваться церковным имуществом, конфискованным в пользу государства. Однако первым, кто выступил против конфискации, был Меттерних, что, однако, не помешало ему несколько позже приобрести в Плазех у Марианских Лазней церковное имущество и так никогда не расплатиться за него. Что же касается самого императора, то он решился лишь на половинчатую меру — позволил церковное имущество заложить под государственную ипотеку. Кое-какой результат это дало, но растущий военный бюджет был для инфляции хорошо удобренной почвой, и курс бумажных денег продолжал падать.

Затем во главе придворной палаты, ведавшей финансами, встал граф Валлис, бывший чешский буртграф, полнейший профан в денежных делах. Обычно тот, кто слаб в конкретном предмете, затягивает принятие решения или, наоборот, рвется вперед, сломя голову. Валлис представлял второй вариант. Он отверг мысль о постепенном оздоровлении финансов и предложил радикальное

решение: признать полный крах и объявить о государственном банкротстве.

Таково было и желание Меттерниха, который настолько переоценивал значение внешней политики, что пытался приспособить к ней и политику внутреннюю. Приняв пост министра, Меттерних поставил перед собой цель: восстановить международное положение Австрии как великой европейской державы. Поэтому его не устраивало постепенное, медленное оздоровление экономики, оно представлялось препятствием и в непосредственных планах — воспользоваться возможностями, которые открываются перед Австрией и в связи с франко-русским конфликтом. Вот почему Меттерниху было нужно скорейшее восстановление за границами империи доверия к австрийским финансам, а достичь этого можно было, только радикально остановив инфляцию денежной реформой. По крайней мере так представлялось это неэкономическому уму Меттерниха, и он вовсе не задумывался, сколько десятков тысяч людей разорит такая реформа; люди утратят свои сбережения, море нищих разольется по улицам городов.

И вот наступил день, о котором даже потомки вспоминали с ужасом. Бабушки с дрожью в голосе рассказывали своим внукам, как 15 марта 1811 г. по всей габсбургской монархии — в городах и деревнях, на улицах и площадях — полицейские били в барабаны и возвещали о так называемом «банкротпатенте». Ценность всех находившихся в обращении банковских билетов разом уменьшилась до одной пятой. Затем самым что ни на есть простейшим способом девальвированные банкноты обменивались на новые «шайны».

Поспешность в политике не приносит выгоду. Новые деньги стабильными не стали. В результате всей операции возросла дороговизна. За внутреннюю политику Меттерниха расплачивалось население. (В этом одна из вечных примет внешней политики: именно те, кому не разрешается и слова сказать во внешнеполитических делах, и оплачивают их, и расплачиваются за них.)

Хуже всего было жившим на твердое жалованье, зато веселились должники, чьи финансовые обязательства сократились впятеро. В печальном положении оказались кредиторы, утратившие четыре пятых своего капитала. Как на дрожжах, росло богатство нуворишей из производственных (промышленных, ремесленных, крупных сельскохозяйственных) и торговых кругов, так как цены

поднимались с головокружительной быстротой. Социальное неравенство усиливалось, и, как всегда в условиях, когда одни могут все, а другие — почти ничего, разрушалась общественная мораль.

Таким был результат проводимой внешней политики? Несомненно, да, но причины коренились в самой системе, в классовом составе общества, в австрийской бюрократии и в безответственной раздаче постов и т. д. и т. п. А внешняя политика Меттерниха лишь обострила все эти внутренние противоречия и тем весьма щедро способствовала всеобщему упадку.

Даже объединенными усилиями этих гениальных политических халтурщиков не удалось остановить инфляцию. Через два года после реформы снова заработал печатный станок, выпуск бумажных денег был продолжен.

Тем не менее вся эта трагикомедия принесла определенные временные плоды и содействовала внешнеполитическим замыслам Меттерниха: император собрал какие-то средства на армию! А именно армия была тогда нужна больше всего Меттерниху как веский аргумент на ожидавших его переговорах. Однако армия, пришедшая в упадок в результате военных поражений и недостатка финансов, лишь с огромным трудом становилась на ноги, а ее командование, особенно эрцгерцог Карл и президент военного совета граф Беллегард, было настроено антифранцузски. Меттерних чувствовал, что если Наполеон принудит Австрию к какой-то форме активного союзничества, то именно со стороны армии он встретит наибольшее сопротивление.

Советский исследователь Манфред в своей работе о Наполеоне утверждает, что мысль идти войной на Россию пришла французскому императору в конце 1810-го, а скорее даже в начале 1811 года, но мы знаем, что Наполеон намекал на такую возможность в разговоре с Меттернихом еще в конце лета 1810 года. В течение всей осени австрийский посол в Париже Шварценберг регулярно подавал об этом вести. У обеих сторон было немало причин для постепенного отказа от франко-русского союза после Тильзита. Для русской стороны наиболее существенными оставались опасения, как бы Наполеон на самом деле не вздумал создавать независимое польское государство, а также нежелание русских торговых кругов соблюдать континентальную блокаду, углублявшую кризис, который в 1811 году охватил всю

Европу, не исключая и самой Франции. Что же касается французского императора, то его решение начать войну против России было лишь логическим завершением планов экономической борьбы против Великобритании; Россия снова установила деловые связи с великой морской державой, без чего российская торговля, особенно без вывоза зерна, просто не могла существовать.

На этот раз Наполеон готовился к войне весьма обстоятельно, и Австрия была одним из ключевых моментов в его расчетах. В сентябре 1811 года австрийскому послу в Париже Шварценбергу дважды пришлось разговаривать о будущих позициях Австрии с герцогом Бассано и один раз — с самим Бонапартом. Французская сторона известила его о своих предварительных планах и потребовала от Австрии выставить два корпуса (всего 80 тысяч человек), один из которых мог бы воспользоваться тем, что турки воюют с Россией, а второй помог бы Наполеону на Висле и двинулся бы с ним дальше по русской территории. За это Австрия получила бы Силезию, а Пруссия — взамен нее — часть саксонских земель или Ливонию, отнятую у России. Часть австрийской Галиции отошла бы к Варшавскому княжеству, но за это Австрии досталась бы часть Саксонии или Баварии, Зальцбург и Иннский район*.

Уже тогда встал роковой вопрос, на который нужно было дать принципиальный ответ. Шварценберг, сделав обо всем подробную запись, собрал чемоданы и в конце сентября 1811 года поспешно выехал в Вену. С этого момента началось трудное для Меттерниха время — время переговоров о заключении союзнического договора с Францией. Австрийский министр иностранных дел чувствовал себя, наверное, зернышком пшеницы между мельничными жерновами, так как делал нечто такое, с чем почти никто в Вене не был согласен (ибо никто из несогласных не нес никакой ответственности) и в правильности чего внутренне не был полностью убежден и он сам. Как представителю власти, ему бы хотелось

* Здесь и далее использованы некоторые выводы из работы Й. Полишенского, который, в отличие от ряда заграничных авторов, был в более выгодном положении, так как мог опираться на материалы из семейного архива Шварценбергов, где сохранились, в основном в копиях, все наиболее значительные донесения Карла Шварценберга того времени, когда он работал в Париже, а также более поздние, относящиеся к его деятельности командующего австрийским наблюдательным корпусом.

чувствовать себя с Наполеоном политически на равных, но обстоятельства вынуждали его тащиться в императорском обозе.

Нам мало известно о беседах, проходивших в Вене между Шварценбергом и Меттернихом, но можно предположить, что́ именно было их главной темой. Хотя многие современники, а вслед за ними и некоторые историки видели в Шварценберге убежденного сторонника профранцузского курса австрийской политики, а в Меттернихе — человека, который только поддакивает или оказывается нерешительным партнером, факты этого не подтверждают. Просто оба политика яснее, чем многие другие, представляли себе последствия франко-русской войны и, поскольку исходили из победы французов, усиленно искали выгоду от участия Австрии в международных делах, желая как можно меньше дать и как можно больше приобрести.

5 декабря 1811 г. после небольшой конференции у императора Франца Шварценберг снова возвращался в Париж. Он увозил с собой два письменных документа. В первом, который был своего рода инструкцией, ему поручалось на предстоящих переговорах с французами занять выжидательную позицию. Другой документ — подготовленный Меттернихом специально для своего императора «Анализ ситуации в Европе», датированный 28 ноября 1811 г., в котором граф кратко характеризовал состояние европейских дел и намечал возможные альтернативы австрийской позиции по отношению к надвигавшемуся франко-русскому конфликту. К документу было приложено решение императора Франца, одобряющее союз Австрии с Францией.

Бесспорно, Меттерних сам подготовил этот анализ, и есть смысл к нему обратиться: здесь мы видим необходимую меру дипломатической ловкости и таланта, чтобы наметить альтернативы, и решимость выбрать одну из них. Пока недостает лишь нужной дозы политической интуиции.

Во введении автор возвращается к своему проекту, относящемуся к январю 1811 года (о сохранении нейтралитета). Он считает, что новые обстоятельства (прежде всего те, что возникли в результате катастрофического внутреннего положения монархии) обострили обстановку, направив события по несколько иному пути развития. «Не принять неизбежность войны... означает, по моему самому глубокому внутрен-

нему убеждению, неминуемую гибель монархии...» Император оказался бы перед необходимостью пойти на всевозможные компромиссы, на окраинах монархии возникла бы угроза поддерживаемых Наполеоном восстаний. Но какое бы решение ни принял император, «нам будут нужны подвижная армия, состоящая по меньшей мере из 40—50 тысяч человек, и, похоже, мобильные резервы таких же размеров...»

Меттерних обращает внимание на изменение положения австрийского соперника — Пруссии. «В любом случае нынешнее состояние Пруссии для наших интересов опасно. Если усиленное вооружение этого государства поведет к тесному союзу с Францией, нам придется уделить внимание Пруссии».

Проследим альтернативы, предложенные Меттернихом. Первый вариант — строгий нейтралитет. «Заявление о нем без военного корпуса, которым в случае необходимости можно было бы оперировать, вещь иллюзорная; Австрия сама бы вычеркнула себя из числа участников переустройства Европы при заключении мирных договоров».

Второй вариант — активное военное сотрудничество с Францией. В этом случае посол Шварценберг должен будет поставить Наполеону ряд условий, например требование возмещения военных расходов, а также получить от него обещание относительно некоторых территорий (Силезия, Иллирия, Иннский район, включая Зальцбург). И еще: в ходе войны — никаких изменений в отношении Галиции. Наконец, главное: «австрийский военный корпус будет вести операции самостоятельно под командованием австрийского генерала, а его выступление вместе с французской армией возможно только в том случае, если того потребует военная обстановка». Для империи Франца I было в высшей степени важно, чтобы «через территорию Австрийской монархии не проходили ничьи иностранные армии».

Теперь обратимся к заключительной части аналитической работы Меттерниха, оставляющей императору весьма проблематичный выбор: «В случае, если результаты войны оказались бы для Франции неблагоприятными, было бы, наверное, самым лучшим избрать позицию нейтралитета; в противоположность тому активное участие представляется более выгодным в случае ее победы. Таким образом, решение Вашего Величества с большей или меньшей достоверностью могло бы опре-

делить (не предсказать!) исход войны. Согласно прежним представлениям, подкрепленным обоснованными соображениями последнего времени, все возможные обстоятельства неопровержимо говорят в пользу французской победы...» Таким образом, Меттерних выступил наконец за определенное активное участие Австрии бок о бок с Францией в войне против России.

Когда политика становится страстью, то чаще всего приводит к гибели, если вовремя не произойдет отрезвления. Но когда ею занимается прагматик типа Меттерниха, реалист, лишенный страстей и обременительной веры, политика начинает становиться увлекательной если не для современника, то по крайней мере для историка. Дело в том, что политик-реалист — это человек момента, для которого стратегия — нечто туманное, но зато тактика — хлеб насущный. Его реализм включает все — обещание поддержки и предательства, подножку, подставленную другу, и сговор с противником. Реалистический политик подпишет любое соглашение, ибо знает, что его всегда можно расторгнуть, пренебречь им или вовсе не соблюсти. Такая политика бывает сочной, увлекательной, полной красок и динамики, но не для тех, кому во имя ее приходится жертвовать своими сыновьями, отливать пушки и туже затягивать пояса.

Реалист Меттерних рассчитал, что в условиях, когда невозможно предугадать развитие всех факторов 1811 года, тактически наиболее выгодно уступить Наполеону, заключить с ним договор и извлечь из этого договора как можно больше выгод. Император Франц I такой подход одобрил, хотя президент придворной палаты и министр финансов граф Валлис, высший чин военного совета и, по сути, министр обороны (или войны) граф Беллегард, верховный главнокомандующий армией эрцгерцог Карл и многие другие носители громких имен венского света были против союза с Францией. Однако более разумного варианта никто не придумал, и все с нетерпением ожидали первых сообщений от Шварценберга, который 5 декабря 1811 г. отправился с вышеназванным «пакетом» в Париж.

В этом деле Меттерних проявил не только свой политический реализм, но и политическую хитрость. Шварценберг, покидая Вену, получил всю полноту полномочий для ведения переговоров, но отнюдь не для заключения договора. Хотя тактика проволочек с Наполеоном особой пользы не приносила.

На первой встрече с австрийским послом Наполеон выдвинул конкретные требования и сообщил, какие выгоды в случае их удовлетворения могла бы ожидать Австрия. Он потребовал выставить армию в 40—50 тысяч человек, которая оперировала бы под австрийским командованием на французском правом крыле, и высказал пожелание, чтобы австрийским корпусом командовал эрцгерцог Карл. В случае французской победы Австрии были обещаны Молдавия и Валахия, а также Сербия; Галицию можно было бы обменять на Иллирию*, а кроме того, Австрии могла бы достаться и Силезия. В разговорах с французским императором Шварценберг затронул вопрос и об австрийской сопернице — Пруссии, ведь в Австрии всегда с недоверием воспринималась прусская страсть к вооружению. На это Наполеон ответил, что Пруссия ведет себя разумно, и добавил: «Министр там человек мудрый, король — добрый, но народ злой, и я его не люблю...»

Предложения Наполеона несколько разочаровали Вену: Меттерних предпочел бы сразу же получить Иллирию, чтобы продемонстрировать своим противникам внутри страны хоть какой-то результат своей политики. Его также тревожили и рассуждения относительно будущего Галиции. Поэтому от Парижа были затребованы гарантии, что в вопросе о судьбе Галиции ничего не будет предпринято до самого конца войны.

Наибольшей проблемой оказалось другое — убедить эрцгерцога Карла принять назначение и возглавить австрийский военный корпус. Его отговорки: мол, командовать небольшим корпуском — ниже его достоинства, ведь раньше он командовал всей австрийской армией, — не выражали, несомненно, истинной причины отказа. Каждому было ясно, что эрцгерцог не хочет быть в каком-либо подчинении у Наполеона, с которым он столько раз сражался.

Австрийский ответ был получен в Париже в начале февраля 1812 года, и в ходе примерно десяти заседаний с герцогом Бассано Шварценберг обговорил ориентировочный текст договора. После ряда поправок и замечаний, поступивших из Вены, где Меттерних вместе с императором редактировал текст, родился окончательный вариант австро-французского союзнического договора. Он был подписан 14 марта 1812 г. в Париже французским министром иностранных дел герцогом Бассано и австрийским послом князем Карлом Шварценбергом.

* Это было искусственное, произведенное Наполеоном объединение территорий: от Албании до Триеста, включая Далмацию.

Хотя Шварценбергу и не удалось отстоять все австрийские территориальные притязания, но в одном он достиг бесспорного успеха: австрийская помощь Наполеону была определена на самом минимальном уровне. Согласно договору, Австрия обязывалась поставить так называемый наблюдательный военный корпус из 30 тысяч человек (поначалу Наполеон отверг его со словами: «Такой корпус мне ни к чему, он будет скорее мешать, чем помогать»); корпус расположится в Галиции и вступит в действие только после начала военных операций. В договоре восстанавливалось и обязательство Австрии соблюдать континентальную систему в течение всего времени войны с Англией на море. В секретных статьях договора определялись подробности военного сотрудничества: австрийский генерал во главе корпуса (отказ Карла якобы очень огорчил Наполеона), корпус, согласно договору, не может быть разделен, а снабжением он обеспечивается таким же, как французская армия. Возможное нападение России на Австрию рассматривается как нападение на Францию и т. д.

Многие историки считают этот договор мастерским творением меттерниховской дипломатии, ибо он давал Австрии право в минимальной мере участвовать в войне и в максимальной — поживиться при заключении мира.

Шварценберг проявил себя весьма талантливым дипломатом, хотя и не предполагал, что сам себе копает яму. Когда императору Францу не удалось найти такого командующего наблюдательным корпусом, который устраивал бы и его, и Наполеона, он назначил им самого Карла Шварценберга. Тому очень не хотелось отправляться на войну, и он уступил лишь после долгих колебаний. Однако за ним осталось место посла в Париже. Он покинул французскую столицу в середине апреля, чтобы начать подготовку к походу, за который впоследствии будет произведен в фельдмаршалы. А пока он и не предполагает, что ему не придется переживать слишком тяжелые битвы.

Его приятель Меттерних оставался, однако, верен себе. Не успел он заключить союзнический договор

с Наполеоном, как в тот же момент его и предал. Хотя какое может быть предательство среди волков?! Меттерних просто перестраховался. В тайном разговоре с русским представителем в Вене графом Штакельбергом он попросил передать в Петербург, что Австрия не может уклониться от заключения договора с Францией, но предлагает, чтобы оба правительства и впредь секретно информировали друг друга о своих политических намерениях. И еще он заверил русских, что австрийский корпус будет оперировать только в пределах Буковины и ни в коем случае не произойдет его увеличения. Русские поначалу не очень-то ему доверяли, а потому в первой фазе войны с австрийцами особенно не церемонились.

В ходе последовавших сражений Наполеон не переставал удивляться, почему австрийские войска не оттягивают на себя сколь-либо существенные русские силы. Он и не предполагал, что был с ходу предан и что Шварценберг пытается вести лишь «теневую войну». За небольшими исключениями князю это прекрасно удавалось, и австрийский корпус выходил из всех боев и походов почти без потерь.

Ни один политик не станет выкладывать все свои карты на стол, и Меттерних не мог себе этого позволить: его венские противники не знали, что у него в игре не один козырь и что его франкофильская политика на самом деле не такая уж и профранцузская...

Однако гнев по поводу политики Меттерниха обуял тогда и чешское дворянство. Прага превратилась в центр антиметтерниховского сопротивления. В это время здесь находился граф Стадион, противник Меттерниха и его предшественник на посту министра, а во главе антинаполеоновской оппозиции стояли двоюродные братья графы Франтишек и Кашпар Штернберки. Здесь же пребывал и барон Штейн. Именно к нему приехал в то время посол царя Александра I с предложением, чтобы тот посетил его в Вильно, где располагался главный штаб русских. Несколько позже барон Штейн так и сделал и наперекор мнениям фельдмаршала Кутузова и председателя Государственного совета Румянцева убедил Александра после изгнания французов с российской территории продвигаться дальше, в глубь Европы. Для этого потребовалось немного: лишь утвердить царя в мысли, что именно он призван стать спасителем Европы.

После подписания договора антиметтерниховская оппозиция усилилась и в Вене, особенно после того, как эрцгерцог Карл отказался возглавить австрийский корпус. И Карл был не единственным, кто отвергал политику Меттерниха. Против была, собственно, вся императорская семья, в том числе и императрица Мария Людвига. Но Меттерних с ними справился и сделал это привычным уже для него способом, действуя по принципу: если противника нельзя убедить или купить, его надо скомпрометировать. Элегантно и утонченно и только в присутствии самого императора он приоткрыл занавес над тайной любовного романа императрицы с братом Франца I венгерским паладином эрцгерцогом Иосифом. У Меттерниха были доказательства — его «почтовая ложа» вскрывала корреспонденцию даже членов императорской семьи.

В конце концов и противники Меттерниха не были убеждены в том, что Россия сможет долго сдерживать натиск наполеоновских армий. Просто эти люди не хотели участвовать в предполагаемом поражении России, но какой-то программы активных действий в тогдашней запутанной обстановке у них не было. Еще в мае 1812 года Меттерних писал австрийскому послу в Петербурге Сен-Жюльену: «Россия погибла, ее армия не на уровне подобной задачи, ее финансы недостаточны». Оставаясь на такой позиции, он жестко проводил свою политику, подавляя любое сопротивление, любой намек на антифранцузские настроения. Австрийский министр старался всесторонне перестраховаться. Извлекая уроки из деятельности Фуше и его полиции в Париже, Меттерних расширил сеть агентов в монархии и во все большем объеме контролировал переписку. Так называемые «почтовые ложи», бывшие, собственно, цензурой, контролировавшей переписку населения, вынюхивали малейшее несогласие с официальными взглядами и оценками.

Меттерних обо всем этом регулярно докладывал императору. Особенно он усердствовал летом 1812 года, когда австрийский военный корпус готовился к русскому походу. Был усилен контроль за письмами солдат и офицеров. А офицеры высказывались по поводу предстоящих военных действий весьма свободно. Император Франц и Меттерних даже обратили на это внимание Шварценберга, призвав его особым приказом заставить своих подчиненных быть более осторожными

и в разговорах, и в переписке. Но командующий корпусом отказался следить за письмами своих офицеров, ответив Меттерниху, что подчиненное тому министерство располагает для этого лучшими средствами, нежели он.

Видимо, Шварценберг не предполагал, что прочитываются и его собственные интимные письма к супруге, в которых он выражал такую же неприязнь к будущей войне, как и австрийские солдаты. А не относилось ли вообще императорское замечание к кему самому? Так или иначе, но в это время вся Европа с напряжением ожидала, когда же французское войско выступит в поход и чем закончится схватка двух колоссов.

8.

ОСТОРОЖНЫЙ ПОЛУОБОРОТ МЕТТЕРНИХА

В июне 1812 года Наполеон во главе почти 600-тысячной армии пересек русскую границу и победно двинулся на Восток. Меттерниха устраивал такой ход событий, так как соответствовал его предположениям. Советник австрийского посольства рыцарь Беркс, который в конце августа выехал из Петербурга через Москву в Вену, на что потребовалось почти пять недель, только в октябре смог доложить шефу министерства о плохом состоянии русской армии и творящейся в стране неразберихе. Подобные вести привез Меттерниху и советник посольства Флоре, который наблюдал за происходящим из Кенигсберга (ныне Калининград) и полагал, что в ближайшее время между Наполеоном и Александром I начнутся переговоры о заключении мира.

Еще в октябре 1812 года Меттерних писал прусскому первому министру Гарденбергу, что Россия безвозвратно теряет свои позиции в Европе, и одновременно давал ему понять, что намеревается стать посредником в установлении мира между Англией, Россией и Наполеоном, что он уже предпринял в этом плане определенные шаги, направив своего посла в Лондон. Позже Гарденберг ответил на все это весьма скептически. Он считал, что Британия вряд ли со-

гласится с заключением мира, ведь ее солдаты побеждают французов в Испании.

Меттерних неправильно в тот момент оценил ситуацию! Не располагал он достаточной информацией или получал лишь такую, какую желал услышать? В любом случае он придерживался своих прежних представлений, не допуская возможности провала Наполеона в России. А когда в середине ноября 1812 года русский министр граф Разумовский дал ему понять, что в Петербурге были бы довольны, если Австрия, воспользовавшись подходящим моментом, расторгнет свой договор с Наполеоном и перейдет на сторону России, Меттерних ответил сугубо дипломатической фразой: его страна связана, мол, своим союзническим соглашением с Францией, а целью его, Меттерниха, политики является заключение всеобщего мира.

Все, казалось бы, соответствовало тому сценарию франко-русской войны, который в своем воображении набросал Меттерних. Сообщение о том, что Наполеон послал парламентера к царю с предложением мира, только утвердило министра в правильности собственных представлений. Он ждал мира и испытывал определенное удовольствие от того, что обе стороны будут обессилены в военном отношении.

Однако впереди его ждал холодный душ. Александр отверг любые мирные переговоры. Москва сгорела, французы потеряли возможность переждать там зиму. Холод, голод, налеты партизан, успешные военные действия Кутузова — все-таки царь, хотя и без особой радости, поручил ему командование русской армией — все это становилось теми самыми гвоздями, которые судьба начала один за другим вколачивать в гроб наполеоновской военной удачи.

Сначала Меттерних воспринимал подобные вести с некоторым недоверием, а признавать их реальность начал, лишь получив от Шварценберга донесение о поражении французов. Разумеется, он и раньше удивлялся тому, что привезенное царю в октябре 1812 года представителем Наполеона генералом Лористоном предложение о мире было решительно отвергнуто. Известны были ему и сомнения Шварценберга, датированные концом сентября, когда тот, узнав, что Наполеон намеревается занять Москву, писал своей жене следующее: «Наполеон полон решимости двинуться на Москву. Должен признаться, что с таким планом не могу согласиться. Хотя

дела у русских плохи, но они, тем не менее, отказываются заключить мир. Чего они этим добиваются? Что будет с городом и миллионом его жителей?.. Весьма сомневаюсь, что мир будет заключен еще в нынешнем году».

А затем Вена узнала, что 5 декабря 1812 г. в 10 часов вечера Наполеон, оставив свою армию, сел в первую попавшуюся карету, ибо его собственная, императорская, уже давно была трофеем русских, и помчался в Париж. Он хорошо понимал, что сильная оппозиция во французской столице вместе с его военными неудачами может стать серьезной угрозой для трона. После первых ужасающих подробностей о разгроме французской Великой армии в России, приведших антифранцузскую оппозицию в Вене в состояние почти экзальтированного восторга, Меттерних испытал некоторое смятение. Что все это значит? Вместо того чтобы предаваться рождественским радостям, он перечитывал информации, взвешивал, комбинировал. Он отказывался верить, что удар, полученный Наполеоном на территории России, станет решающим и окончательным. Основываясь на весьма слабых военных знаниях, Меттерних считал, что зимой армии сражаться не могут, что в эту пору они переходят на зимние квартиры, и полагал, что французская армия также перезимует где-нибудь в Прибалтике или на Западной Украине, а весной с новой силой ударит — на сей раз, возможно, прямо по Петербургу. Он не предполагал, как не предполагали этого и многие другие, что удар, полученный французами в России, — удар последний и что эта страна уже утратила для Наполеона всякую привлекательность. Почему? В чем корень глубокого разочарования, охватившего талантливого полководца?

Граф Ласки (будучи президентом придворного военного совета, он в 1769 г. реорганизовал австрийскую армию, сделав ее такой, какой она сохранялась до 1805—1807 гг., когда ее перестройкой занялся эрцгерцог Карл, и он же стал начальником реорганизованного генерального штаба) некогда произнес грубоватую, но мудрую фразу: «Если командир боится врага, он — трусливый пес; если командир недооценивает противника, он — идиот».

Второй вариант ныне больше подходил Наполеону. Французский император был сравнительно хорошо информирован о тогдашнем состоянии русской армии. Ведь он первым стал использовать своих дипломатических представителей и для военного шпионажа. Согласно по-

лучаемым сведениям, русская армия была закостеневшей, управляемой розгами, отличалась жестоким обращением с солдатом, а ее боевая тактика свидетельствовала о махровом догматизме. Русская армия сражалась в линейном строю, вела огонь шеренгами: первая шеренга припадает на колено и дает залп. Передвигалась медленно: 60—80 шестидесятисантиметровых шагов в минуту. Самостоятельность командиров была минимальной. Сражение разыгрывалось по определенной схеме, и самому сражению не придавалось решающего значения. Разбитого противника не преследовали, главным образом из опасения, как бы не распалось и не дезертировало собственное войско. Такая военная стратегия получила название изматывающей.

Наполеон изменил существовавший до него способ ведения войны. Он реорганизовал армию так, чтобы она могла вести бой врассыпную, чему аучились некоторые его командиры в Америке. Каждый солдат стрелял лишь тогда, когда видел цель, и перемещался он, используя укрытия на местности. Надеясь на своих молодых офицеров, Наполеон изменил тактику, разделил армию на самостоятельные отряды, в результате чего она стала значительно подвижнее. Целью операции была битва, а после победного сражения — преследование и уничтожение противника. Это была стратегия войны на уничтожение. Наполеон всегда стремился разгромить армию неприятеля, а не захватить тот или иной укрепленный город или территорию, причем старался перенести бои на чужую землю, видя конечную цель в овладении столицей врага. Кроме того, Наполеон своими войнами решал политические, а не только военные задачи. Со свойственной ему стремительностью и азартом он парализовывал противника не только в военном отношении, но и политически, чтобы затем диктовать ему свои условия мира.

Наполеону все это удавалось там, где население лишь пассивно наблюдало за ходом войны, оставаясь безразличным к ее целям. Однако уже в Испании, где развернулась партизанская война против французов, такая тактика Наполеона оказалась недостаточно действенной, а в России она и вовсе отказала. И прежде всего потому, что русская армия уклонялась от решающей битвы.

Русские отступали, так как перед лицом явного превосходства наполеоновской армии им ничего иного не оставалось. Но за их отступающими частями лежала уже

выжженная земля. Становилось ясно, что такая дорогостоящая и, видимо, вынужденная тактика оказалась эффективной. Когда французы дошли до Москвы, их потери составили уже более 150 тысяч человек. Бородинская битва, хотя и стоила обильной крови обеим сторонам, решающей, тем не менее, не стала.

Довольно долго погода держалась умеренной, и Наполеон мог своевременно отойти от Москвы, но он ждал, что Александр согласится на мир. А когда в конце октября город сгорел, для благополучного возвращения время было уже упущено. Русские войска заставили Наполеона отступать по той же дороге, по которой он продвигался в глубь страны. Вокруг лежала разоренная, выжженная земля. От границ дружественных государств французов отделяло огромное расстояние. А зима наступала. Неделю Великая армия, которая уже вовсе не выглядела не только великой, но и просто армией, месила грязь на плохих дорогах, а затем начались снегопады, ударили морозы, вокруг — лишь необозримые заснеженные равнины, ни ночлега, ни пищи, а в лесах — партизаны: народ воспринял войну, как войну отечественную. Он был вынужден подняться на защиту своей земли, так как остатки некогда дисциплинированной французской армии превратились в разбойничьи шайки.

Оставалось только удивляться, как это Наполеон с горсткой гвардейцев сумел добраться до немецких земель. За ним шла не армия, а тянулись лишь банды деморализованных солдат. Император передал командование Мюрату, который сумел восстановить дисциплину и с организованным ядром армии дойти до Кенигсберга. Собственно, каким ядром? Из 600 тысяч человек, начинавших поход, в строю оставалась всего тысяча! В Познани Мюрат собрал небольшой корпус из 14 тысяч солдат, с которыми и пробился через северную часть Германии к французским границам.

Теперь многие из европейских политиков задавали себе важный вопрос: будет ли Наполеон продолжать войну? Если учитывать его необузданный, болезненно буйный характер и стремление завоевать весь мир, то можно предполагать, что войнам не будет конца. И дело было не только в самой натуре французского императора. Ведь, по существу, ничего не удалось решить, проблемы оставались, а в наполеоновской империи нарастали недовольство и неприязнь к французам.

В то же время людей типа Меттерниха начали тревожить национальные народные движения, усилившиеся после неожиданных поражений узурпатора в некоторых странах, и особенно немецкое национальное движение, к которому, несомненно, приложил, пусть и издалека, свою руку барон Карл Штейн, добравшийся тем временем вместе с царем Александром и его штабом до Вильно. Оттуда дипломатические представители разных стран посылали своим правительствам донесения о споре, возникшем между царем и фельдмаршалом Кутузовым по поводу одного принципиального политического, дипломатического и стратегического вопроса: идти ли русским дальше на Запад?

Этот спор длился с декабря 1812-го по январь 1813 года. Кутузов высказывал свою позицию и английскому генералу Вильсону (нельзя забывать, что Великобритания в значительной части тогда оплачивала расходы русской армии), и другим дипломатам. Он считал, что сражения должны закончиться на реке Неман после того, как последний захватчик будет изгнан из России. Надо ли проливать русскую кровь за спасение Европы, если у той и своих собственных средств для этого достаточно! Кутузов не любил англичан, и ему представлялось излишним добиваться полного уничтожения Наполеона, так как от этого больше всего выиграет Великобритания.

Однако Александр I любил красивые жесты. Сознание собственной исторической миссии толкало его к продолжению войны, а что до жизни русских людей, то это его не слишком волновало. Англичане поддержали его, а фанатичный немецкий националист барон Штейн неустанно нашептывал сладкие слова о том, что царю суждено стать «избавителем и спасителем Европы».

Наконец ранней весной 1813 года русские войска форсировали Неман, затем — Вислу и двинулись дальше на запад, в Европу. Нельзя сказать, что это очень понравилось Меттерниху. После утраты ведущего положения в западных германских землях Австрия превратилась, по сути, в восточную державу; сам Меттерних любил говорить, что Азия начинается за окнами его венского министерства, а там Австрия наталкивается на русские конкурентные интересы, особенно в Галиции. Присутствие солдат всегда осложняло дипломатию, разумеется в том случае, если сама дипломатия не использовала этих солдат в качестве довольно убедительного

аргумента. А главное, вступление русских войск в Европу означало продолжение войны. Меттерниха и его политику больше устраивал бы мир.

Один из исполнителей и, можно сказать, соавторов внешней политики Меттерниха князь Шварценберг полагал, что если две великие державы — Франция и Россия — дерутся, то они ослабляют друг друга. После развала Великой армии на русских просторах австрийский полководец сформулировал свое важнейшее кредо: «Остается только пожелать, чтобы эти два колосса еще больше ослабили друг друга, а поскольку оба они весьма опасны, то для человечества воистину счастливым событием стало то, что одного из них, того, кто в настоящий момент наиболее опасен, постигла столь поучительная судьба...»

Меттерних был осторожен. Когда солдат не может найти выход из положения, он предпринимает разведку боем. Если же политик не знает, как поступить в создавшейся ситуации, он избирает тактику выжидания. А такая тактика требует — или ничего не предпринимать, или всесторонне подстраховаться. Именно так Меттерних и поступил. Как собака, поймавшая след, он почувствовал, что вырисовывается возможность выпрячь Австрию из французского хомута, но так как в первые недели 1813 года он еще не был окончательно уверен, что уже пришел подходящий момент, то по-прежнему самым строгим образом карает в Вене всех за любое проявление антинаполеоновских настроений. И Наполеон, похоже, попался на эту удочку. Ведь еще в марте 1813 года новый французский посол в Вене Нарбонн привозит письменную инструкцию от министра иностранных дел Маре, в которой рекомендуется «убедить господина Меттерниха, что он пользуется нашим полным доверием».

Полгода спустя французский император не выносит даже упоминания имени Меттерниха...

А пока австрийский министр иностранных дел при поддержке своего императора вьется угрем среди проблем, которые события ставят на его пути. Он отвергает новое предложение России, чтобы австрийские войска выступили против остатков удирающей французской армии. Однако с его согласия князь Шварценберг обсуждает с русским главнокомандующим Кутузовым условия перемирия. Цель Меттерниха — вывести австрийский наблюдательный корпус из России без потерь и, усилив его, разместить в Галиции для ее охраны.

В конце января 1813 года Шварценберг вместе с русским статс-секретарем Аншеттом подготовил проект и план отхода австрийского корпуса. Кутузов проект подписал и присоединил к нему письмо Шварценбергу. «Господин маршал, — говорилось в нем, — я только что подписал документ, принципы которого настолько приятны моему сердцу, что не могу удержаться от того, чтобы не сопроводить его несколькими словами. Бывают ситуации, когда взгляды не должны расходиться даже в том случае, если политическое соображение еще требует некоторой осторожности. Я осмеливаюсь польстить себе, отметив, что в этом отношении я сделал все и что я всегда был достаточно осторожным и рассудительным, чтобы ни в чем не компрометировать отношения, окончательное развитие которых может оказаться столь интересным для Европы...»

Хотя Меттерних и император Франц I поручали Шварценбергу устно договориться о перемирии, командующий австрийским корпусом, встретив со стороны Кутузова такую откровенность и прямоту, нарушил инструкции и поставил свою подпись под соглашением о русско-австрийском перемирии. В конце января 1813 года австрийский корпус начал отход. Шварценберг передал командование генералу Фримонту, а сам по приказу императора вернулся в Вену.

Понятно, в такой ситуации Меттерних отказался удовлетворить пожелание Наполеона, чтобы вспомогательный корпус Шварценберга, почти не затронутый военными действиями, был усилен и передан в распоряжение французского командования. Австрийский император сделал нечто совсем иное. Он действительно приказал дополнить этот корпус, а также Галицкий и Трансильванский, с тем чтобы австрийские вооруженные силы достигли численности в 100 тысяч человек, но с иной целью — защитить австрийскую территорию и не допустить вступления туда любой иностранной армии. Похоже, это был первый шаг к независимой позиции Австрии, первый шаг к реальному ее нейтралитету в европейском конфликте.

Однако параллельно с этим шла работа над весьма амбициозным и, прямо скажем, хитрым планом Меттерниха, пытавшегося в первой половине 1813 года выступить от имени Австрии в роли посредника с целью установления мира. Это действительно был один из наиболее хорошо продуманных шагов в истории дипломатии, ибо тот, кто хочет быть посредником в таком деле, не может, естественно, в полной мере поддерживать ни одну из враждующих сторон.

В 1813 году Наполеону пришлось пережить ряд предательств, которые он в чем-то сам и породил своей государственной и личной политикой. Наиболее элегантное предательство уготовил ему Меттерних. Он столь долго выступал в роли друга, что, когда Наполеон наконец понял: для такого дипломата, каким был австрийский министр иностранных дел, понятие «дружба» — лишь дымовая завеса, за которой он готовит свою измену, — было уже поздно. Хотя называть ловкие маневры Меттерниха предательством мог только Наполеон, ибо в истории политики это слово всегда имеет субъективный оттенок.

Любое историческое действие, если смотреть на него с некоторой временной дистанции, имеет собственную логику, свои причины и неизбежные следствия. Это тем более верно для политической истории. И у историка возникает стремление скорее судить, чем размышлять: выносить приговоры, а не искать приемлемого толкования. Когда речь заходит об исторических фигурах, то обычно принято отмечать их политическую прозорливость, хотя в действительности и они блуждали в потемках, или воздавать хвалу заранее продуманному плану, хотя и здесь подчас свою роль играл случай.

Политик отличается от азартного игрока тем, что для принятия решения ему необходимо что-то знать, иметь информацию, оценить сильные и слабые стороны противника, но прежде всего определить, что́ именно должно быть достигнуто. Что же касается азартного игрока, то тому достаточно взглянуть на гороскоп, вспомнить свои счастливые числа и держать под рукой некий капитал. В остальном же у них много общего, и прежде всего то, что в определенный момент они оба бросаются, очертя голову, в вихрь событий и оба нуждаются в порядочной доле счастья.

На переломе 1812—1813 годов Меттерних взвесил ситуацию и увидел три возможных варианта действий: 1) сохранять и впредь верность союзу с Наполеоном; 2) заключить союз с Россией и активизировать — от Италии, Швейцарии до Далмации — народную борьбу против Наполеона; 3) занять нейтральную позицию, что позволило бы выступать посредником в установлении мира между воюющими сторонами.

Первый вариант Меттерних немедленно отверг, от второго — не отказался, хотя активно к нему не стремился, учитывая ряд рискованных моментов, а также считая современную политику делом правящих династий, а не народов и наций. Таким образом, оставался третий путь — путь вооруженного нейтралитета, вооруженного посредничества. Но и встав на такой путь, он нас снова удивит, так как не удовлетворится лишь ролью посредника в заключении перемирия или мира между воюющими державами, Россией и Францией, хотя это само по себе гарантировало бы Австрии нейтралитет. Вероятно, Меттерних умел смотреть дальше других, возможно, и благодаря тому, что не был обременен чрезмерным национализмом (он не австриец по происхождению), но, так или иначе, он понял, что безопасность такого лежащего в центре континента государства, как Австрия, можно обеспечить лишь в рамках системы нормально действующих политических, экономических и дипломатических отношений между европейскими государствами, а не на поле брани. И пытаясь добиться для Австрии роли посредника, устроителя мирных переговоров, он надеялся в перспективе на всеобщий мир, общеевропейский, гарантированный соглашением ведущих европейских стран, а вовсе не на шаткое перемирие между двумя великодержавными соперниками. Ведь Австрия могла иметь за столом переговоров куда более значительный вес, чем на полях сражений. Мир весной 1813 года был возможен!

Поначалу Меттерних и император Франц не стремились уничтожить Наполеона. В тот момент он представлялся австрийскому министру подходящей фигурой для устрашения участников любого революционного движения в Европе. Поэтому с начала 1813 года австрийская политика старалась сделать все, чтобы оттеснить Наполеона за исконные, дореволюционные границы Франции. А там, считали в Австрии, можно дать ему и править. Наконец, в недавно родившемся сыне Наполеона и внуке Франца — этом «маленьком римском императоре» — династия Габсбургов имела своего наследника французского трона!

Был у Меттерниха еще один довод убеждать Франца в том, что при определенных условиях Европе просто необходим Наполеон. В январе 1813 года в русской ставке было решено, что войска Его Императорского Величества Александра I пойдут дальше, в глубь Западной Европы, а Меттерних, откровенно говоря, побаивался их почти

так же, как и Наполеона. Тогда-то он и высказал любопытное суждение: «За последние двадцать лет люди в Европе научились правильно оценивать военную силу». Он вовсе не разделял восторгов прусских националистов, связывавших с приходом русской армии исполнение своих мечтаний о возрождении Великой Пруссии, на что они уповали и с учетом положения барона Штейна при дворе царя Александра I. Меттерних, разумеется, взял на вооружение в своих переговорах с Наполеоном силу русских полков, ибо иных аргументов тот не признавал, но все-таки идеальным решением для Австрии по-прежнему считал возвращение Наполеона в пределы дореволюционной Франции, удерживание его там и использование как противовеса экспансионизму русского царского двора.

В ходе военных событий 1813 года Меттерних продуманно обосновывал новое место Австрии в Европе. Отвергнув русские требования, чтобы австрийская армия преследовала остатки отступавших французских войск, он столь же решительно отразил и натиск Наполеона, выражавшего надежды, что та же армия не позволит русским перейти Вислу. (Возможно, это и удалось бы сделать, так как русские полки, хотя и многочисленные, тоже были ослаблены значительными потерями.) И при всем этом Меттерних по-прежнему подавлял любой намек на возникновение антифранцузского движения в Австрии, полностью отвергал прусский национализм; а когда английский посол при царском дворе лорд Катхарт послал к нему своего уполномоченного с целью убедить в необходимости вступить в войну против Наполеона, Меттерних ответил на английское предложение строгим замечанием: мол, никакого лорда Катхарта он не знает.

В тот момент главной целью Меттерниха было добиться свободы в ведении переговоров, ибо ближе всего его сердцу оставалось не поле боя и не обманчивое национальное или народное движение, а чисто кабинетная политика.

3 января 1813 г. он объяснял императору свою позицию следующими словами: «... в начале 1813 года Австрия представляется сильной в результате слабости двух [других] императорских дворов... Будучи в этом убежденными, мы придали всем нашим действиям по отношению к Франции черты той независимости, ощущение которой должно проявляться каждый день».

Пока что в этом высказывании было больше от желания, чем от действительной реальности. Первым шагом в нужном направлении стала отправка графа Бубны временным послом в Париж. Ему поручалось разъяснить Наполеону новую обстановку и получить у него согласие на посредничество Австрии. При первой же встрече, состоявшейся 31 декабря 1812 г., Наполеон сказал Бубне, что он снова ударит по русским, а потому потребовал, чтобы и Австрия удвоила численность своей армии. В начале января 1813 года в таком же духе говорил и французский посол в Вене граф Отто.

В конце концов в результате переговоров Бубны с Наполеоном французский император дал согласие на посредничество Австрии, но одновременно снова потребовал усиления ее вспомогательного корпуса. Многие, кто рассматривал тогдашнюю ситуацию с определенной временной дистанции, полагают, что Наполеон в тот раз нереально оценил положение. Правда скорее всего состоит в ином: Наполеон усматривал в инициативе Меттерниха возможность выиграть время и снова сформировать боеспособную армию, которая сможет противостоять русским в Центральной Европе. Роковой его ошибкой стало то, что он не сразу заметил в предложениях Австрии первый ее шажок к отходу от Франции.

Второй визит Бубны к Наполеону, 3 февраля 1813 г., открыл французскому императору глаза. Бубна передал ему два письма от императора Франца. В первом, от 23 января, Австрия отказывалась усилить свой вспомогательный корпус на 30 тысяч новых солдат, а главное — запрещала французским войскам проходить по ее территории. Во втором письме, от 24 января, австрийский император давал ясно понять, что он создает стотысячную армию, но вовсе не ради Наполеона и его планов, а исключительно для защиты Австрийской монархии. Особенно трагичным для наполеоновской стратегии накануне будущих сражений оказалось еще одно сообщение, целиком сформулированное в стиле кабинетной политики Меттерниха. Франц I извещал Наполеона, что австрийский корпус не будет препятствовать русским в продвижении через Польшу. Однако делал это не прямо, а доводил до сведения Бонапарта, что Шварценберг и его корпус прерывают связь с главным командованием Великой армии (в сопроводительном письме для самого Бубны Меттерних употребляет выражение «так называ-

емой Великой армии»). В качестве доводов назывались: отступление главного командования за Одер и, в частности, уход из армии заместителя Наполеона, неаполитанского короля Мюрата. Когда граф Бубна прочитал Наполеону отрывок из письма, содержащий приказы Франца Шварценбергу, это не только вызвало у Бонапарта взрыв ярости, но и, как позже отмечал посол, полностью вывело его из равновесия. Согласно приказам Франца, как мы знаем, Шварценберг должен был отвести свой корпус на левый берег Вислы и там расквартировать на зиму. Все это оказалось полнейшей неожиданностью для французского императора. Теперь Наполеон полностью осознал последствия таких действий Австрии. Перед русской армией открывалась дорога через Польшу в Центральную Европу.

Отвод австрийского корпуса за Вислу и та уверенность, с которой австрийский император, а за его спиной Меттерних оповещали об этом Наполеона, были не только проявлением растущей независимости Австрии, но и прежде всего демонстрацией бессилия Бонапарта, что прекрасно понимал великий полководец. В иных обстоятельствах подобную дерзость союзника он, без сомнения, «вознаградил» бы немедленным военным вторжением, но ныне для этого у него уже не было сил, и, ослепленный гневом, он мог лишь скрипеть зубами.

Возвращение австрийского корпуса, а именно такой была конечная цель его перемещения, укрепляло австрийскую боевую мощь. Однако эта операция оказалась непростой и растянулась на целых три месяца, в течение которых чехи, австрийцы, венгры и многие другие солдаты австрийской армии двигались от Вислы и Кракова, пока не добрались до Северной Чехии. А тем временем Меттерних, используя свой дипломатический ум и смекалку, хитро вил, словно плетеный рождественский пирог, свою политику.

Он неустанно доказывал французам, что является «их» человеком, а все, что предпринимает, делает в силу обстоятельств (отвод войск) или в интересах самого Наполеона (посредничество в заключении мирного договора). Случай дал ему в руки и необходимые доказательства.

Когда в феврале 1813 года прусский король Фридрих-Вильгельм III, набравшись смелости, оставил Наполеона и вступил в союз с царем Александром, давление на Меттерниха со стороны антифранцузских кругов в

Вене еще более усилилось. Они стали требовать, особенно под впечатлением заключенного в том же месяце Шварценбергом перемирия с Кутузовым, чтобы император сделал и следующий решающий шаг. Однако Меттерних чувствовал, что в этот определяющий момент любое опрометчивое действие может свести на нет всю его столь многотрудно выработанную политику, а потому отражал такой натиск решительно и твердо.

И тут вдруг венский полицейский президент Хагер раскрывает заговор против Меттерниха! Первого министра империи, оказывается, собирались убить. Остается вопросом, действительно ли тогда дело шло о заговоре или, может быть, все это было спровоцировано или даже организовано самой венской тайной полицией, чтобы снабдить Меттерниха столь необходимыми ему аргументами для Наполеона — показать тому, какой опасностью оборачивается для Меттерниха последовательная профранцузская позиция. Так или иначе, но о заговоре был немедленно уведомлен французский посол в Вене, который, в свою очередь, 28 февраля 1813 г. сообщил в Париж: «Позиция здешнего правительства с каждым днем становится все деликатнее. Министр [так называли Меттерниха] мне показал документы, которые фиксируют существование заговора. Два офицера готовили покушение. На него собирались напасть вечером при возвращении из одного посещаемого им дома. Эти офицеры, как и весь комитет, членами которого они были, арестованы...» Меттерних якобы в связи с этой историей сказал (с фарисейской скромностью): «Похоже, союз с Францией мог стоить мне жизни. Но я готов жертвовать ею во имя принципа, который, полагаю, полезен моей стране...» Потом он объяснил послу, что о заговоре не будет оповещена общественность, так как подобная информация могла бы еще больше распалить и без того горячие головы.

Неделей позже император Франц I пожаловал Меттерниха высоким званием великого канцлера ордена Марии Терезии, что было званием сугубо военным, дарованным ему за то, что, проводя свою политику, он подвергался столь большой опасности!

Меттерних играл, как кошка с мышкой, с французскими послами в Вене: до начала марта 1813 года это был граф Отто, а потом его заменил Луи де Нарбонн. Меттерних сообщил, что велел арестовать нескольких особ «среднего ранга», например советника

апелляционного суда в Вене и других, подозреваемых в разглашении государственной тайны, и намекнул, что антифранцузский, а значит, и антиметтерниховский заговор тянется вверх, к самому брату императора эрцгерцогу Иоанну. Последний был весьма близким доверительным другом императрицы Людвиги, и шла молва, что ему обещана рука великой русской княжны, сестры царя Екатерины Павловны, которая к тому времени овдовела.

Когда Меттерних убеждал Нарбонна, преемника Отто, что опасается военного превосходства России и народного движения в Северной Германии, поднявшегося с приближением русской армии, в этом была определенная доля истины.

Барон Штейн был уже тогда вместе с русской армией во Вроцлаве, и французский информатор доносил Парижу: «Барон Штейн сам по себе в тысячу раз более опасен, чем вся прусская армия». Несомненно и то, что стиль Штейна был глубоко чужд Меттерниху, сам он не разделял национальные страсти и никогда не обратился бы к народу, чтобы с его помощью осуществить свои политические планы. Однако его нынешняя позиция в этом вопросе не всегда отличалась четкостью и определенностью. Ведь мы уже знаем, что в молодости Меттерниха увлекала мысль поднять народ против французского господства, но постепенно он осознавал тот риск, который несло в себе для правящих феодалов любое народное движение, и уже с 1809 года начал с подозрением смотреть на любую акцию, где народ мог бы играть активную роль.

Меттерних столь усердно изображал из себя друга Наполеона, что, когда Нарбонн, прибыв в Вену, сообщил ему мнение своего министра иностранных дел герцога Бассано о полном доверии к нему Франции, он воспринял сказанное лишь как доказательство: свою роль он играет неплохо.

Однако вторая сторона меттерниховского проекта мирного устройства дел в Европе удавалась ему куда меньше. Получив от Наполеона согласие на посредничество в установлении мира, Меттерних поручил австрийскому послу в Лондоне Вессенбергу и рыцарю Лебцельтерну при дворе царя Александра решить довольно трудную задачу: попробовать договориться о проведении мирных переговоров с Наполеоном всех заинтересованных сторон. Но, говоря коротко, пред-

ложения были отвергнуты, ибо Меттерниху никто не верил.

Если бы новый английский министр иностранных дел лорд Кэстлри, занявший этот пост в конце 1812 года, мог предполагать, чем заняты мысли его австрийского коллеги, когда тот придумывал всевозможные дипломатические виражи, чтобы перехитрить Наполеона и вернуть Австрии ее прежние территории, престиж и необходимый покой для приведения в порядок расшатавшихся внутренних, прежде всего экономических, дел, он мог бы намного более спокойно смотреть на перспективы политического развития Европейского континента. Но пока у лорда Кэстлри были все основания проявлять недоверие к австрийскому двору. Великобритания жаждала уничтожить Наполеона, и в этом ее политика была весьма прямолинейной. Россия и Пруссия воевали. Англичане им платили. Все это понятно английским лордам. Австрия с ее планами не укладывалась в рамки привычных представлений. Меттерних старался не торопить события, надеялся, что великие державы в конце концов объединятся, а Наполеон будет ослаблен. Однако шаги, которые он предпринимал, были весьма осторожными, такими взвешенными, что даже казались боязливыми.

Между тем Наполеон со своей неутомимой энергией готовил новую армию. Но сначала нужно было раздобыть для этого деньги, ибо из 55 денежных ящиков и 78 чиновников финансовой канцелярии, коими располагала Великая армия, из России в Кенигсберг вернулся только главный казначей с единственным ящиком и двумя подчиненными. В донесении тот написал: «Моего персонала уже не существует, все погибли от мороза и голода. Несколько человек с отмороженными руками и ногами остались в Вильно. Бухгалтерские книги захватил неприятель...»

Поэтому во всей Франции было объявлено о сборе новых налогов, новом призыве в армию и проведении новых конфискаций. В народе поднялся ропот, но Наполеон, тем не менее, выжал из него новую армию, достав ее, можно сказать, из-под земли. В апреле 1813 года он отправился в главный штаб новой армии в Мангейм. При некоторых дворах европейских монархов ему снова курился фимиам, хотя избранные богом помазанники ощущали неприятный холодок на своих спинах. Наполеон снова отдавал приказы...

В начале апреля 1813 года французский посол в Вене Нарбонн сообщил Меттерниху, что его император требует от Австрии разорвать перемирие с русскими и выступить против них в сражении под Краковом. Он также требовал, чтобы так называемая Чешская армия, то есть австрийские корпуса, подготовленные в Чехии, двинулась на север против Пруссии, расторгшей свой союз с Францией. Меттерних, разумеется, таил от французского посла, что уже с конца марта австрийские войска разыгрывают обговоренную с русскими партию.

Отвечая на тайную просьбу австрийцев, русский командующий сам нарушил перемирие, обосновав это тем, что он, мол, не желает терпеть на своем фланге польский корпус князя Понятовского, подчинявшийся непосредственно Шварценбергу. Поляки как одержимые сражались с русскими, неустанно угрожая русскому тылу, но австрийский корпус после сговора о расторжении перемирия, о чем был официально проинформирован только прусский двор, уже начал отступление, получив из Вены приказ перейти Вислу. Так началось трехмесячное перемещение австрийской армии в направлении к Чехии, что, естественно, вывело из боя и поляков. Князь Понятовский не мог один удерживать линию фронта, оставленную австрийцами. Надежды поляков на создание с помощью французов собственного государства опять угасли. Польскую землю заняла русская армия, тысячи поляков бежали на запад, в основном в Чехию.

Меттерних, в общем-то, не хотел создания независимой Польши ни под патронатом Наполеона как Варшавского княжества, ни под эгидой России. Поэтому ему было на руку, что корпус Понятовского оказался выведенным из боя. Одновременно австрийская политика предприняла акцию и против тех польских патриотов, которые, подобно Чарторыйскому, в своих чаяниях готовы были видеть в царе Александре I деспота, благосклонно относящегося к созданию польского королевства. С помощью «разбойного нападения», что было одним из любимых методов австрийской тайной полиции, Меттерних завладел некоторыми документами и потом воспользовался ими для двоякой цели. Безо всяких колебаний он послал их Наполеону, чем, во-первых, вновь дал доказательства своей лояльности по отношению к Парижу, а во-вторых, предупредил французского императора, что с его стороны было бы близорукостью заключать с Россией сепаратный мир. Польша опять вступила в игру

европейских держав и два следующие года являлась предметом споров и ссор.

В течение апреля 1813 года у Меттерниха состоялось еще несколько разговоров с Нарбонном. Сопротивляясь требованиям Наполеона, министр аргументировал свою позицию тем, что после расторжения русскими соглашения о перемирии австрийский корпус вынужден отойти, так как не имеет сил для контрнаступления. Когда же 20 апреля Нарбонн передал требование Наполеона, чтобы Австрия всей своей военной силой поддержала Францию, двинув войска на Польшу и Силезию, то есть ударила в тыл и по флангу прусской и русской армиям, а через пять дней прислал подробный оперативный план будущих действий в районе Кракова по Висле до Одера, австрийский двор был вынужден выложить, хотя бы частично, свои карты на стол.

Несмотря на угрозу Наполеона в случае отказа изменить свой план и сначала двинуться на саму Австрию, император Франц I объявил военное сотрудничество с Францией исчерпанным сполна. Он обосновывал это тем, что Австрия с ведома и согласия Наполеона взяла на себя роль посредника в установлении мира в Европе, к тому же такого посредника, который опирается на собственную двухсоттысячную армию. Одновременно австрийский император заверил своего зятя, что союз Австрии с Францией сохраняется, но военный договор от 14 марта 1812 г. перестает действовать, точнее, уже недействителен в начинающейся войне, так как уничтожение России не является целью австрийского двора.

1 мая 1813 г. Меттерних передал такой ответ французскому послу Нарбонну, придя к выводу о необходимости — после размышлений и под давлением обстоятельств — сделать первый открытый шаг, означающий, что Австрия встает на путь нейтралитета, оберегаемого сильной армией, и что этот путь должен быть завершен общеевропейским миром.

Наученный прошлым, Меттерних не просто предполагал, он уже формулировал свой вывод: будущий мир может быть заключен лишь на основе относительного равновесия сил главных европейских держав. Письменная инструкция князю Шварценбергу, которую Меттерних вручил ему перед отъездом в Париж, где тому предстояло вновь занять пост посла, представляла собой сжатое изложение выводов, сделанных министром. Правда, Шварценбергу в ожидании инструкции пришлось провести в

Вене почти весь март 1813 года, так как Меттерних все еще воздерживался от каких-либо шагов, напряженно следя за развитием событий в Пруссии, которая расторгла союз с Францией и 28 февраля 1813 года заключила договор в Калише с Россией.

Меттерниха устраивал разрыв Пруссии с Францией, он сам всеми силами провоцировал такое развитие. Однако ему было крайне не по душе заявление, сделанное 17 марта во Вроцлаве прусским королем и инспирированное, судя по всему, бароном Штейном. Заявление содержало «опасные теории» о роли народа в борьбе против Наполеона. Тем не менее в династии Гогенцоллернов он видел естественного союзника Австрии и учитывал это в своих планах.

Возвращение Шварценберга в Париж давало Меттерниху возможность разработать своего рода концепцию политики равновесия сил в Европе.

Подчас мы с улыбкой читаем исторические тексты и смотрим на них свысока, как люди, которые уже знают, что, собственно, происходило, как развивались события и чем кончились, великодушно прощая предшественникам и некоторую наивность, и нереальные иллюзии. Но бывает и наоборот: именно потому, что мы уже знаем, каким был финал событий, с изумлением отмечаем удивительную точность в предвидении, отдаем должное дипломатическим действиям и искусству «притворяться и маскироваться» в тот или иной момент. Письменный анализ ситуации, врученный Шварценбергу его непосредственным начальником как ориентир для будущих переговоров и шагов в Париже, представляет собой один из тех ключевых документов, которые свидетельствуют не столько о развитии политического мышления графа Меттерниха, сколько о его растущем мастерстве как государственного деятеля.

Во вводной исторической части Меттерних упоминает о войне 1807 года, после которой на континенте осталось лишь три державы — Россия и Австрия, объединившиеся против Франции. Хотя война 1809 года нанесла Австрии значительный материальный ущерб, монархия, тем не менее, вышла из нее морально укрепившейся (как иначе — ведь к этому времени относилось начало государственной карьеры самого автора!). Потом произошел поворот в отношениях с Францией: Австрия стала ее союзницей. Когда обострились отношения между Фран-

цией и Россией и появилась опасность открытого конфликта, австрийская дипломатия всеми силами старалась предотвратить войну.

Из такого экскурса в недавнее прошлое Меттерних делает вывод: поражение Франции в России отмело все прежние расчеты, и ныне в Европе должно господствовать новое равновесие сил. Поэтому Австрия продолжает выступать в роли посредника, ибо, по суждению Меттерниха, ни одна из держав континента не заинтересована столь сильно в равновесии сил, как это центральноевропейское государство. И, наоборот, географическое месторасположение между соперничающими державами прямо-таки предопределяет такую миссию для Австрии.

Далее Меттерних подмешивает к своим рассуждениям немного лицемерия. Он отмечает, что именно в тот момент, когда Австрия предложила Наполеону свое посредничество, новое и неожиданное (!) событие изменило обстановку: заключение союза между Пруссией и Россией. Меттерних не осуждает Пруссию. Он воспринимает ее шаг как следствие перенесенных страданий, на которые ее обрекли французы после проигранной войны 1806 года. Однако судьбу Пруссии автор по-прежнему связывает с судьбой Австрии: «...положение европейских держав столь же различно, как и их географическое расположение. Между Францией и Россией всегда проходит одна-единственная граница, и та — малоуязвима. Рейн, где сооружена тройная линия обороны, обеспечивает спокойствие Франции, а неблагоприятный климат превращает Неман в хорошо защищенную границу России. Но Австрия и Пруссия со всех сторон открыты для посягательств соседних государств. Находясь под постоянным давлением со стороны обеих великих держав, Австрия и Пруссия могут обрести покой лишь при ясной и целенаправленной политике, при хороших отношениях друг с другом и со своими соседями. Свою независимость... на длительное время они должны обеспечить собственными силами. Любое ослабление одной из этих центральных держав означает непосредственный удар по существованию второй...»

Несмотря на спокойный тон, инструкция Меттерниха определяет те рамки, за которые Австрия идти не должна, а также содержит советы и даже предостережения, адресованные Наполеону. Упоминание о французских границах на Рейне не было, конечно, случайным. Меттерних

хотел ограничить Рейном наполеоновскую экспансию. Не предостерегая французского императора прямо, он в то же время отмечал, что было бы неразумно надеяться на победу в приближающемся столкновении. Хотя австрийский министр и заверял Бонапарта, что Австрия остается союзницей Франции, он при этом давал понять, что союзничество нельзя строить на перспективах территориальных приобретений. Австрия, политику которой направлял Меттерних, была заинтересована не в победе в бою, а в спокойствии, мире и относительно прочном положении империи. «Император никогда не станет полагаться на иллюзорные выгоды за счет дружеских государств, — утверждал австрийский министр. — Соучастием в разгроме другой центральноевропейской державы (имелась в виду в данном случае Пруссия.— *Я. Ш.*) Австрия подписала бы свой собственный смертный приговор».

Меттерних отнюдь не старался скрыть свои мысли о том, что пора завоевательных революционных войн миновала и что ныне Наполеону не остается ничего иного, как вернуться к прежним границам. Безопасность Франции, считал он, Наполеон уже не может поддерживать силой, а должен обеспечить ее только путем переговоров, отказом прежде всего от всех приобретений в Европе и согласием с таким устройством континента, которое обеспечит всем прочный мир на основе равновесия сил.

Из инструкции следует, что Меттерних был полон решимости бороться за такое равновесие сил вместе с Наполеоном, если тот того захочет, равно как и против него, коли французский император и впредь будет придерживаться своих нереальных планов. Но из концепции Меттерниха видно также и то, что он готов был добиваться мира на Европейском континенте и без Великобритании, хотя в то время это было скорее фантазией, нежели реальностью. Великобритания тогда уже вложила в европейские дела столько средств, что ни в коем случае не захотела бы отказаться от своего влияния на континенте.

Шварценберг приехал в Париж в начале апреля 1813 года и дважды встретился с Наполеоном. Подробности этих встреч малоизвестны, так что трудно сказать, насколько обстоятельно были изложены императору основы концепции Меттерниха. Посол прежде всего давал возможность высказаться самому Наполеону. При этом

он выяснил, что французский император все еще не отказался от своих иллюзий. На Австрию он смотрел так, словно, женившись на Марии Луизе, получил ее в вассальную зависимость. 14 апреля, за день до отъезда к войскам, во время второго разговора с князем Шварценбергом Наполеон ссылался на общие франко-австрийские династические интересы.

Когда 1 мая 1813 г. Меттерних передавал французскому послу Нарбонну письмо своего императора для Наполеона, европейская политическая сцена выглядела уже несколько иначе, чем в конце предыдущего года: тогда он только начинал продумывать будущие шаги и меры венского двора. Пруссия заняла свое место рядом с Россией и Великобританией в антинаполеоновской коалиции, а Австрия оказалась где-то посередине между Наполеоном и коалицией. Благодаря политике Меттерниха она могла провозгласить себя нейтральным посредником между воюющими сторонами и избавить тем самым свою территорию от опасности стать полем сражения.

Наполеон уже не мог стопроцентно положиться и на других своих союзников, или скорее вассалов. По дороге в Париж князь Шварценберг останавливался в Мюнхене при баварском дворе и в Штутгарте, где находился двор вюртембергского курфюрста, и нигде не встречал восторгов по поводу продолжающейся войны за интересы Наполеона. Подобные же чувства испытывал и боязливый король Саксонии Фридрих Август, загнанный в угол усиливавшимися антифранцузскими настроениями в офицерской среде и среди населения. Он даже решился переместиться со своим двором в Прагу, чтобы избежать встречи с Наполеоном, но, когда тот выиграл в мае 1813 года две битвы подряд, Фридрих Август по его приказанию послушно вернулся назад в Дрезден.

Однако народы Европы жаждали отмщения: они уже были сыты по горло военными походами и имели весьма печальный опыт общения с французскими солдатами, расквартированными в ряде немецких городов. Сторонник реставрации старых порядков и противник революции, Меттерних опасался роста народного возмущения. Поэтому он энергично добивался проведения мирных переговоров, но его посредническая миссия по-прежнему успехов не приносила. Однако австрийский министр иностранных дел не сдавался, и даже две крупные победы Наполеона над прусской армией под Лютценом 2 мая и Бауценом 20—21 мая не ослабили его стараний добиться мира на основе равновесия сил великих держав. В результате «целой серии посреднических нюансов» и тонких дипломатических ходов он все больше удалялся от Наполеона и одновременно постепенно заманивал его в ловушку.

После битвы под Лютценом, в которой французы одержали убедительную победу, первоначальные восторги в лагере коалиции несколько поутихли, и все, кто считал, что звезда Наполеона уже закатилась, отрезвели. А потому все чаще стали раздаваться голоса, призывавшие австрийского императора присоединиться к коалиции и использовать свою военную силу. Меттерних, однако, советовал подождать, так как австрийская армия еще не была заново сформирована.

После бауценской победы Наполеона военные специалисты обратили внимание на то, что он словно бы обленился, не старался использовать выигранную битву в своих интересах. Прежде его сильной стороной было умение преследовать противника до уничтожения его армии, но на сей раз Бонапарт от такой тактики отказался. Он испытывал недостаток опытных солдат, не было завершено и создание сильной кавалерии.

Наполеон продолжал делать ошибки и дальше. Он понадеялся, что двух поражений коалиции будет достаточно, чтобы заставить ее перейти к переговорам. Он нуждался в передышке. Собственно, в ней испытывали потребность обе стороны. И тогда 4 июня 1813 г. было заключено перемирие до 20 июля того же года.

Для Меттерниха это была отличная весть. В мае император Франц решил преобразовать вспомогательный корпус в армию. Во главе новой армии был снова поставлен Карл Шварценберг, а начальником его генерального штаба назначен Ян Йозеф Радецкий из Радеча, чех, отличившийся еще в войне 1809 года. Местом дислокации армии стала Чехия, в основном ее северная часть, служившая Шварценбергу не только непосредственным тылом, но и военным плацдармом.

Перемирие давало время и Меттерниху. Австрия смогла завершить свои планы и в области армейского строительства, что, разумеется, придало больший вес и дипломатическим шагам ее министра иностранных дел. Именно так граф Стадион разъяснял участникам коалиции тот факт, что Австрия не торопится вступить в

войну против Франции, хотя граф Бубна, посланный в середине мая в главный штаб императора в Дрездене, совершенно иначе толковал Наполеону происходящее и замыслы Меттерниха.

После проигранных сражений союзные армии отступили в Силезию. По просьбе Меттерниха австрийский император поспешил успокоить Наполеона, письменно заверив его в лояльности австрийского двора. Судя по всему, недавние наполеоновские победы несколько сбили с толку и Меттерниха. Письмо Франца I было ответом на послание Бонапарта, в котором император напоминал своему тестю о его обязательствах — как политических, так и, скажем, родственных.

«Пусть Ваше Величество, — писал австрийский император 23 мая 1813 г., — доверит мне заботу о своей чести! В тот день, когда я отдал Вашему Величеству свою дочь, Ваша честь стала и моей честью, и, если Ваше Величество меня поддержит, я буду защищать ее так же, как и собственную...»

Положение, возникшее после двух побед Наполеона, представлялось Меттерниху достаточно благоприятным для того, чтобы Австрия утвердилась в роли мирного посредника и заняла подобающее место в лагере союзников по коалиции. После дождливой весны 1813 года наступило лето, которое было целиком заполнено дипломатическими играми. Тем не менее у австрийского министра иностранных дел оказалось достаточно времени и на новую любовь. Ведь в последние два-три года, о которых здесь идет речь, он был настолько погружен в политику — тогда, собственно, и началась его карьера государственного деятеля европейского масштаба, — что не оставалось времени ни на что иное (несколько случайных любовных связей, естественно, не в счет).

Но именно в тот момент, когда в прежней внешней политике Меттерниха наступил перелом и начала выкристаллизовываться ее новая концепция, на сцене появилась прекрасная женщина, овеянная романтической славой, — герцогиня Вильгельмина Заганьская, красотой которой он впервые был очарован еще в 1804 году, во время своей берлинской дипломатической миссии. Но тогда она была замужем за князем Людвиком Роганом, и ее интерес к нему ровно настолько выходил за пределы светской вежливости, насколько молодой начинающий дипломат выделялся своей внешностью среди других окружавших ее мужчин. Ныне,

девять лет спустя, когда распался и второй ее краткий брак с не слишком привлекательным русским князем, государственным советником Василием Трубецким, Заганьская делала все возможное, чтобы находиться вблизи Меттерниха, ставшего теперь уже вторым по значимости человеком в монархии. Что влекло ее к нему? Страсть к политике или страстное желание любви?

В тот необыкновенный 1813 год Меттерниху стукнуло сорок лет, а герцогине Заганьской исполнилось прекрасных зрелых тридцать два...

9.

КОГДА В ПОЛИТИКУ ВМЕШИВАЕТСЯ ЛЮБОВЬ

Герцогиня Вильгельмина Фредерика Екатерина Заганьская относилась к той категории женщин, которых прежде принято было называть femme fatale — роковая женщина. Она была старшей из четырех дочерей герцога Петра II Курляндского и Доротеи Медемской. Четыре дочери в одной семье — это нелегкая забота и для богатого герцога, каким, бесспорно, был Петр Курляндский. Однако все его дочери, отличавшиеся миловидностью, вполне удачно, согласно принятым тогда понятиям, вышли замуж, хотя в их браках любовь играла далеко не главную роль. Всех сестер объединял интерес к политике, и в историю они вошли как Паулина, княгиня гогенцоллерновского рода, герцогиня Иоганна Ачеренцская, Вильгельмина Екатерина Заганьская и самая известная, которая была на десять лет моложе нашей героини, Доротея, герцогиня Дино, жена племянника Талейрана Эдмонда де Перигора (после того, как Доротея разошлась со своим мужем, она вела дом его дяди князя Беневентского).

Свое имя герцогиня Заганьская (фон Заген) получила от названия города Заген, центра небольшого княжества в тогдашней прусской Силезии (сегодня это польский город Загань). Ее отец Петр Курляндский приобрел в

конце XVIII века расположенное в тех местах имение с замком. В прошлом оно принадлежало могущественному Альбрехту Вальдштейну. Петр Курляндский утверждал, что является потомком тех самых немецких рыцарей, которые с крестом в одной руке и мечом — в другой насильно колонизировали прибалтийских славян. Однако это не было правдой. Его предок разбогател благодаря благосклонности своей любовницы — русской великой княгини, позже ставшей царицей, и имя его — Бирон. Но фактом остается то, что Петр Курляндский был невероятно богат и хорошо обеспечил в жизни не только своих дочерей, но и нескольких незаконнорожденных детей. Вильгельмина была его любимицей. Летописец семьи Клеменс Брюл так описывал ее в ту пору, когда она выходила на сцену нашего повествования: «Достигнув восхитительной зрелости, она имеет превосходную фигуру и прекрасное лицо, горда и полна достоинства, очаровывает ласковостью и женскими слабостями, чуть-чуть страдает, чуть-чуть поддается настроениям, слегка своенравна и неточна, словом, располагает всем, что усиливает прелести многих женщин. Богата, независима, это герцогиня «of her own right» [по праву]. Она бдительна, политически более опытна, чем это можно было бы предполагать, отличается знаниями и большими связями в обществе. Женщина с кристальным умом и блистательным духом...»

С реконструированной нами картины минувшего и со страниц своей корреспонденции она смотрит на нас несколько холодно, может быть, даже расчетливо, как человек, который знает, чего хочет, взвешивает, чем и за что нужно заплатить, и в своей повседневной игре ставит не только на свою привлекательность, но и на частую мигрень.

Она не была недоступной женщиной, но ненавидела чужие постели, а если и соглашалась на чью-нибудь, то лишь украшенную, как минимум, графским гербом и политической известностью. Обладала она, однако, и умением при необходимости несколько поступиться принципами.

Вильгельмина не любила дилетантов ни в любви, ни в политике. Своего первого супруга князя Рогана она вскоре после свадьбы возненавидела за добродушную болтливость, а второго, русского князя Трубецкого, — за мерзкую молчаливость. Любовь к Меттерниху, или, вернее, любовь с Меттернихом, занявшая два полных

радости и тревог года — 1813—1814, была, несомненно, вершиной всех ее приключений. Позже она лишь меняла любовников, а, когда стала замечать первые морщинки, в октябре 1819 года снова вышла замуж за флангового адъютанта князя Шварценберга графа Шуленбурга, который был на восемь лет моложе ее.

Вильгельмина Заганьская начала все чаще появляться около Меттерниха где-то в конце апреля 1813 года. Было ли это делом случая? Не совсем! В то время Пруссия откололась от Наполеона, и в середине апреля 1813 года тот приезжает в Мангейм к многолетнему начальнику своего генерального штаба Бертье, князю Невшательскому. Близятся новые сражения, но Австрия остается вне игры. Меттерних, верный своим иллюзорным надеждам сделать австрийского императора посредником в установлении мира и, главное, не позволить втянуть свою страну в войну, создает сильную армию. Однако в то же время достаточно мощная антифранцузская партия в Вене, поддерживаемая и английским послом Джоном Харкуртом-Кингом, оказывает давление на императора, добиваясь, чтобы тот присоединился к русско-прусской коалиции и послал своих солдат на приближающуюся бойню. Но советы Меттерниха имеют для императора больший вес.

Не удалось покушение на Меттерниха, провалился заговор против него, поддержанный братом императора эрцгерцогом Иоганном, не дали результата и жалобы императору на министра иностранных дел. Так можно ли считать случайностью, что в подобной ситуации на сцене появляется прекрасная женщина, тем более что общеизвестна слабость первого министра к очаровательным представительницам нежного пола?

Красавица Вильгельмина была, вне всяких сомнений, прусской и вообще немецкой националисткой и одновременно пылкой сторонницей русской политики царя Александра I. Она ненавидела Французскую революцию, ненавидела Наполеона, страстно желала возвращения дореволюционных времен. Хотя с годами, как утверждали ее сестры, в ее произношении появился типичный венский акцент и сама она в одном из своих писем Меттерниху говорит об Австрии как о второй родине, тем не менее герцогиня была глубоко увлечена взглядами и планами барона Штейна о создании сильной единой Германии.

Примечательно, что в течение нескольких лет эта дама появлялась всюду, где велись оппозиционные речи,

направленные против политики Меттерниха. Она была любовницей английского посла Дж. Харкурта-Кинга, о котором мы уже упоминали, а с 1809 года стала и активным членом возникшей по инициативе барона Штейна масонской «Ложи римских дам», которая, если верить доносу графини Бубенской, занималась антифранцузской и антиметтерниховской деятельностью. И вдруг, что называется, ни с того ни с сего эта красавица становится объектом симпатии своего противника! Похоже, в те критические минуты, когда Меттерниху приходилось принимать важные решения, влияние на него Заганьской не было ни случайным, ни малозначительным. Позже, в 1820 году, Меттерних так напишет о решающих днях июня 1813 года, когда определялось, перейдет ли Австрия на сторону Наполеона или же выступит против него: «Тот момент был важнейшим в моей жизни и, что еще значительнее, важнейшим для блага мира».

И именно в этот важнейший для него момент рядом оказывается женщина, имеющая свою четко выраженную политическую программу, хитро и последовательно добивающаяся ее осуществления, используя все оружие, которым оснастили ее острый ум и щедрая природа. Дав немного волю фантазии (а она, разумеется, не должна участвовать в работе историка), мы могли бы, тем не менее, выразить ключевую сцену всей любовной драмы одной-единственной короткой фразой: «Приведите Австрию в стан коалиции, и я буду вашей!» Именно такие слова соответствовали романтизму той эпохи. Кстати, и временная раскладка подлинных событий не опровергает нашу фантазию. Ведь именно в течение июня и июля Меттерних подготовил коренной поворот австрийской политики, а в начале сентября 1813 года, а точнее — шестого числа того месяца, публицист Фридрих Гентц, в те годы неизменный помощник Меттерниха в делах политических и любовных, привез Вильгельмину в Лоуны, куда из недалеких Теплиц примчался и Меттерних, и там все произошло. Годом позже Клеменс напишет Вильгельмине: «Если я буду жить долго — чего не случится, — то, когда стану старым, велю еще раз отвезти меня в Лоуны и там буду плакать над самым сладким своим воспоминанием».

Это на самом деле должно было быть чем-то необыкновенным, коли так подействовало на столь опытного мужчину. На какое-то время Вильгельмина полностью подчинила его себе, ибо великолепно владела извечным

женским искусством приближать и отдалять и с помощью своей мигрени пользовалась этим искусством самым совершенным образом. Наивный Меттерних даже был готов взяться за лечение этой мигрени (в одном из своих писем он ссылался на свои занятия медициной).

Вильгельмина Заганьская никогда по-настоящему не была влюблена в Меттерниха, но и забыть его так никогда и не смогла. В одном из писем, написанных по-немецки, а по-немецки она писала редко, Вильгельмина признавалась: «... свою жизнь я могу тебе только отдавать, но не дарить». Хотя она несколько раз писала ему о своей любви, но делала это лишь потому, что тот вымаливал у нее слова признания, так их добивался. Для Вильгельмины он был инструментом в политике и любовной страсти. И сколь же велико должно было быть ее удовлетворение, какая радость наполнить душу, когда 27 декабря 1813 г. Меттерних написал ей из Фрейбурга: «Все, что я испытываю, тождественно твоим мыслям; то, что делаю, делала бы и ты». Значит, цель была достигнута? И да, и нет.

Женщины типа герцогини Заганьской редко влюбляются ради благосклонности, которую им оказывают, расположения, которое им преподносится от широты души; любовь к ним приходит для тех добрых деяний, которые, как они полагают, способны творить через мужчину. Только ныне, увидя, что ее дело успешно продвигается вперед, что Меттерних решился наконец на участие в коалиции против Наполеона, она испытала нежность и к тому, кто исполнил ее чаяния. Она вознаградила его тем, что, по мнению женщин, является вершиной всего, что женщина может дать мужчине. Оставаясь утонченной, Вильгельмина не посягала на мужское представление о том, что Меттерних сам и только сам достиг своих целей и в политике, и в любви. Ласково ведущая, или, будем скромнее, тонко направляющая, рука Вильгельмины неизменно оставалась на втором плане.

«1813 год, мой друг, стал немножко и моей собственностью, моим достоянием — я его должен знать лучше, чем кто-либо другой, — и я тебе протягиваю руку, чтобы тебя вести! Говорю тебе, ты поняла суть современных вопросов глубже, чем все наши министры...»

Она ему в ответ нежно напоминает, что «этот год станет годом всего века, а также и нашим годом». Нет ли здесь скромного намека и на ее долю участия в упорядочении мира?

Процитируем еще один отрывок из того же письма Меттерниха, в котором он упивается своим успехом и своей любовью: «Не могу тебе даже сказать, сколько раз я вопрошал себя, смог бы я найти в себе необходимую силу для выполнения своей миссии, если бы не встретил существо, достойное моего уважения, которое столь много говорило и моему сердцу, и моему воображению, смог бы я в ином случае найти при исполнении своей задачи средства, чтобы устоять против стольких противоречивых влияний и диких нападок? Наверное, нет. Моя любовь к тебе переплелась с мировыми проблемами; она поддерживала меня, придавала отваги, вдохновляла! Одна только мысль о тебе давала мне силу все преодолеть. С тобой я не боюсь ничего, рискую всем, ибо все это — ничто... Мир мне безразличен, но суждение моей второй совести не безразлично мне...»

Какое же удовольствие должна была испытывать эта честолюбивая женщина, эта «госпожа княгиня» из нашей классической литературы! Она полюбила свое творение, но, так как творение в политике — вещь абстрактная, с которой нельзя разделить ложе, она материализовала его в личности посредника — Клеменса Меттерниха.

Однако, как только взлет любовной страсти у женщины сменится обманчивой прочностью более глубоких отношений, она начинает делать ошибки. Ошибкой Вильгельмины Заганьской стало то, что в середине 1814 года она захотела, чтобы Меттерних на ней женился. Она настолько была уверена в прочности своего места в личной жизни первого министра, что даже его восемнадцатилетнее супружество с Элеонорой Кауниц не посчитала препятствием. Тогда-то и обнаружилась эта непростительная ошибка, ибо супруга она не приобрела, а любовника утратила.

«Прощай, мой друг! Я слишком сильно Вас любила, чтобы сидеть, сложа руки...» — так она напишет ему годы спустя, имея в виду именно этот роковой шаг. Увы, Клеменс Лотар Меттерних принадлежал к той категории вызывающих восхищение мужчин, которые, пока сами завоевывают прекрасную даму, увлечены безгранично, теряя способность трезво рассуждать, но, как только начинают завоевывать их самих, чувство в них мигом испаряется и остается лишь холодный расчет. В случае с Меттернихом любовный баланс сложился, разумеется, в пользу сохранения семейного очага, особенно когда в расчет было взято крупное родовое состояние и тот факт,

что собственная жена никогда не препятствовала его любовным авантюрам*.

Но вернемся в полный волнений дождливый июнь 1813 года. 4 июня в немецком городе Пошвитц обе воюющие стороны подписали перемирие до 20 июля. Наполеон хотел укрепить свою кавалерию, а союзники перешли на отдых в Силезию. Русский царь и прусский король разместили свои ставки в Рейхенбахе. Перемирие устраивало и Меттерниха, так как в это время Австрия усиленно завершала формирование своей армии. Он полагал, что после двух побед Наполеона союзники станут более благосклонно относиться к его посредническим усилиям. Он уговорил австрийского императора на время переместиться в Северо-Восточную Чехию, ближе к театру военных действий и к другим государям. Для пребывания императора он избрал город Йичин, некогда бывший центром обширного поместья Вальдштейна. Здешний замок принадлежал тогда Траутмансдорфам и несколькими годами ранее был обновлен. Приезд императора с небольшим — в 80 человек — сопровождением вызвал в этом городе целый переполох. Вместе с императором здесь же поселился и Меттерних. Отсюда он поддерживал контакты с Дрезденом, где обосновался Наполеон, и с Рейхенбахом. Йичин вдруг превратился в центр главных событий, куда направлялись дипломаты и курьеры.

Неподалеку от Йичина находилось Опочно, где во второй половине июня граф Коллоредо принимал гостя — царя Александра, который здесь встречал своих сестер, возвращавшихся после лечения на западночешском курорте. Эрцгерцогиня Екатерина Ольденбургская и ее сестра были якобы очень довольны своим пребыванием на курорте, в Праге и в Опочно.

Совсем неподалеку в местечке Наход стоял замок Вильгельмины Заганьской, в тех же краях в живописной долине реки Упы располагалась и ее летняя резиденция — уютный и весьма богато обставленный, всего год назад отремонтированный замок Ратиборжице у Чешской

* В 1966 году М. Уллрих подготовила к печати почти полную переписку Меттерниха с Заганьской, которую до той поры считали пропавшей, но затем обнаружили в семейном архиве Меттернихов, хранящемся в Государственном центральном архиве в Праге. Переписка была издана в Австрии под патронатом Австрийской Комиссии по новейшей истории.

Скалицы. Сюда в июне и отправилась Вильгельмина, а в качестве сопровождающего Меттерних дал ей своего помощника Фридриха Гентца, о котором не без сарказма заметил: «Он боится мира из-за его последствий, войны — из-за ее опасностей, холода — из-за своего ревматизма и жары — из-за гроз».

Здесь, среди просторов Северо-Восточной Чехии, Меттерних развернул свою гибкую дипломатию, стремясь на основе равновесия сил пяти великих европейских держав обеспечить Австрии независимость и возвращение потерянных территорий. Наполеона он пока со счетов не сбрасывал, однако опасался, как бы Россия под впечатлением от недавних побед Бонапарта не пошла на сепаратный мир с Францией.

Союзники, особенно Великобритания, считали, что недостаточно лишь оттеснить Наполеона за исторические границы Франции. Они жаждали его полного уничтожения! Англичанам, чьей внешней политикой в кабинете лорда Ливерпуля с 1812 года руководил лорд Кэстлри, нужно было тотальное поражение Бонапарта, в лице которого они видели препятствие для равновесия сил в Европе. Англичане не боялись буржуазных революций и новых порядков; они не стремились, подобно ряду политиков, с которыми мы здесь встречаемся, к реставрации дореволюционной Европы. Им требовалась спокойная Европа как хороший торговый партнер, который не станет препятствовать коммерции и априори признает английское морское владычество. Потому они и финансировали русского царя и его армию, потому были готовы финансировать и австрийского императора с его войском, если тот вступит в конфликт с Наполеоном, однако поэтому с недоверием смотрели на посреднические попытки Меттерниха.

Старания Меттерниха не приводили в восторг и Наполеона, который, как это ни удивительно, лениво сидя в Дрездене, согласился, хотя мог и не соглашаться, с перемирием, а две свои победы никак не использовал. Это был уже не тот Наполеон, каким его знала покоренная Европа. И недаром позже, в изгнании на острове Святой Елены, он многократно повторял своим собеседникам, что перемирие 4 июня 1813 г. было самой большой ошибкой в его жизни. Но мог ли он тогда действовать иначе? Конечно, он был волен погнать своих обессиленных солдат в новые бои, но тем самым наверняка бы загубил свою наскоро сколоченную армию, оставшуюся после поражений в России без опытного офицерского корпуса.

Меттерних последовательно придерживался своих представлений о посредничестве в установлении мира, хотя, судя по всему, ему приходилось размышлять и об альтернативах. В начале июня 1813 года он договорился в Йичине с русским представителем графом Нессельроде относительно проекта условий мира с Наполеоном, которые затем были сформулированы в ноте от 7 июня. Позже, 10—12 июня, в опочненском замке эти условия уже обсуждали трое — граф Стадион (Австрия), граф Нессельроде (Россия) и канцлер Гарденберг (Пруссия). Условий было четыре, и двумя неделями позже они стали основой секретного соглашения, подписанного Россией, Пруссией и Австрией в Рейхенбахе; затем их предложили Наполеону. Страны коалиции требовали: 1) ликвидации Варшавского княжества; 2) нового раздела Польши, при котором больше всего приобрела бы Пруссия (Гданьск с окружающей территорией); 3) возвращения Иллирии Австрии; 4) восстановления независимости ганзейских городов Гамбурга и Любека.

Меттерних считал эти условия лишь основными, хотя пока что выходить за их пределы не намеревался, что вызывало неудовольствие русских и прусских представителей, требовавших также роспуска Рейнского союза и увеличения территории Пруссии до ее границ, существовавших перед 1806 годом. Но вместе с тем они были рады и тому, что удалось привлечь Австрию, пусть пока что в роли посредника, к составлению документа, который наверняка окажется не по вкусу Наполеону.

С июня 1813 года Меттерних постоянно находился в пути. Его карета то неслась в Прагу из Хеба, то оттуда в Йичин с заездом в Опочно, потом он останавливался в Ратиборжицах, а затем снова мчался в Прагу, Теплице, Лоуны — и так без конца. В это время в Вене император Франц готовил для него подарок — новую карету на хороших рессорах, с отличной мягкой обивкой и уже с княжеским гербом. Меттерних получил ее осенью одновременно с княжеским титулом. Но не будем обгонять события.

Из тех мест, в которых в 1813—1814 годах побывал Меттерних, его курьеры разлетались во все стороны, но один из них неизменно направлялся туда, где в тот момент находилась Вильгельмина Заганьская. По их переписке можно безошибочно определить, когда и куда ездил Клеменс Меттерних. Их письма были полны любви и нетерпеливого ожидания, а послания Вильгельмины к тому же содержали и точно дозированное политическое давление.

Едва приехав в Ратиборжице, она сразу же отправляет ему (было это 11 июня) письмо, в конце которого говорится: «Поверьте, я часто думаю о Вас, и думы мои полны дружеских чувств, хотя при этом я не забываю и о том, что Вы будете самым большим недругом того, кто сам является врагом всего мира, — и для меня ничто на свете не может украсить Вас больше».

Не правда ли, элегантное давление на влюбленного министра иностранных дел, чтобы он наконец привел Австрию в антинаполеоновский лагерь?

Еще 12 июня Меттерних посылает Вильгельмине письмо из Праги, в котором упрекает ее за то, что она ему не пишет, и добавляет: «Как легко бывает найти минуту, чтобы выразить то, что чувствуешь, но мы никогда ее не находим, чтобы сказать о том, чего не чувствуем! Нет, моя дорогая Вильгельмина, Вы меня не любите, а я так несчастен оттого, что люблю Вас безмерно!»

После этого он садится в карету и мчится в Йичин; голова забита государственными делами, а в сердце — разъедающая ревность (ведь он знал, что еще не забыт окончательно роман Вильгельмины с князем Виндишгретцом, — сколько раз в своих письмах к ней он будет намекать на этого молодого офицера). А в Йичине сразу же после доклада императору он присаживается к столу «в комнате, где не топили, наверное, со времен великого Вальдштейна», и пишет своей возлюбленной. Он хочет ехать к ней, но на следующий день узнает, что русский царь Александр по дороге в Опочно, где собирается встретиться со своими сестрами, остановится на обед в Ратиборжице. 15 июня утром Меттерних спешит сообщить об этом Вильгельмине, но та уже знает о приезде царя и, в свою очередь, посылает письмо Меттерниху в Йичин — курьеры минуют друг друга в пути — с настоятельной просьбой прислать какую-нибудь прислугу, а главное — какое несчастье! — «у меня нет с собой моего кондитера!» И еще ей нужны кое-какие продукты («за исключением мороженого»), «так как Стадион выбрал меня и попросил позаботиться о том, чтобы у Его Величества остались приятные воспоминания о Чехии».

И Меттерних посылает в Ратиборжице своего личного слугу, мешок разных сладостей, кексы, суфле и прочее, что еще смог достать на императорской кухне, но сам отказывается от приглашения принять участие в обеде, так как все еще играет роль нейтрального деятеля и пока не хочет встречаться с царем даже неофициально.

Он обещает только, что приедет вечером, уже после отъезда царя. При этом Клеменс лишь коротко добавил, что не имеет ничего против того, чтобы царю был представлен Гентц. Умный Гентц приказ понял — разведать все, что только можно!

Царь Александр пересек границу 16 июня 1813 г., и уже в начале третьего часа пополудни его встречала в Ратиборжице прекрасная дама — княгиня Вильгельмина. Царь был в восторге от приема, обеда и хозяйки. К вечеру он отправился в Опочно. После его отъезда в Ратиборжице приехал и Меттерних, который на следующий день отправился в Опочно на встречу с царем и взял с собой Гентца.

17—18 июня в Опочно он вел официальные переговоры с царем и Нессельроде, будущим российским канцлером. К беседовавшим по мере надобности присоединялись шеф царского Генерального штаба князь Волконский (будущий декабрист), граф Стадион и царский надворный советник граф Толстой. Больше, чем о политике, царь думал о прекрасных глазах недавно принимавшей его княгини Вильгельмины и постоянно сводил разговор на нее. Тогда Меттерниха это еще развлекало, позже он начнет ревновать.

Меттерниха ждали переговоры с представителями Пруссии, мысль об этом не приносила ему радости. Чтобы как-то скрасить предстоящую встречу с прусским канцлером Гарденбергом и послом королевства в Вене Вильгельмом Гумбольдтом (братом известного ученого), он предложил провести ее 19—20 июня в Ратиборжице у Вильгельмины Заганьской. Сообщая ей об этом в письме, Меттерних назвал Ратиборжице «местом, которое стало совсем дипломатическим», и одновременно сообщил: «Царь в Вас влюблен!»

И Россия, и Пруссия нажимали на Меттерниха, требуя его согласия с добавлением к условиям мирного урегулирования еще двух пунктов: о ликвидации Рейнского союза и о восстановлении Пруссии в границах, существовавших до 1806 года. Однако все было тщетно. Меттерних располагал полной поддержкой австрийского императора, который из Йичина следил за происходившим, но, учитывая нейтралитет Австрии, лично в дела не вмешивался. Похоже, что Франц скучал в этом городке, потому что если он не предпринимал поездок по окрестностям, то проверял счета и определял расходы, связанные со столь значительной дипломатической активностью.

Да и царю Александру в Опочно было не по себе. Не хватало активных действий. Не развлекали его даже маневры четырех австрийских полков, специально для этого переведенных сюда. Однажды его скуку рассеял прусский король Фридрих-Вильгельм III, прибывший в гости инкогнито. Поэтому 23 июня царь с радостью расстался с Опочно и вернулся в ставку. Но сначала заехал в Ратиборжице. Можно с уверенностью сказать, что на сей раз его туда привело исключительно желание повидать прекрасную хозяйку имения. Предположение некоторых авторов, будто у княгини Заганьской тогда встретились три государя, три союзника — Франц, Александр и Фридрих-Вильгельм, ничем не подкреплено. К тому же в то время австрийский император еще придерживался нейтралитета, так что и комната «трех императоров» в ратиборжском замке — всего лишь дань легенде.

Вся эта «северочешская» дипломатическая активность была нацелена на выработку совместных условий мира, чтобы их потом можно было предложить на переговорах с Наполеоном; по сути своей эти условия не отличались от уже упомянутого проекта Меттерниха. В итоге 27 июня 1813 г. тайное соглашение было подписано в Рейхенбахе Стадионом от имени Австрии, Нессельроде — от России и Гарденбергом — от Пруссии. Союзники признали посредническую роль Австрии, договорились, что предложенные мирные условия следует рассматривать как минимум, но сверх того настояли на требовании, чтобы французы покинули крепости, занятые ими в Пруссии и на польской территории.

Однако и Австрии пришлось взять на себя обязательство, которое могло изменить, а позже и действительно изменило положение монархии. Она обязалась вступить в войну на стороне России и Пруссии в том случае, если Наполеон не примет предложенных условий, до окончания перемирия, то есть до 20 июля 1813 г. Когда подписывалось тайное рейхенбахское соглашение, Меттерних уже второй день находился в Дрездене.

Дипломатическое оживление в Северо-Восточной Чехии австрийские власти сознательно не слишком утаивали, и предположение Меттерниха, что до Наполеона кое-что дойдет и он захочет узнать еще больше, оправдалось. Вернувшись в Йичин, Меттерних нашел там приглашение в Дрезден от французского министра иностранных дел Маре, герцога Бассано. Разумеется, Мет-

терних его принял, но прежде, чем проинформировать об этом союзников, которые, к слову сказать, восприняли поездку Меттерниха к Наполеону с неудовольствием и недоверием, он сел за стол и 24 июня написал в Ратиборжице: «Как бегут дни, и как они похожи друг на друга, моя дорогая В.! Еще сегодня ночью уезжаю в Дрезден, откуда получил приглашение. Пробуду там 24 часа и вернусь в Йичин 27-го, в субботу. Надо ли Вам говорить, каким счастливым делает меня эта дорога! Я приеду туда как настоящий божий человек, который взял на себя бремя мира!»

Меттерних вернулся только 1 июля. Переговоры с Наполеоном и французским министром иностранных дел относятся к вершинам в государственной карьере Меттерниха. Он вез французскому императору ноту с предложением начать мирные переговоры и требовал отнего признания австрийского вооруженного мирного посредничества. 26 июня в течение девяти часов Меттерних вел об этом разговор с Наполеоном и в тот же вечер написал донесение своему императору — «Précis sommaire d'une conversation avec l'Empereur Napoléon» («Краткое изложение переговоров с императором Наполеоном»).

Для Меттерниха, несомненно, встреча с Наполеоном стала исключительным событием в его жизни. Позже он неоднократно возвращался к ней в своих воспоминаниях, а впервые — в 1820 году. Затем он перенес часть, которая была связана с дрезденской встречей, из первых воспоминаний в мемуары, датированные 1829 годом. В 1824 году секретарь Наполеона барон Фэн тоже опубликовал записи о дрезденском разговоре. Но, очевидно, наиболее достоверны все-таки заметки самого Меттерниха, сделанные сразу же после встречи с Наполеоном, хотя и на них лежит налет авторского самомнения и недостаточной объективности в отношении самого себя. Свои воспоминания об этом разговоре оставили и некоторые косвенные свидетели, например генерал Монтолон, который записывал высказывания Наполеона на острове Святой Елены. Написал о ней и французский историк Тьер, который ради этого приезжал в 1851 году к старому Меттерниху, чтобы послушать его «исповедь». Но мы будем придерживаться текстов Меттерниха и только там, где он молчит, воспользуемся суждениями Наполеона, записанными бароном Фэном или генералом Монтолоном.

Наполеон, судя по всему, вовсе не сгорал от нетерпения в ожидании встречи с Меттернихом. Тот прибыл

в Дрезден 25 июня в два часа дня, остановился у графа Бубны, а к императору был приглашен лишь на следующий день в 11 часов утра. Считается, что разговор между ними длился с 11.15 до 20.30. Когда беседа закончилась, было уже темно, но никто не отваживался принести собеседникам свечи. Так что это театральное действие разыгрывалось полных девять часов, это был диалог, достойный пера драматурга. Разговор состоялся, несомненно, красочный: ведь с солдатом-сангвиником, склонным к взрывам, беседовал спокойный, ироничный, выдержанный дипломат.

Уже само вступление было театральным. Во дворце Марколини Меттерниха ждали, перед ним распахивались двери, и в приемной ему пришлось пройти сквозь строй толпившихся генералов, офицеров, куртизанок — всей этой увешенной драгоценностями толпы, не скрывавшей нетерпения и любопытства, что же произойдет. Говорили, что якобы там к Меттерниху наклонился шеф Генерального штаба князь Невшательский и прошептал: «Не забудьте, что Европа нуждается в мире, а Франция особенно... Франция не хочет ничего иного, кроме мира...»

Двери открылись.

«Наполеон ждал меня, стоя посредине кабинета, с саблей у бедра и шляпой под мышкой. Он двинулся мне навстречу с притворным спокойствием и спросил, как здоровье императора. Потом его лицо помрачнело, он остановился передо мной и произнес такие слова: «Значит, вы хотите войны, тогда получите ее. Я уничтожил прусскую армию у Лютцена; я поразил русских у Бауцена, теперь вы хотите быть на очереди. Хорошо, назначаю вам свидание в Вене. Люди просто неисправимы! Уроки не идут им впрок! Трижды я усаживал Франца на его трон, обещал ему, что между нами будет мир, пока я жив, женился на его дочери, хотя говорил себе тогда: «Делаешь глупость!». И все-таки ее сделал, о чем сегодня жалею...» Эти слова позволили мне еще лучше почувствовать, сколь сильны мои позиции. В тот решающий момент я считал себя представителем всего европейского сообщества... «Мир и война, — ответил я, — в руках Вашего Величества. Судьба Европы, ее и ваше будущее зависят только от вас самого. Сегодня вы еще можете заключить мир, а завтра, возможно, окажется поздно...» «Так чего же вы, собственно, хотите от меня? — прервал меня резко Наполеон. — Чтобы я предал свою честь? Никогда! Я не боюсь смерти...»

Когда он познакомился с условиями мира, со всем тем, от чего ему пришлось бы отказаться, он ответил: «Я не уступлю и пяди земли. Мир приму по принципу: status quo ante bellum [положение, существовавшее до войны]. Ваши государи, рожденные на тронах, могут себе позволить хоть двадцать поражений и всегда вернутся в свои столицы. Я — нет, потому что я — лишь простой солдат...»

Здесь, очевидно, уже разыгралась фантазия Меттерниха, ибо в иных случаях и в иные времена Наполеон ссылался на свое дворянское происхождение.

Разговор напоминал взволнованное море, он то поднимался до патетики, то откатывался к фамильярности и торгашеству. При этом весьма ловкий Наполеон старался проникнуть в истинные замыслы Австрии, провоцируя Меттерниха раскрыть, насколько сильна австрийская армия. Однако на удочку попался сам, когда австрийский министр упомянул, кроме прочего, и об измотанности французской армии.

Наполеон в бешенстве стал кричать: «Вы не военный, вы не можете знать, что происходит в душе солдата. Я завоевал свою славу на полях брани! Я! И нет мне дела до жизней миллионов человек...»

И словно бы желая подчеркнуть эти слова, от которых мурашки пошли по спине, он швырнул свою шляпу в угол комнаты.

На это холодный Меттерних сказал якобы так: «Зачем вы делаете такие заявления здесь, в четырех стенах? Давайте откроем двери, и пусть ваши слова разнесутся по всей Франции! Я и мое дело от этого ничего не потеряем!»

Согласно иным версиям, Наполеон сказал: «Меттерних, я вас разоблачил! Ваше правительство хочет воспользоваться трудностями и увеличить их настолько, чтобы можно было получить назад все или часть того, что оно утратило» (Фэн). Или же: «Признайтесь, Меттерних, Австрия взяла на себя роль посредника только из-за того, что хочет удовлетворить свои амбиции и ненавидит меня» (Монтолон).

Когда переговоры ведет солдат, он ищет слабое место противника, прикидывает, кто мог бы стать союзником, мысленно оценивает собственные резервы. Наполеон, однако, сбился с роли и опять полагался только на силу своего оружия. А когда дело ведет дипломат, он изображает все, что угодно, лишь бы сохранить в тайне свои

замыслы, свои слабые и сильные стороны, и не позволяет проявляться своим чувствам и страстям. Меттерних вел свою роль уверенно и потому, наблюдая за Наполеоном, мог делать предположения. Он был удовлетворен.

А великий полководец отказывался поверить, что от него хотят получить назад почти все завоеванные им территории. Он потащил Меттерниха в соседнюю комнату, где были карты, и кричал: «Пока не обнажен меч, признайтесь, что такие требования — вымогательство! И мой тесть принял их! Он вас послал! В какое положение он хочет поставить меня перед французским народом? Он глубоко ошибается, если думает, что искалеченный трон сможет служить пристанищем для его дочери и внука».

И тут Меттерних к своему изумлению понял, что Наполеон все еще не верит тому, что его тесть на самом деле готов идти на него войной!

В своем описании Меттерних умалчивает об одном вопросе, о котором, однако, написал барон Фэн и высказался на острове Святой Елены сам Наполеон.

В одну из минут, когда французский император не совладал со своим гневом, он бросил в лицо партнеру слова, которые не забываются:

— Ах, Меттерних! Сколько вам заплатили англичане, чтобы заставить вас вести такую игру против меня?

Меттерних побледнел. Наступила тишина. «Обеим сторонам требовалось некоторое время, чтобы прийти в себя». Ведь так в дипломатии говорить не принято, по крайней мере не столь грубо. Дипломатия требует формы, но Наполеон в ту минуту был лишь солдатом, да к тому же припертым к стене...

На острове Святой Елены об этом эпизоде он рассказывал Монтолону, записывавшему его слова: «Я думал, что тем самым смогу вернуть его [к союзу с Францией], а потому позволил себе сказать ему: «Я дал вам двадцать миллионов. Хотите еще двадцать? Я вам их дам. А сколько предложила Англия?» Это было для него, как удар молнии. Бледность, покрывшая лицо Меттерниха, показала мне всю безмерность совершенной мною ошибки. В этот момент я приобрел непримиримого врага».

Наполеон был прав.

Об этой части разговора Меттерних никогда не упоминал, так что в нашем распоряжении имеются только французские источники. Вполне вероятно, что Наполеон

взорвался и утратил контроль над словами, однако суть высказывания, то есть намек на взятку, якобы предложенную Меттерниху Англией, сегодня уже невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Нельзя забывать и о другом: были и иные мотивы, которые определяли политическую игру австрийского министра иностранных дел.

В донесении своему императору Меттерних написал: «Эта длинная встреча была пестрой смесью разнородных возражений, демонстрация дружественности сменялась самыми яростными нападками, и повторялось это многократно».

Девятичасовая словесная битва не дала результатов. Меттерних настаивал на ответе. Наполеон обещал его дать на следующий день. Австрийский министр понимал, что в Дрездене ему придется задержаться. Сообщая о разговоре с Бонапартом, он писал своему императору: «Его результат не позволяет мне предугадать, когда закончится мое пребывание здесь, ибо от меня прямо потребовали, чтобы я остался по крайней мере еще на завтра».

Примечательно письмо, которое министр написал Шварценбергу под непосредственным впечатлением от разговора с Наполеоном. В нем он спрашивал, на какое время нужно продлить перемирие между воюющими сторонами, чтобы Австрия успешно завершила формирование армии. Видимо, он начинал приходить к заключению, что Наполеон неисправим, что он не способен извлечь уроки из прошлого и что предложенные минимальные условия мира для него представляют неприемлемый максимум. И все-таки Меттерних еще не терял надежды, не сдавался.

В последующие дни Меттерних вел переговоры с министром иностранных дел Франции герцогом Бассано, с маршалами, потом снова с Наполеоном. Он отражал все атаки, демонстративно объявил о своем отъезде из Дрездена, потом его отложил, уступая настояниям французов, но давлению не поддался и не позволил изменить характер своей миссии. Он заявил, что был послан не для того, «чтобы дискутировать об условиях будущего мира, а лишь затем, чтобы добиться ускорения встречи представителей стран при посредничестве Австрии или констатировать, что император отказывается принять посредничество».

Демарш с отъездом обернулся для Меттерниха новым приглашением во дворец Марколини для разговора с

Наполеоном, и наконец был получен результат. 30 июня 1813 г. была достигнута договоренность:

1) о признании вооруженного посредничества Австрии;

2) о созыве конференции воюющих стран в Праге (предложение встретиться в Йичине французы отвергли);

3) о продлении перемирия до 10 августа (на что Меттерниху еще предстояло уговорить союзников).

Таким образом, перемирие было продлено на 20 дней, что отвечало наметкам Шварценберга. Можно только удивляться тому, как в лагере коалиции все набросились на Меттерниха из-за продления перемирия, а важный момент, связанный с боеспособностью австрийской армии, вообще не взяли в расчет. Действительно, для принятия решения о продлении перемирия у Меттерниха полномочий не было ни от своего императора, ни, тем более, от остальных монархов. Однако император Франц одобрил действия своего министра: если Наполеон от перемирия ничего не мог потерять, то Австрия только приобретала.

Меттерниху предстояло успокоить и убедить прежде всего разгневанных партнеров. Австрийский посол Лебцельтерн, которого он направил к царю в Рейхенбах, стал свидетелем гнева Александра. Царь выкрикивал, что Меттерних — предатель, называл его «наполеоновским слугой». Барон Штейн, которого австрийский министр терпеть не мог и чье отношение к Меттерниху было таким же, еще в середине июля писал в частном письме, что «Меттерних — ничтожный человек, аморальный и вероломный, ведет себя, как предатель».

Меттерних был готов к такой критике, но отнюдь не ожидал ее услышать там, где хотел являться лишь предметом восхищения и любви. Перед отъездом из Дрездена он отправил с курьером письмо в Ратиборжице.

«...Это место становится центром европейской дипломатии в тот самый момент, когда несчастная Европа превращается в очаг мировых волнений. Так как я привык использовать своих друзей, как самого себя, — что не должно быть синонимом евангелистского принципа, — то договорился о встрече в Ратиборжице на завтра, 3 июля, с гр. Стадионом и с г. Нессельроде...»

Однако там все общество было уже основательно настроено против Меттерниха. Приехали прусский канцлер Гарденберг с Гумбольдтом, двадцатишестилетний поклонник Заганьской Альфред Виндишгретц и еще один офицер. Свою возлюбленную Меттерних нашел холод-

ной, как вода в ключе, молодых офицеров — разгоряченными и рвущимися в бой, а господ политиков — сдержанно любопытными. Ему удалось успокоить всех, кроме вояк, а с представителями России и Пруссии провести нормальную конференцию, так что она даже вошла в историю дипломатии.

Однако мало кто верил в успех пражского мирного конгресса, начало которого было перенесено с 5 на 12 июля. Союзники примирились с его проведением лишь потому, что император Франц соглашался выполнить обещание Австрии и выступить против Наполеона только в том случае, если Пражский конгресс не принесет успеха, и, разумеется, после 10 августа, когда окончится срок перемирия.

Сам Меттерних откровенно написал своему отцу: «Прага это только для публики, а все то, что происходит вне ее, и есть суть дела». На вопрос, будет ли война, он не брался отвечать даже в самом что ни на есть частном послании к своему отцу: «Будет война или не будет? Никто не может дать ответ на этот вопрос до 10 августа, говорю, никто, включая Наполеона».

Тем не менее представляется, что Меттерних и его император сохраняли еще какую-то надежду на успех. Франц тем временем переместился из Йичина в замок в Брандысе на Лабе, чтобы быть поближе к Праге. В своей инструкции от 11 июля он наставлял Меттерниха: «В наших предложениях мы избежали всего, что могло бы затронуть честь Наполеона.., а поэтому не должно возникнуть сколь-либо серьезной причины для того, чтобы их отвергать».

Как известно из документов, накануне встречи Меттерних и его император исходили не только из одного единственного варианта: или Наполеон принимает условия, или война. Меттерних прикидывал: а что если в итоге конгресс сорвут Россия или Пруссия? Тогда, полагал он, Австрия останется нейтральной. Наконец, четвертый пункт рейхенбахских договоренностей был исключительно австрийским делом (возвращение Иллирии и др.). Если бы Франция не приняла только этот пункт, Австрия могла бы не посчитать это поводом для вступления в войну.

Уже будучи на острове Святой Елены, Наполеон утверждал, что тогда, в Дрездене и в Праге, он мог «обеспечить себе нейтралитет Австрии, если бы пожертвовал Венецией, равно как и Иллирийской провинцией, то есть если бы вернулся к договорам, заключенным в Кампоформио и в Люневиле». Возможно, так бы это и было.

Пути мира и пути войны пересекаются подчас в неожиданных местах. Летом 1813 года Наполеон рвался вперед, как бык за красной тряпкой. Рядом с ним не было хитрого Талейрана, который давал бы ему нужные советы, а на своих генералов в политических вопросах он полагаться не мог. Пражский мирный конгресс в июле 1813 года стал одной из тех упущенных возможностей, на примере которых политики и генералы так и не научатся никогда умению вовремя остановиться.

Да, собственно, о каком конгрессе речь? Столько было приготовлений, а под конец — пшик!

Австрийская политика все еще осторожно прокладывала себе дорогу в мутных европейских водах. Меттерних продумывал ее всесторонне. Начальник Генерального штаба малой, так называемой чешской армии граф Радецкий вместе со Шварценбергом подготовили план совместных действий австрийской армии с армиями союзников. Его вынес на встречу в силезском замке Трахенберге граф Стадион, осторожности ради это поручили сделать политику, а не военному.

И тут перед самым открытием конгресса Меттерних получил сообщение о крупных поражениях французов в Испании у Саламанки и Витории и о продвижении к французским границам войск английского генерала Веллингтона. Наполеон всячески старался сохранить эти вести в тайне, а его посол Нарбонн, приехавший тем временем из Вены в Прагу, распространял утверждения противоположного толка.

Меттерних почувствовал: если вообще возможен благоприятный момент для поворота в австрийской политике, чтобы покончить со всякой зависимостью Австрии от Наполеона, то этот момент как раз наступил!

А пока в Прагу съезжаются все, кто хочет так или иначе участвовать в конгрессе, — политики, шпионы, куртизанки, воры. Пражская полиция по горло завалена работой, а граф Коловрат, высший бургграф, нанимает дворцы на Малой Стране для размещения дипломатов. Уже прибыли с верительными грамотами русский советник Анштетт и прусский посол Гумбольдт. Однако после обговоренной даты открытия конгресса проходит неделя, а в Праге все еще нет представителя Наполеона, которым назначен генерал Коленкур.

20 июля из Дрездена в Любляну едет бывший французский министр полиции Фуше, отправленный в наказание за свои опасные интриги, которые он плел против Наполеона в Париже, наместником в провинцию Иллирию. Меттерних его принял, угостил, основательно порасспросил и узнал, что Наполеон полон решимости не уступать.

Взаимное недоверие между великими державами было тогда огромным. Австрийский полицейский аппарат следил за всеми — французами, союзниками, собственными гражданами. Почтовые ложи, не покладая рук, вскрывали и перечитывали корреспонденцию. Шпиона, своего осведомителя, завели даже среди платных агентов французского посла Нарбонна, о котором давно было известно, что сам он тоже занимается шпионажем. В штабе Шварценберга специально для него фабриковали ложные сведения об австрийских войсках.

Меттерних развертывает лихорадочную деятельность и в то же самое время все больше и больше влюбляется в госпожу Заганьскую. В его письмах к ней отражаются и его сомнения, и колебания в отношении австрийской политики. Так, 17 июля он пишет в Ратиборжице: «Мы полностью погружены в наше огромное, безмерное дело. Одни только небеса знают, как мы его завершим. Это, бесспорно, дело всего мира... Я предприму все, что смогу, чтобы спасти мир, но это дело нелегкое, и тот, кто за него взялся, отнюдь не счастлив...» Далее автор выводит любовные трели.

Однако 25 июля он пишет: «Наши дела бешено разворачиваются к войне...» И в том же письме, раздираемый любовью и ревностью, сообщает Вильгельмине, что получил депешу о присутствии в Берлине Дж. Харкурта-Кинга, бывшего английского посла. Зачем этот англичанин именно сейчас приехал на континент? Гентц бросил якобы в связи с этим такую реплику: «У К. вряд ли есть поручение что-либо раздобыть; но и на континент он прибыл не просто так. Значит, он едет в Ратиборжице, и мне придется предупредить герцогиню».

Для Меттерниха это был удар: Кинг, бывший любовник Заганьской, направляется в Ратиборжице! «Я думал, что умру при одной мысли об этом...» Конгресс конгрессом, а Меттерних, сжигаемый ревностью, утрачивает трезвость суждений и не может понять, что английское правительство просто хочет знать, что происходит в Европе в эти решающие минуты, а потому посылает туда своего специалиста...

Заганьская, у которой «разрывается душа», когда из-за нее Клеменс становится несчастным, приезжает на несколько дней в Прагу, чтобы быть около него. Когда-то ее семье принадлежал один из здешних дворцов — Роганский, но уже два года как ее сестра Паулина его продала. Жить во дворце Виндишгретца Вильгельмине не хочется, а поэтому она соглашается занять несколько комнат в квартире Гентца в Вальдштейнском дворце с окнами в сад... В нескольких шагах отсюда, в Фюрстенбергском дворце, живет Меттерних, и прекрасная герцогиня имеет возможность наблюдать за политическими событиями с близкого расстояния.

А дело уже шло к развязке. Подготовка в Пражском Граде завершилась, Шварценбергский и Траутмансдорфский дворцы заполнились дипломатами, а значит, не будет недостатка в поводах для устройства балов, и пражское высшее общество сможет повеселиться всласть! Меттерних тоже был доволен: Вильгельмина была рядом, а он представлял собой центральную фигуру всего этого театра.

Его мысли занимала не только Вильгельмина. Он думал и о подготовке Генерального штаба к возможной войне. Предполагалось, что Наполеон начнет наступать с севера и будет продвигаться через Чехию на Вену, а потому готовились контрмеры. Приходилось решать и целый ряд мелких вопросов, с которыми к Меттерниху обращался начальник пражской городской полиции гетман Ян Лимбек, и, наконец, заниматься протоколом. Здесь тоже были подводные камни, например русский и прусский представители отказались во время переговоров на конгрессе сидеть за одним столом с представителем Франции. Тогда было решено обойтись без пленарных заседаний, а переговоры вести только через посредника.

Коленкур прибыл в Прагу 28 июля, но только 6 августа он спросил у Меттерниха, как Австрия представляет себе мир и, главное, на каких условиях она осталась бы союзницей Франции или хотя бы сохранила нейтралитет в ее конфликте с Россией и Пруссией.

Однако к этому времени Меттерних уже утратил интерес к дальнейшим переговорам. Столь старательно готовившийся конгресс превратился в безвкусную комедию, в некую дипломатическую фантасмагорию. В те годы австрийский министр не придерживался догмати-

ческих принципов. Его сильной стороной было то, что он давал такую оценку фактам, какой они заслуживали, замечал детали, умел их правильно сопоставить и в максимальной мере воспользоваться комплексом всех благоприятных факторов. Ныне ситуация представлялась ему благоприятной. Создание армии было завершено, в Силезию прибыли свежие подкрепления из России, французы понесли крупные поражения в Испании. Более тесное прусско-австрийское сотрудничество обеспечивало определенное равновесие в Европе — и против Франции, и против русского влияния. Вывод Меттерниха был однозначным: теперь Австрия может получить больше выгоды от войны, чем от мира. Император Франц был с этим согласен.

Только 8 августа Меттерних передал через Коленкура ответ Наполеону. В нем содержались все прежние требования союзников, а также и те, что не вошли в Рейхенбахское соглашение, включая требование гарантий независимости немецких государств со стороны великих держав. Наполеону было предложено ответить до 10 августа, в ином случае на следующий же день Австрия объявляет ему войну. Это был уже ультиматум!

Наполеон, разумеется, отверг его, хотя уже намеревался кое от чего отказаться (например, от Варшавского княжества). Но этого было мало, не говоря о том, что время перемирия уже прошло. Только 11 августа в первой половине дня Коленкур передал в Праге ответ.

Однако тогда уже все было решено. Ровно в полночь с 10 на 11 августа 1813 г. прусский и русский представители сообщили Меттерниху, что их полномочия на ведение мирных переговоров кончились. В Прагу из Брандыса приехал император Франц, после него — царь Александр и, наконец, прусский король Фридрих-Вильгельм III. Гентц подготовил текст объявления войны, в нем Франц заменил слово «народы» на слово «государи». Коленкур, живший в Збраславском замке, покинул Прагу. Вместе с ним уехали и французские дипломаты.

Австрии удалось добиться назначения князя Карла Шварценберга верховным главнокомандующим военными силами союзников. Под его началом теперь находилось около 550 тысяч солдат с 60 тысячами лошадей. У Наполеона было примерно на 100 тысяч человек меньше.

Из пропагандиста и носителя политики мира, проводимой путем переговоров и соглашений, Меттерних превратился в сторонника мира посредством силы, мира, навязываемого оружием. Это ли не материал для романиста или, может быть, психолога!

Именно тогда, когда история действительно круто изменила ход, а Меттерних, бесспорно, стал ее центральной фигурой, он вдруг впадает в уныние, даже словно бы утрачивает остроту ума, и все это — по одной весьма прозаической причине: она его не любит! Она должна была приехать к нему из Ратиборжице, куда снова вернулась, а вместо этого пришло письмо. И 16 августа в 8 часов вечера Меттерних рыдает над строками, которые он пишет Вильгельмине: «Если бы Вы меня любили, то приехали бы... Не буду внушать себе того, чего не может быть... Будьте спокойны, я докажу Вам, что умею страдать молча... Я — несчастный из несчастных на земле, вдали от Вас счастлив быть не могу... Мой друг! Я не могу себе представить, что без Вас возможна жизнь. Время, вероятно, меня этому научит!.. Если же я умру, позвольте мне умереть далеко от Вас... Но да позволено мне будет сделать Вам один-единственный упрек (выделено Меттернихом. — *Я. Ш.*). Зачем Вы меня обманывали?.. Ах, Вильгельмина, Вы даже не знаете, чего мне стоит и одно из всех тех, столь часто неисполнявшихся обещаний...»

Из-за любви он меняет и свою программу государственного деятеля: «Пожертвовал я всем, чтобы продлить свое здесь пребывание вплоть до 24-го, возможно, и дольше; я все перевернул, все свои прежние мысли и планы; силы мои, друг мой, не оставили меня, так что я могу задать себе и труднейшие вопросы; но ныне ощущаю только свою боль... В этот момент у меня нет головы, а только одно сердце, и это сердце разорвано... Прощайте. Нет для меня больше счастья в этом мире... Вы оставляете меня страдать, упиваться собственной болью».

И, наконец, риторический вопрос, в котором смешалось все, и политика, и любовь: «Труднейшее мгновение моей жизни уже позади. Так почему же самое жестокое остается со мной?»

10.

СОЮЗНИКИ НА РЕЙНЕ И В ПАРИЖЕ

Политики ссорились, солдаты бряцали оружием, а люди были уже сыты всем этим по горло. В который раз начиналась новая военная кампания в длинной цепи военных авантюр Наполеона! Словно бы вся эра Бонапарта должна была служить иллюстрацией к известному изречению, что война — лишь продолжение политики иными средствами. Бесконечные дипломатические споры, заговоры и предательства не решали политических задач, и это приходилось в конце концов делать солдатам. 10 августа 1813 г. в Праге прошло в ожидании, какой же ответ пришлет Наполеон. А когда 11 августа до полудня Коленкур прибыл к Меттерниху и привез предложения Наполеона, то услышал лишь сухую отповедь: «Вчера мы были посредниками, а сегодня — уже нет. С сегодняшнего дня французские предложения следует адресовать дворам союзников».

На холмах вдоль северной чешской границы запылали костры, дававшие знать австрийским солдатам об объявлении военного положения.

Сколь же невелик тот шажок, которого оказывается достаточно, чтобы от дипломатии перейти к войне!

Начало сражений еще до битвы у Дрездена развивалось благоприятно для коалиции. Поскольку Вильгельмина не приехала в Прагу, то Меттерних 20 августа отправился в Теплице, где находился главный штаб Шварценберга, а оттуда неделю спустя он уже гордо писал Заганьской: «Ныне все лежит у моих ног. Тяжелые минуты в Ратиборжице (намек на упреки, которыми он был осыпан здесь после своего возвращения из Дрездена от Наполеона. — *Я. Ш.*) забыты. Все говорят, что только меня не подвело чутье, что только я все правильно рассчитал. Надо всегда поступать согласно собственному убеждению и делать это явственно для всех... И сумасшедшие, и идиоты, и глупцы, и энтузиасты — все они хотели начинать, когда еще ничего не было, но я не такой, как они, может быть, кажусь поверхностным, потому что прост (выделено Меттернихом. — *Я. Ш.*) в своих расчетах, но зато только я не позволил заманить себя в ловушку и все подготовил...»

Он бахвалился, но был, тем не менее, прав. Теперь он находился в центре событий и сам поддерживал свою репутацию, утверждая, что все было им рассчитано. Начало войны для него, действительно, оказывалось благоприятным.

Наполеон ждал нападения со стороны Силезии, где находилась примерно стотысячная прусско-русская армия под командованием маршала Блюхера. С севера на его позиции в Саксонии наступала Северная армия (120 тысяч человек) под командованием шведского коронного принца Бернадота, в прошлом его собственного генерала. Чешская армия (чехи, мораване, хорваты, немцы — общим числом 240 тысяч) была сосредоточена в Северной Чехии.

Разыгрывание увертюры при тогдашнем способе ведения войны, когда донесения о перемещении сил противника часто опаздывали на несколько дней, было столь же важно для дальнейших действий, как и первые ходы в поединке двух шахматных гроссмейстеров.

Наполеон провел разведку боем в Северной Чехии, занял Либерец, дал приказ корпусу генерала Вандамма развернуть операцию в районе Яблонного, полагая, что, заманив туда противника, выиграет первую решающую битву и выведет из строя так называемую Чешскую армию. Но Шварценберг не поддался на этот ход и двинулся на Дрезден, сорвав тем самым замыслы Наполеона разбить Блюхера в Силезии и потом идти в Чехию и на Прагу.

Из письма Меттерниха Заганьской мы узнаем, что первые выстрелы были сделаны 19 августа второй диви-

зией легкой кавалерии генерал-майора Найперга, защищавшей северочешские границы. (Это был тот самый генерал Найперг, который позже войдет в историю как преемник Наполеона в супружеской постели французской императрицы Марии Луизы). Тем временем армия Шварценберга достигла Дрездена. Изумленный Наполеон успел все-таки стянуть туда подкрепления и в битве, разыгравшейся 26—27 августа, добился большой и последней в этой фазе войны победы.

Союзники потеряли более 40 тысяч убитыми, ранеными и попавшими в плен. Отступление в Чехию через размокшие перевалы Крушных гор было для Чешской армии почти полной катастрофой.

Однако и французы пережили потрясение. Наполеон, как ни странно, не стал преследовать побежденную армию. Причина была не в апатии полководца, хотя многие считали так и ставили это ему в укор, а в том, что такое преследование в пограничных горах было практически невозможным. Наполеон сделал ставку на корпус Вандамма, который не принимал участия в Дрезденской битве и находился в районе города Пирны, приказав ему вторгнуться в Чехию через Петровице и двигаться на Дечин и Устье, а затем к Теплице, чтобы оказаться там раньше разбитого под Дрезденом противника. Это был хороший план.

29 августа авангард корпуса Вандамма занял Хлумец (Кульм). Дорога на Теплице была открыта. Для союзников возникла опасность, что армия Шварценберга, ее штаб, где находились русский царь Александр и прусский король, попадут в окружение. Тогда русский генерал Остерман-Толстой, который до тех пор отступал перед Вандаммом со своим численно небольшим (12 тысяч человек) отрядом, принял решение перекрыть французам дорогу к Теплице и ввести в бой гвардейские полки, предназначенные исключительно для охраны царя.

Утром 29 августа разыгралась большая битва у Пршестанова и Хлумеца. Французы атаковали с ходу, и в течение дня на поле боя пал каждый второй русский солдат. Но к месту сражения уже подходила часть отступавшей от Дрездена армии, и к утру 30 августа французам противостояло почти 50-тысячное союзное войско. Вандамм продолжал сражение, рассчитывая на подход подкреплений.

Но тут произошел один из тех неожиданных поворотов событий, которые вызывают далеко идущие последствия.

Их не может предсказать ни один политик, ни самый опытный полководец. На северном обзоре появились первые шеренги солдат, но одеты они были не во французские мундиры. К месту боя приближался 30-тысячный корпус прусского генерала Клейста. Результат битвы оказался предрешенным.

Наполеон потерял здесь 20 тысяч солдат из своего лучшего армейского корпуса. Генерал Вандамм был взят в плен. Изначальный план по отдельности разбить армии союзников провалился. Французский император отказался от попытки занять Чехию и Прагу и, по сути, оставил поле боя. К концу сентября он вывел свои войска за чешские границы.

В течение нескольких недель армии пополняли свои поредевшие ряды и перемещались. Наполеон оттянул свои полки к Лейпцигу. В том же направлении стали медленно передвигаться и коалиционные армии.

Меттерних, находившийся ныне вместе с тремя государями — союзниками в Теплице, свободные минуты посвящал своей любви. Он усердно взимал все то, что задолжала ему госпожа Заганьская в своих ответных чувствах. Она снова жила в Праге, где ее ученым собеседником и литературным советчиком стал опять помощник Меттерниха Гентц. В своем дневнике тот записал: «6-го числа мы с герцогиней предприняли интересную поездку в Лоуны, куда нас пригласил граф Меттерних. Мы провели с ним вечер и часть следующего дня; затем граф вернулся в Теплице, а мы с герцогиней — в Прагу».

Между вечером и частью следующего дня была и часть ночи, и эти минуты Меттерних потом долго вспоминал. На другой день по возвращении в Прагу Заганьская отправила ему письмо: «Благодарю Вас тысячу и тысячу раз за те прекрасные минуты, которые Вы дали мне пережить. Рядом с Вами я чувствую себя уверенно; мне представляется, что со мной ничего не может случиться, так охраняет меня Ваша дружба... Я не знаю, как я Вас люблю, но люблю от всего сердца».

А его ответ?

«... Вы дали мне то, что могли дать. Вы опоили меня счастьем. Я Вас люблю, люблю в сто раз больше, чем собственную жизнь».

Сколько раз еще влюбленный министр станет возвращаться в своих письмах к тем мгновениям в Лоунах! А она? Она будет лишь более или менее холодно (в

зависимости от сиюмоментного настроения) поддакивать ему.

Однако это интермеццо не увело Меттерниха надолго от политики. После возвращения из Лоун 9 сентября 1813 г. он подписал в Теплице новый австро-русский союзнический договор, согласно которому Австрия полностью присоединялась к коалиции, а затем такой же договор — и с Пруссией. Договор с Пруссией был очень важен для нынешней и дальнейшей политики Меттерниха не только потому, что Пруссия еще недавно выступала как военный соперник Австрии, но — и это главное — он имел большое значение для будущего равновесия сил в Европе. Таким договором оба партнера обеспечивали признание и гарантию нерушимости государственных границ, а также военную взаимопомощь в случае нападения извне.

В австро-прусском сотрудничестве Меттерних видел прочную основу европейского равновесия и одновременно защиту от возможного давления как с востока, так и с запада. В договоре был также закреплен роспуск Рейнского союза.

Уже тогда в Теплице начала вырисовываться будущая система союзов на Европейском континенте. Великобритания присоединилась к ней 3 октября 1813 г., подписав союзный договор с Австрией, что также произошло в Теплице. Так появилось соглашение четырех. К коалиции примкнула и колеблющаяся Бавария. Почти в канун битвы у Лейпцига, 6 октября, в Риде был подписан договор, согласно которому Бавария выходила из Рейнского союза и предоставляла свою армию в распоряжение коалиционного командования. Крысы покидали тонущий корабль.

Меттерних, действительно, был хозяином положения, чем раздражал прежде всего русского царя. В своих воспоминаниях Меттерних многократно называл ту пору временем своей дуэли с Наполеоном, однако признавал, что должен был не упускать из виду «своих союзников так же, как и своего противника», и что он вел настоящую войну вовсе не против Наполеона, а против лорда Абердина, царя Александра I и тех, кого называл «Блюхер и другие добрые дураки».

Однако и партнеры Меттерниха не лучше высказывались о нем. Председатель британского правительства лорд Ливерпуль в одной из инструкций для английского посла в Вене лорда Абердина писал: «Я считаю австрийского императора честным человеком, но у него есть министр, которому нельзя доверять, ибо он думает, что вся политика состоит из интриг и трюков».

Сила Меттерниха была не только в интригах и трюках, хотя этим искусством он владел ничуть не хуже остальных. Она заключалась в том, что в конкретной ситуации он умел предложить конкретные решения. А удавалось это ему потому, что он уже начал приобретать необходимое политическое чутье, умел понять взаимосвязь событий, обратить внимание на нюансы ситуации и извлечь из этого наиболее верные, адекватные, оправдывающиеся со временем выводы. По этой же причине Меттерних чаще всего вступал в конфликт с царем Александром, который, наоборот, жаждал немедленных результатов, был нетерпелив, импульсивен, поддавался личным симпатиям и антипатиям. А когда позже Александр к тому же начал ухаживать за герцогиней Заганьской, их столкновения приобрели и личный подтекст.

Спор о том, кто станет главнокомандующим союзных войск, в течение нескольких недель грозил коалиции расколом. Русский царь, войска которого представляли собой самый крупный контингент союзников, претендовал на то, что именно он будет решать, кому поручить этот пост. У него была даже своя кандидатура — легендарный маршал Французской Республики Жан Моро, которого Наполеон, заподозрив в заговоре, а также побаиваясь как слишком сильного соперника, выслал из страны и загнал в Америку. Вот его и призвал к себе на службу Александр I. 16 августа 1813 г. Моро прибыл в Прагу. Царь Александр сразу же посетил его, и, как доносило пражское полицейское управление венскому министру полиции Хагеру, их разговор длился полтора часа.

Меттерних решительно выступил против этого романтического проекта царя Александра, предложив поручить командование всеми войсками Карлу Шварценбергу и начальнику его штаба генералу Радецкому. И сделал это довольно жестко: принятием австрийской кандидатуры обуславливалось само участие Австрии в коалиции.

Высокий спор решила сама судьба. Накануне битвы у Дрездена 27 августа во время совещания штаба союзников Моро был ранен шрапнелью. Фельдшеры ампутировали ему обе ноги, его на носилках перевезли в Лоуны, и 2 сентября он там скончался. Царь приказал забальзамировать его тело и отправить в Петербург. Так Меттерних в конце концов выиграл этот раунд.

Трехдневная битва под Лейпцигом 16—18 октября 1813 г. прервала раздоры союзников по коалиции. «Битва народов», в которой сошлось более полумиллиона солдат, была ожесточенной, обессиливающей и кровавой. Французы мужественно сражались, но не смогли устоять против численного перевеса противника. В первый день их 150-тысячная армия сдерживала напор 220 тысяч австрийских и прусских солдат. На следующий день в битву вступили русские войска и шведский корпус генерала Бернадота. Французы держались из последних сил, но, когда на сторону коалиционных войск перешел весь саксонский армейский корпус, результат стал ясен. Армия Наполеона начала отступать к Рейну. В начале декабря 1813 года последние остатки французской армии переправились через Рейн на французскую территорию.

Поражение под Лейпцигом нанесло сокрушительный удар по власти Наполеона в Европе. Рейнский союз распался, а государства — его члены перешли, как несколько раньше Бавария, на сторону коалиции. Вестфальское королевство, которое Наполеон создал для своего брата Жерома, перестало существовать. Пришел конец и французскому господству в Нидерландах. 70-тысячная армия Веллингтона, сражавшаяся вместе с повстанцами против французов в Испании, в октябре перешла Пиренеи и двигалась на восток.

Влюбленный Меттерних создал между Прагой и Ратиборжицами (в зависимости от того, где находилась Вильгельмина) и теми местами, куда перемещался Генеральный штаб союзников, своего рода курьерский мост. Герцогиня стала одной из наиболее информированных в делах войны и политики персон. Вместе с ежедневными бюллетенями курьеры привозили ей и письма министра. Из них она узнавала подробности о битвах. Вильгельмина хочет также знать, как себя чувствуют друзья. Особое беспокойство она проявляет о молодом Альфреде Виндишгретце, что, в свою очередь, вызывает у Меттерниха приступы ревности. 18 октября в 11 часов вечера он писал ей из Гетена близ Лейпцига: «У Альфреда все в порядке, мой друг, а мы выиграли всемирную битву».

В одном из дальнейших писем он упоминает о небольшом эпизоде сражения: «18 [октября] я радовался одному из моих самых прекрасных триумфов. В 6 часов утра пришел Мервельдт, которому Н. [Наполеон] поручил попросить пощады. Мы же ответили ему огромной победой».

Слова о пощаде автор письма подчеркнул, гордясь тем, что Наполеон обратился именно к нему, Меттерниху, а не к кому-нибудь другому. И надменный Меттерних вдруг поверил в то, что это он целый ряд лет готовил победу. Он пишет Вильгельмине: «Десять лет назад, милый друг, я заложил первые камни в основу великого строения.., фундамент сооружения был мною заложен в 1805 году, когда мои предшественники потеряли государство; я прошел через все сложности.., наконец, пробил мой час; я торжествую...»

Мервельдт был пленным австрийским генералом, которого Наполеон послал с предложением о перемирии. Опьяненный боевыми успехами, Меттерних проглядел определенную возможность для переговоров на основе недавних рейхенбахских условий. Однако через несколько дней он это осознал и 29 октября предложил царю Александру послать с пленным французом ответ Наполеону, в котором было бы заявлено, что возможен мир, а вовсе не перемирие, если бы французы отошли за свои исторические границы между Рейном и Пиренеями. Этот шаг не мог иметь успеха, так как Наполеон вряд ли бы согласился с подобными условиями да и Великобритания не допустила бы мира в тот момент, когда Наполеон был близок к падению. В Лондоне весь этот эпизод вызвал лишь новую волну подозрений в отношении Меттерниха.

Согласно сведениям Меттерниха, с 16 по 20 октября французы потеряли более 60 тысяч человек, 300 пушек и много другого снаряжения. Из Веймара он снова пишет: «Наполеон отступает и отступает... Начинаю думать, что я был бы лучшим генералом, чем он. Тесним его к Рейну».

Лейпцигская битва сопровождалась жестокими последствиями. Тысячи раненых отвозили в тыл, главным образом в Чехию, местным крестьянам было велено приезжать с телегами прямо на поле боя. Распространились болезни, шайки солдат занимались грабежами.

А Меттерниха ждал еще один триумф. Франц сделал его наследственным князем. Утром 27 октября в Дорнгейме под Арнштадтом император вызвал его к себе и передал собственноручно написанную грамоту. В тот же день Меттерних сообщил об этом Вильгельмине: «...он мне сказал, что желал бы доказать Европе, что это я прямо способствовал его благу и благу Австрии.., и попросил меня дать обещание, что в течение его жизни я

не покину его... Император написал дату на грамоте, чтобы я запомнил этот прекрасный день».

В дополнение к этому Меттерних получил еще подарок — роскошную карету с княжеским гербом; ее и сегодня можно увидеть в замке Кинжварт. Это был действительно триумф. А события неслись дальше...

Прежде всего продолжались споры с царем Александром. Чем дальше, тем чаще Вильгельмине приходилось читать об их столкновениях. «Сегодня у меня был трудный день, — писал Меттерних 25 октября. — По меньшей мере три часа я ругался с твоим прекрасным императором. Я журил его, как своего сына, когда тот делает что-то плохо... Результатом моего урока будет то, что по крайней мере на неделю он воздержится от глупостей, а потом начнет делать их снова, и мне придется опять читать ему нотации. И такую роль я играю вот уже два месяца».

На сей раз дело было серьезнее. 19 октября 1813 г. в Лейпциге царь Александр назначил своего протеже барона Штейна председателем административного совета завоеванных немецких территорий. В совете были деятели народной партии, организовавшей в Германии революцию. Уже от одного имени Штейна на австрийского министра веяло революцией, хотя сам барон был от нее далек. В этом шаге Александра Меттерних усмотрел угрозу европейским структурам, которые он стремился восстановить и сохранить в предреволюционном виде. Меттерних был нетерпим к прусскому национальному движению, восстания против короля вызывали его глубокую неприязнь. Приветствуя антинаполеоновское движение, он с подозрением смотрел на партизанскую войну, не принимал поэтов Корнера и Арндта, композитора Вебера, сочинявших патриотические песни, а тайную организацию Тугендбунд считал опасным сборищем безумных радикалов. Когда же в феврале 1813 года король Фридрих-Вильгельм под давлением национально-освободительного движения перешел на сторону коалиции и, призывая население сбросить французское господство, пообещал, хотя и весьма туманно, провести после окончания войны широкие реформы и издать конституцию, Меттерниху все эти посулы показались чистым сумасшествием.

И вот ныне русский царь назначает главной персоной в Пруссии именно сторонника прусских национальных и либерально-буржуазных течений. Меттерних уступил,

как он написал, «только после великого сопротивления». В письме Вильгельмине он отвел душу, высмеяв в отместку прусского посла Гумбольдта, который якобы только и делает, что бегает по трактирам за девчонками, заставляет «старых баб танцевать совсем голыми» да еще к тому же постоянно с ним спорит.

По письмам Заганьской можно проследить, где останавливался штаб союзников. Из Лейпцига Меттерних поехал в Геру, оттуда в Веймар, а потом через Дорнгейм и Шмалкалден в Дернбак, Фульду и наконец 4 ноября 1813 г. добрался до Франкфурта-на-Майне. Здесь штаб расквартировался на длительное время. Предстояло решить, что делать дальше, и определить цель военного похода.

Было похоже, что во Франкфурте все это пестрое общество, образованное свитами государей-союзников, останется на зиму. Когда об этом узнали дамы в Праге, они пришли в восторг. Вильгельмина написала: «Здесь все рассчитывают на Франкфурт этой зимой. Кое-кто собирается отправиться туда, и мне такая мысль нравится...»

Ныне союзники продвигались к Франкфурту по той же дороге, по которой перед этим бежал Наполеон, переодетый в гражданское платье и окруженный своей 50-тысячной гвардией. Меттерних фиксировал детали этого бегства: сведения, поступавшие к нему от местного населения, французских пленных, дезертиров, раненых, говорили о том, что силы Наполеона на исходе.

На 6 ноября Меттерних назначил торжественный въезд во Франкфурт своего императора Франца I во главе элитных частей австрийской армии, в город, где тот в 1792 году принял корону Карла Великого, корону императора Римской империи немецкой нации, которую Наполеон так легко разрушил. По этому поводу были даны оружейные залпы, в костеле Святого Варфоломея отслужили мессу. Вокруг торжества было полно шума, прибыло много известных персон, улицы заполнило около ста тысяч человек.

Меттерних решил вызвать к себе из Праги своего помощника Гентца; он предполагал развернуть против противника психологическую войну на его собственной территории. Вильгельмине Меттерних написал: «Если мне удастся организовать что-нибудь абсолютно компрометирующее, чтобы ты смогла быть поблизости, положись на меня». Они все еще скрывали свои отношения,

хотя, судя по всему, усилия их были уже совершенно напрасными. А как Меттерних прогнозировал развитие дальнейших событий? «Если Бог мне поможет, то не позже, чем через три месяца, мы получим мир».

Франкфурт — город юности Меттерниха. В письме Вильгельмине он вспоминает, каким этот город был двадцать лет назад, и с ужасом описывает свою нынешнюю поездку сюда из Лейпцига: «Через каждые десять шагов мы наталкивались на мертвого, или умирающего, или пленного, чей вид страшнее, чем у мертвого... Через такие вот развалины и пролег весь путь Наполеона от Москвы до Франкфурта».

Меттерних часто вспоминал Франкфурт и позже таким, каким он его увидел в конце 1813 года. Здесь он впервые оказался в центре внимания «света». В его приемной толпились князьки мелких рейнских государств, которые поспешно переходили от Наполеона на сторону коалиции. В письме Вильгельмине от 10 ноября мы читаем: «В течение трех дней я заключил 14 союзных договоров». Здесь можно было увидеть и банкиров, и других посетителей самого различного рода. Размолвки с Александром на некоторое время утихли еще и потому, что во Франкфурте русский царь воспылал нежными чувствами к жене местного банкира Мориса Бетмана. Разумеется, Меттерних сразу же и не без злорадства сообщил об этом Заганьской.

Здесь же, во Франкфурте, где находились наиболее известные тогдашние банки, наконец удалось и семье Ротшильдов обосноваться в непосредственной близости от австрийского министра и тем самым подготовить свое вступление на австрийский денежный рынок. Хотя для этого им еще потребовалось некоторое время — до лета 1814 года, результат, тем не менее, оказался весьма благоприятным. Амшел Ротшильд стал в конце концов даже приятелем Меттерниха, а в более поздние годы вел его финансовые дела.

На войне с Наполеоном банкиры отлично заработали, и семья Ротшильдов, уже три поколения которой занимались этим ремеслом, оказалась в особо выгодном положении, так как один из пяти братьев, Натан, был на хорошем счету у правящей верхушки в Лондоне, другой действовал в Гамбурге, Джеймс обосновался в Париже, а самый ловкий из них — Амшел вместе с братом Карлом вели материнское предприятие во Франкфурте. Лондонский Натан через знакомых нашел путь к британскому

министру финансов, и ему поручили перевод части английских денег, предназначенных сражающимся на континенте войскам. Так как перевозить наличные через Ла-Манш или Веллингтону в Испанию было опасно, лондонский Ротшильд стал производить эту операцию через своих братьев на континенте и брать за это обычные двухпроцентные комиссионные. Ротшильды особенно прославились, когда Веллингтон, постоянно осаждавший Лондон просьбами о высылке средств, пересек границу Испании и оказался на французской территории, где ему потребовались французские деньги. Тогда франкфуртский Амшел вместе с Карлом приобрели с необходимой осмотрительностью нужную сумму главным образом на голландской территории и с помощью парижского Джеймса Ротшильда переправили ее на корабле вдоль побережья Франции Веллингтону, а их брат инкассировал всю сумму в фунтах. Английский первый министр, он же хранитель казны, то бишь министр финансов, лорд Ливерпуль пришел в восторг от этой великолепно проведенной операции.

Ротшильдам хотелось бы взять в свои руки и перевод денежной помощи (субсидий) английского правительства странам антинаполеоновской коалиции. Еще по рейхенбахской конвенции Великобритания обязалась предоставить помощь Пруссии в размере 666 666 фунтов стерлингов на ее 80-тысячную армию, а России — в два раза больше на вдвое большее число солдат. После 10 августа, когда Австрия вступила в войну с Францией, помощь была обещана и ей. После подписания 3 октября 1813 г. в Теплице союзного договора между Великобританией и Австрией первая обязалась выплатить второй даже целый миллион фунтов стерлингов в виде ежемесячных перечислений, за что последняя взялась поставить 150 тысяч солдат. Для перевода этих средств в австрийскую казну объединились все четыре венских банкирских дома.

Воспользовавшись присутствием Меттерниха во Франкфурте, Ротшильды стали искать подходы к нему. Среди чиновников, окружавших австрийского министра, они нашли старого знакомого, вице-президента австрийской придворной палаты свободного господина Барбье, которому было поручено следить за финансовым хозяйством в тылу армии. Амшел Ротшильд попросил Барбье изыскать какую-нибудь возможность и представить его Меттерниху.

Ротшильды всегда умели мыслить концептуально и смотреть далеко вперед. Звезда Меттерниха восходила, о нем говорил весь мир, и было ясно, что это лишь начало его карьеры. Меттерних к тому же отличался еще одной привлекательной для Ротшильдов чертой: он с легким сердцем тратил огромные суммы и вообще не очень заботился о своих финансовых делах. Но в игре были и конкуренты. Австрийский министр уже давно пользовался услугами франкфуртских банкирских домов Бетмана и братьев Мюлен.

Не будучи силен в финансовой области, Меттерних прислушивался к советам Гентца, который в частной жизни был еще более слабым экономистом, чем его начальник, но сам, однако, некогда занимался финансами теоретически, а некоторые его сочинения по этой части были даже переведены на английский язык. Именно в Лондоне Гентц и познакомился с Ротшильдами. Гентца еще не было во Франкфурте, но он поддерживал с Меттернихом переписку. Посредничеством этих двух людей — Барбье и Гентца — и воспользовались Ротшильды.

Выплата крупных сумм английских субсидий в конце 1813 года неблагоприятным образом отразилась на курсе английского фунта. Австрийский министр финансов граф Угарт был вынужден предостеречь Меттерниха, обратив его внимание на то, что при оплате векселей падение курса фунта стерлингов приводит к потере трети их изначальной стоимости. В это же время Меттерних получил от своего лондонского посла сообщение, что министерство финансов обращает его внимание на неумелые действия венских банкирских домов при реализации английских субсидий. Все четыре банка в один и тот же день и в одном и том же месте предложили к оплате векселя, что мгновенно снизило курс фунта, а императорская казна потеряла тысячи.

В итоге при содействии Гентца и Барбье и с помощью Лондона, где Ротшильды пользовались ныне большой политической поддержкой, франкфуртский банк Ротшильдов получил право посредничества при выплате последних частей английской субсидии Австрии. Так Ротшильды закрепились и в Вене, где затем стали играть немаловажную роль, и в жизни Меттерниха.

В ноябре и в декабре 1813 года Меттерних писал герцогине Заганьской из Франкфурта по меньшей мере одно многостраничное письмо в день, но бывали и такие дни, когда он отправлял ей и целых два послания. Писал

он обычно вечером, в полночь или утром. 19 декабря он закончил свое послание такими словами: «Кончаю, писать дальше не могу, потому что в комнату входит Шварценберг. Блюхер появится с минуты на минуту: речь пойдет о том, чтобы не делать глупостей...»

В это время союзники договаривались о дальнейших действиях: как определить цель войны, где нанести решающий удар по Наполеону. Меттерних, понятно, был сторонником сравнительно осторожного плана, предложенного Шварценбергом и Радецким, в то время как прусский маршал Блюхер, жаждавший мести и рвавшийся захватить Париж, предлагал послать войска стремительным броском на Верден, а затем идти прямо на Париж. Меттерних отвергал план Блюхера, но и у австрийского плана появился критик — царь Александр.

План Шварценберга заключался в проведении решающего наступления по трем направлениям: правое крыло должно быть направлено на Лотарингию и Арденны, центр — продвигаться вперед через Швейцарию, а левый фланг — взять Лион.

Однако царь Александр настаивал на соблюдении нейтралитета Швейцарии. Этот сентиментальный политик дал, оказывается, обещание своим швейцарским друзьям (его воспитателем был швейцарец, автор пользовавшихся тогда успехом у читателей «Статей о литературе» Фредерик Сезар Лагарп) и своей сестре Екатерине, которая тоже росла под опекой швейцарской воспитательницы, что война обойдет эту страну стороной. Меттерних гневался, Александр стоял на своем. Только на военном совете, где Меттерних в блистательном выступлении изложил преимущества австрийского плана, подчеркнув, что его поддерживает и австрийский император, русский царь, оказавшись в одиночестве, уступил, но с условием, что швейцарцы «не будут создавать трудностей и дадут согласие на переход войск по мосту в Базеле».

В конце концов в корпусах, которые продвигались через Швейцарию, не было ни одного русского солдата. А когда 22 декабря 1813 г. царь узнал об успешном переходе союзников через Рейн в районе Базеля, он сказал, обращаясь к Меттерниху: «Вы причинили мне неутешимую боль».

Для проведения своей политики Меттерних и желать не мог более благоприятной обстановки, чем та, что создалась во Франкфурте. Совместное ведение войны собрало здесь трех государей, их министров иностранных

дел, ряд послов, высшее военное командование, Генеральный штаб. В этой среде австрийский министр чувствовал себя как рыба в воде. Меттерних был кабинетным политиком, мастером личной дипломатии. Он умел польстить, но мог быть и жестким. Во Франкфурте он проводил долгие вечера в обществе царя Александра, ведя разговоры о чем угодно, часто и о госпоже Заганьской, лишь ради того, чтобы с помощью красноречия навязать царю свои представления об устройстве послевоенной Европы. У царя он вызывал смешанные чувства, в которых соседствовали и восхищение, и зависть, и ревность. Тем не менее Меттерниху удавалось хоть слегка, но обрабатывать царя. Он даже поспешил сообщить Заганьской, что царь якобы сказал: с таким министром, как Меттерних, он не побоялся бы пойти и на завоевание мира.

Во всем этом круговороте проблем, частных интересов, о которых Меттерних знал, но которые пока что сдерживались необходимостью вести совместную борьбу против Наполеона, первый австрийский министр ни на минуту не забывал, что за всем происходящим следит Британия, пусть пока со стороны, но, тем не менее, весьма заинтересованно. В главном штабе войск коалиции во Франкфурте у английского правительства было три наблюдателя — посол в Пруссии сэр Чарльз Стюарт, посол в России лорд Катхарт, брат английского министра иностранных дел лорда Кэстлри, и посол при венском дворе лорд Абердин. Последний был еще неопытным молодым человеком 21 года отроду, полностью поддавшимся обаянию Меттерниха. Стюарт и Катхарт, бывшие военные, первый — довольно легкомысленный насмешник, а другой — неторопливый флегматик. Как уж это бывает, между ними возникло соперничество, чем Меттерних умело пользовался, однако слухи, дошедшие об этом до Лондона, вызвали там неудовольствие.

А потому в письме от 3 января 1814 г. Меттерних неожиданно сообщил Заганьской из немецкого Фрейбурга: «Курьер, который прибыл вчера из Лондона, привез весть, что лорд Кэстлри явится сюда через пару дней. Вот видишь, Европа начала объединяться вокруг того малого очага деятельности, который возник на твоих глазах... Министр иностранных дел Англии, направляющийся на континент, это, вне всякого сомнения, исключительное событие в истории Великобритании».

Действительно, тогда это был чрезвычайный шаг, предпринять который английское правительство решилось 20 декабря 1813 г. Отнюдь не в английских традициях было посылать своего министра иностранных дел в Европу. Для такого шага должен существовать веский довод.

Доводы были. Прежде всего лорд Абердин, поддавшийся обаянию Меттерниха, безоговорочно одобрял его политику. Лорд Катхарт неизменно отмечал в своих донесениях в Лондон, что «Меттерних весьма внимателен к лорду Абердину». И подлинную бурю возмущения здесь вызвало сообщение о том, что в предварительный проект возможных переговоров с Наполеоном попал и вопрос о признании морских прав Англии. Признании? Великая держава ни с кем не обязана обсуждать основы своего существования!

Приходили в Лондон и другие вести. Великобритании была далеко не безразлична дальнейшая судьба Голландии и порта Антверпен, так как именно с этой стороны островная держава была наиболее уязвима. В то время как Англия считала необходимым разрушить могущество Наполеона до основания, ее европейские партнеры, за исключением Пруссии, допускали возможность лишь уменьшения империи Бонапарта, ограничения ее пределами старых границ Франции. Почта в Лондон и обратно шла порой и десять дней, так что инструкции английским послам чаще всего приходили с опозданием. Все это и побудило британского министра иностранных дел подняться 28 декабря на палубу корабля и взять курс на Европу, в главный штаб союзных войск, к государям-союзникам.

Лорд Кэстлри был полной противоположностью Меттерниха, тем не менее им обоим удалось создать в Европе систему равновесия сил, позволившую не только сохранить на континенте старый порядок на долгие годы, но и обеспечить здесь довольно длительный мир.

Кэстлри, коренастый человек, ирландский дворянин по происхождению, был на четыре года старше Меттерниха. Убежденный консерватор, оранжист и протестант, он когда-то, влюбившись в дочь рыбака, дрался за нее с соперником, как старый викинг, с топором в руках. Это был романтик, в молодости находившийся под большим влиянием старых скандинавских легенд и исторических романов Вальтера Скотта.

К европейским государям он добрался 18 января 1814 г. (в то время все они уже были в Базеле на Рейне). Его первая

встреча с Меттернихом состоялась на следующий день в 10 часов утра, затем они беседовали еще раз вечером. Уже в полночь Меттерних делился своими впечатлениями в письме к Заганьской. После двухдневных бесед стало ясно, что эти два столь разных человека имеют близкие, если не сказать тождественные, позиции и взгляды на дальнейшее развитие европейских дел. В письме Вильгельмине от 21 января 1814 г. Меттерних это выразил так: «Мир изменил свой облик. Он уже не тот, что был еще несколько месяцев назад, он никогда не станет таким, каким был в прошлом. Лорд Кэстлри очень доволен мной. Мы с ним так близки, словно провели вместе всю жизнь. Он невозмутим, рассудителен, и сердце у него — на правильном месте; это настоящий мужчина с холодной головой на плечах. Как только я обнаружил эти два качества, я успокоился: если бы недоставало хотя бы одного из них, мне бы это мешало».

Сходство взглядов с этим человеком в синем камзоле и красных штанах («одевается по моде 1780 года», — отметил Меттерних в письме Вильгельмине) было существенно для дальнейшего развития коалиционной политики.

«Результат всего этого, — продолжал Меттерних, — таков: достаточно будет нескольких недель, чтобы определить судьбу мира».

Однако все обстояло не настолько просто. Кэстлри знал о попытке Меттерниха завязать с Наполеоном переговоры после битвы у Лейпцига, и в ходе всей парижской военной операции он опасался чего-нибудь подобного. Ему хорошо работалось с Меттернихом, но он, тем не менее, не исключал возможности, что австрийский министр окажется способен пойти на сепаратный мир с французским императором.

И действительно, в одном, пожалуй, самом начальном варианте размышлений о европейском равновесии Меттерних брал в расчет и самого Наполеона как французского государя, хотя и с основательно подрезанными крыльями. Несколькими месяцами позже, будучи в Вене, он проговорился об этом. Вылетевшие из его уст слова о том, что он сознавал, какие настанут трудности с разделом наполеоновского имущества, а потому хотел его сохранить, не миновали ушей княгини Багратион. «Это ключ к моей политике; я хотел бы его несколько уменьшить, но сохранить».

Такая идея была не слишком популярной и, честно говоря, не вызвала бы восторгов даже в самом Париже. Там, главным образом вокруг Талейрана, сплачивалась

влиятельная оппозиция, ждавшая, когда настанет ее день. Талейран дал понять, что не верит в дело Наполеона, еще в ноябре 1813 года, когда французский император несколько раз передавал ему через Коленкура предложение занять пост министра иностранных дел, а он его отвергал. Действительно, когда к концу 1813 года Наполеон оказался в полной дипломатической изоляции, все ему советовали вновь призвать Талейрана: только он, пожалуй, сумел бы прорвать эту изоляцию.

По поручению Наполеона Коленкур несколько раз приезжал к князю, но получал неизменный и окончательный ответ, что тот не хочет присоединяться «к планам и снам, которые вот уже четыре года губят Францию».

20 ноября 1813 г. Наполеон назначил Коленкура новым министром иностранных дел.

Современник записал слова, произнесенные Талейраном на Рождество 1813 года в одном из парижских салонов по адресу Наполеона: «Его самая большая боль, против которой нет лекарства, это изоляция. Он один, как того и хотел, во всей Европе. Но что это по сравнению с тем одиночеством, которое окружает его во Франции? Что толку в силе и страсти, если они не признают советов и тогда, когда страсть остается, а силы уходят? Он оказался в пустоте. Никто ему не перечит, но никто его и не поддерживает...»

9 января 1814 г. неожиданно, без всякого предварительного оповещения, министр Коленкур появился у передовых линий союзников. Его доставили в ставку, где он передал предложение Наполеона начать переговоры. Императору было велено сообщить, что ответ будет дан, как только прибудет английский министр Кэстлри.

Предложение Наполеона вызвало жаркие споры между союзниками. Для русского царя и для Пруссии оно было признаком утраты власти французским императором, и поэтому царь считал необходимым, несмотря на зиму, немедленно двинуть войска на Париж. Меттерних был за переговоры, хотя и полагал, что время для них еще не пришло.

Дело в том, что лисицу еще не загнали. Наполеон опять был в войсках и одержал на французской земле несколько побед, пусть и частных, в которых снова засверкало его военное мастерство. С остатками своих полков он громил союзные армии. 31 января 1814 г. ему удалось нанести поражение прусскому маршалу Блюхе-

ру, у которого потом возникло сильное желание разграбить Париж. В феврале Наполеон добился еще нескольких побед, быстрыми маршами он изматывал превосходящие силы противника. Однако Талейран в Париже уже готовил его свержение...

Кэстлри тем временем прибыл в штаб войск коалиции и согласился, чтобы союзники все-таки предложили Наполеону начать мирные переговоры, но на значительно более жестких условиях.

3 февраля 1814 г. в швейцарском городе Шатильоне собралась конференция, на которой новому французскому министру иностранных дел Коленкуру были сообщены эти условия. Наполеону предлагалось сохранение империи в границах 1792 года. Была также сделана последняя попытка привлечь его на сторону мира, который означал бы и установление европейского равновесия.

Наполеон был разгневан. Он ничего не видел, не слышал и не хотел знать, принимая за реальность собственные мечты и иллюзии. Однако при всем этом он не преминул затеять с коалицией игру в проволочки, затянувшуюся до второй половины марта. А военные сражения тем временем продолжались.

В результате конгресс в Шатильоне превратился в серию дебатов об отношениях между союзниками и их военных целях. Причем договориться о чем-либо было невозможно еще и потому, что представитель царя не имел полномочий подписывать документы. «Наша деятельность здесь приобрела характер плохой комедии», — написал Стадион Меттерниху. В конце концов царь лишил дальнейшие переговоры всякого смысла, без стеснения заявив партнерам, что для него не может быть и речи о мире с Наполеоном и что он готов идти на Париж. Царь, очевидно, уже видел себя на Елисейских полях принимающим военный парад.

Во время переговоров Кэстлри получил от своих агентов непроверенное сообщение, будто Меттерних, который сам в Шатильонском конгрессе не участвовал, послав туда Стадиона, установил какой-то контакт с Коленкуром. Английский министр решил провести основательное расследование. В расположенном неподалеку Шомоне он призвал союзников заключить договор, обязывающий всех действовать согласованно до полной победы. В случае, если кто-нибудь предпримет попытку заключить сепаратное соглашение с

Наполеоном, Великобритания немедленно прекращает оказывать финансовую помощь нарушителю.

Выяснилось, что Кэстлри теперь стремится уже не только к сохранению единства союзников, но и к созданию необходимых предпосылок для будущего равновесия в Европе. Он формулировал это как выбор: или «заключение мира на наших условиях, или обеспечение мира путем свержения Наполеона». Целью вступления армий союзников во Францию объявлялось не изменение формы власти, а установление «мира, которого было невозможно достичь на Рейне». В этом пункте австрийская и британская позиции сближались.

4 марта 1814 г. Великобритания, Австрия, Россия и Пруссия подписали так называемый Шомонский трактат, в котором прежде всего подтверждалась готовность продолжить войну против Франции. Союзники договорились, что каждый выставит армию не менее чем в 150 тысяч человек, а Великобритания окажет помощь в размере до 5 миллионов фунтов стерлингов. Участники обменялись обещанием, что никто из них не заключит с Францией сепаратного мира. Это была, скажем так, обычная, традиционная часть договора.

Союзники учли также то, что и после поражения Наполеона угроза со стороны Франции может сохраниться. Поэтому каждый из них обязывался в течение двадцати лет содержать 60-тысячную армию с учетом возможной французской агрессии. Только Британия выговорила себе исключение: вместо создания собственной армии она станет выплачивать союзникам определенную сумму в фунтах стерлингов, эквивалентную расходам на содержание армии определенной численности.

В политической части договора явственно отразились как цели, преследуемые Меттернихом, так и интересы, представленные Кэстлри. Союзники согласились, что Испания, Швейцария, Италия, Германия и Голландия получат независимость. Что касается Голландии, то ее территория должна быть расширена и должна обрести «соединенные границы» (за этой формулировкой скрывалось желание Англии присоединить к Голландии район Антверпена и Бельгию). На германских землях должна была возникнуть конфедерация независимых суверенных немецких государств; этим условием Меттерних, по крайней мере на одно поколение, ставил преграду прусскому стремлению к объединению Германии под своим главенством.

Шомонский трактат представлял собой уже вполне современный союзнический договор: возник союз держав, направленный против нарушителя европейской стабильности. Меттерних сделал еще один шаг в упорном стремлении реализовать собственные планы, в то время как для Кэстлри договор являлся актом сатисфакции: после 20 лет изоляции его островная страна вновь укрепляла свое положение на континенте как одна из важнейших европейских держав.

Лишь Россия пока что оставалась без «прибыли». Пока. О Польше в договоре не было ни слова, так как Александр I еще не раскрыл свои планы.

При подписании договора четыре министра иностранных дел сидели вокруг круглого стола, предназначенного для виста. Эта маленькая случайность была затем многократно обыграна дипломатией.

Оставался вопрос, будет ли мир с Францией подписан с Наполеоном или без него. Возможность принятия Бонапартом условий союзников все еще сохранялась, хотя мало кто в это верил.

Наполеон отверг свой последний шанс, ибо фанатику проще пойти на самоубийство, чем на капитуляцию. В результате война стала тотальной — до полного уничтожения противника.

Войну может завершить или перемирие, или капитуляция, но предпосылкой мира служит равновесие. Основной закон войны — насилие, основная норма мира — стабильность. Однако стабильность невозможна, если при заключении мира требования одних стран удовлетворяются за счет других; и, наоборот, она возникает тогда, когда все государства умеряют свои запросы, все в чем-то не удовлетворены, но и все что-то приобретают. Для достижения этого политику необходимо понимание неизбежности компромисса, чувство сдержанности. Русский царь такими качествами не обладал, однако Кэстлри и Меттерних заставили коалицию пойти на компромисс и проявить сдержанность. Когда 17 марта 1814 г. закончился конгресс в Шатильоне, союзники покидали его с сознанием, что Шомонский трактат станет основой для сохранения большого альянса и что теперь ближайшей целью будет полное поражение Наполеона.

Впервые Меттерних ощущал усталость и по несколько раз перечитывал слова Вильгельмины Заганьской: «Будьте отважны, мой друг! Что бы мы все делали без Вас?» Поздно ночью он возвращался к

себе домой, или заходил к доктору Пистолету (не правда ли, прекрасное имя, чтобы поострить в письмах?), или просиживал часы у нотариуса Пастета. Придя домой, он присаживался к столу и писал своей любимой длинные письма. Так, 14 марта 1814 г. в два часа ночи он делился с Вильгельминой своими мыслями: «Еще несколько дней и немного мудрости, и великое дело будет завершено». Упоминал и о нотариусе Пастете, который рассказывал ему страшные истории. «Он меня уверял, — писал Меттерних, — что его уже шесть раз грабили. Это доказывает, возражал я ему, что пять раз вас грабили недостаточно основательно...»

Меттерних со своим императором отправился в Дижон, куда они наконец добрались после нескольких остановок в пути и пробыли там две недели. 25 марта Клеменс описал Вильгельмине безнадежное положение Наполеона, который со своей примерно 70-тысячной изнуренной армией отступал к Парижу: «Блюхер и Шварценберг с 220 тысячами солдат находятся между ним и Парижем. У нас 90—100 тысяч человек между Лионом и Дижоном. У Веллингтона в Бордо 100-тысячная армия...»

А 7 апреля, за день до отречения Наполеона, он сообщил из Дижона: «Великая революция закончена. Теперь ты видишь, Н. [Наполеон] уже ничто. Какое падение, мой друг!»

В письмах, которые Меттерних посылал в Вену из Франции, обращалось внимание на примечательный факт: повсюду люди их приветствовали, большинство выказывало роялистские симпатии. Хотя он и не позволял сбить себя с толку такими проявлениями, тем не менее пришел к выводу, что возвращение Бурбонов не встретило бы, очевидно, большого сопротивления, как он предполагал раньше. Меттерних даже поручил анализировать общественное мнение, хотя не раз предостерегал своих партнеров, говоря, что Париж — это еще не Франция.

Почему, однако, Меттерних не мчится в этот момент в Париж, почему и его император уступает дорогу царю Александру, чтобы тот мог 31 марта 1814 г. въехать на белом коне во главе союзных войск во французскую столицу, которую маршал Мармон по настоянию Талейрана сдал без боя? Меттерних, до той поры бывший душой и активным началом коалиции, въехал в ворота Парижа только вечером 10 апреля. Он поселился на

Елисейских полях в гостинице «Себастьян», а император Франц I — в фешенебельной «Боргезе». В результате Меттерних пропустил несколько встреч, интриг и решений.

Похоже, что и австрийский император не хотел участвовать в событиях, непосредственно связанных с падением своего зятя, а может быть, колебался, не зная, какую судьбу он уготовит своей дочери Марии Луизе и своему внуку — Наполеону II, трагическому Орленку, позже ставшему герцогом Рейхштадским.

А в Париже в это время все вертелось вокруг царя Александра, войска которого заняли город, но не грабили его, как того хотелось прусскому маршалу Блюхеру. Александр не мстил за сожженную Наполеоном страну, чего так опасались парижане. У французов центральной фигурой вновь стал известный мастер смены политического платья — Талейран, который с 28 марта агитировал сенаторов за возвращение на трон Бурбонов. Как и после любого переворота, политики, сенаторы, генералы лихорадочно выискивали, к какой из общественных сил примкнуть, чтобы удержаться у власти и сохранить житейские блага. А старая лиса Талейран, ничтоже сумняшеся, стал распространять слухи, будто русские пощадили Париж лишь потому, что он, Талейран, пообещал Александру вернуть на трон Бурбонов. Люди ему верили, так как не знали, что молодой царь вовсе не любит Бурбонов, что в нем растет желание быть великодушным к Наполеону и что он с большей радостью увидел бы на французском троне сына Марии Луизы — Наполеона II.

31 марта 1814 г. во дворце у Талейрана на банкете собрались царь Александр I, прусский король, Шварценберг, Лихтенштейн, Нессельроде и корсиканец Поццо ди Борго, в молодости друг Бонапарта, а позже — его непримиримый противник, советник Александра по французским делам, и другие. Здесь была сформулирована и подписана декларация о том, что союзники не станут вести никаких переговоров ни с Наполеоном, ни с его семьей, а признают любое новое общественное устройство, которое предпочтет французский народ. К декларации был присоединен и обращенный к сенату призыв назначить временное правительство.

Талейран, который уже длительное время поддерживал связь с Бурбонами и чьи слова «Бурбоны или Наполеон» были общеизвестны, убеждал Александра, что вся Франция желает возвращения старой династии. «Как

я могу убедиться, что Франция хочет Бурбонов?» — недоверчиво спросил царь Талейрана. «Так решит Сенат, Ваше Величество, и такое решение я берусь организовать, результаты вы сможете скоро увидеть», — не моргнув глазом, отвечал Талейран. «Вы в этом убеждены?» — все еще сомневался царь. «Я ручаюсь за это, Ваше Величество!»

Талейран хорошо знал депутатов, привыкших голосовать за что угодно и слушаться приказов любого, кто имеет власть. Он позволил Сенату назначить себя главой временного правительства, состоявшего из 5 членов, и ловко подготовил вступление на трон Людовика XVIII. Александр I колебался. В разговорах он несколько раз упоминал, что мог бы себе представить на французском троне Бернадота, Наполеона II и Марию Луизу как регентшу, в расчет брался и приемный сын Наполеона Эжен Богарне. Но на все эти варианты Талейран отвечал одно: «Или Людовик XVIII, или Наполеон! Это — принцип, а все остальное — интриги».

Говоря о принципе, Талейран имел в виду принцип легитимизма, законности, легитимности притязаний Бурбонов на трон, и этот принцип он, человек совершенно беспринципный, сделал на будущих переговорах своим главным аргументом и главным оружием.

Тем временем Наполеон, спеша с войсками в Париж, остановился в замке Фонтенбло, где собрал почти 60 тысяч солдат. Когда же Бонапарт узнал о переходе войск генерала Мармона на сторону союзников и понял, что военная обстановка для него безнадежна, то здесь же, в Фонтенбло, 6 апреля 1814 г. он подписал отречение от престола. Александр, по совершенно непонятным причинам проявивший великодушие к Наполеону, добился, чтобы ему был сохранен его императорский титул и дан во владение остров Эльба, расположенный не так уж далеко (что было опасно) от французских берегов. Против высказались сначала Талейран, а затем и Меттерних.

Все это произошло в отсутствие Меттерниха. В первом письме Вильгельмине, отправленном из Парижа 13 апреля 1814 г., он, приглашая ее приехать, так описывает свои впечатления: «Здесь все спокойно, словно бы и не было войны. Бульвары полны народа — щёгали, гусары, дамы под вуалями и казаки, кареты и наемные дрожки... Все друг с другом знакомы и друг друга сердечно приветствуют. Маршалы с белыми кокардами и граф д'Артуа в униформе национальной гвардии. Народ кричит: «Да

здравствует король!» под окнами императора Наполеона... Мой друг, ничем нельзя клясться, за исключением того, что я чувствую к тебе... Возможно, что на 2—3 недели я отправлюсь — угадай, куда? — в Лондон». В заключение письма он просил последнее сообщение сохранить в секрете.

«Какой трагический конец у этого человека, который еще недавно был властелином мира, а ныне замкнется на малом острове и будет получать пенсию! — пишет Клеменс далее. — Мой друг, общество недовольно выбором острова Эльба, и оно право. Если ты услышишь, как об этом говорят, скажи, что, будь я тут тремя днями раньше, такого бы не случилось. Скажи, что это твой прекрасный царь сделал порядочную глупость, что он вел себя как школяр, удравший от учителя. Но учитель появился снова, и теперь все пойдет лучше...»

Князь Меттерних в своем растущем самомнении уже, наверное, и не сознавал, что писал. Тем не менее он предсказал, что не пройдет и двух лет, как с Наполеоном снова возникнут трудности. Он ошибся только на один год.

В то время, кроме всего прочего, его терзала и ревность, так как через 5—6 недель армии предстояло вернуться домой, а вместе с ней в Вене снова должен был объявиться и молодой офицер Альфред Виндишгретц, к которому он ревновал больше всего. Потому-то Меттерних и настаивал на приезде герцогини в Париж, тем более что из Вены он получил сообщение от Гентца о том, что Вильгельмина Заганьская ныне прекрасна, как никогда раньше, и что ее салон полон англичан...

11.

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС

Политика подобна удивительной реке. Человека, вступившего в нее, чаще всего подхватывает и уносит поток. Иной подчас еще сумеет, не противясь волнам, удерживать в руках руль; и очень мало тех, кому удается вести свой корабль против течения. Однако к этому Меттерних, пожалуй, и не стремился. Его великим желанием было научиться держать свой курс, не борясь с течением. С годами австрийскому министру это начало удаваться. Его помощник, друг и льстец Гентц в свое время о нем написал: «Не трудно играть роль на мировой сцене, находясь в ореоле славы здорового и сильного государства, обладающего неограниченными средствами или неограниченным могуществом. Но если ты тесним со всех сторон, если находишься в гуще противоречивых явлений и вынужден преодолевать тысячи препятствий, то вывести свой корабль, который двадцать лет трепали ветры и терзало ненастье, снова в открытое море, преодолев теснины и мели, — это уже искусство, и оно дано немногим».

Правда, в глазах окружающих человека часто возвышает его положение, однако истинно и другое: он сам порой придает вес и значимость своему посту. Каким бы Меттерних ни был — недругом революции, защит-

ником старых порядков, человеком недоверчивым и заносчивым, поверхностным, неискренним или порой по уши влюбленным, — он оставался в то же время и одним из тех немногих, кто, как бы мы сегодня сказали, концептуально подходил к вопросу о том, какой быть Европе после Наполеона. Он действовал так не только в рамках практической политики, но и, можно сказать, теоретически, обобщая конкретные политические события и перемены. Ему не был чужд и практический подход к повседневным явлениям хозяйственной жизни страны. К этому его принуждала слабость Австрии, бьющейся в тисках экономического кризиса. Он хотел мира и торгового сотрудничества, надеясь обеспечить стране процветание и стабильность, именно это представлялось ему важной в международных делах предпосылкой совместной борьбы правящих классов против ширящихся революционных идей и движений.

В отличие от Наполеона, Меттерних не зачитывался Плутархом и его «Сравнительными жизнеописаниями» великих людей и в молодости был не слишком старательным слушателем лекций по истории дипломатии, но, очевидно, годы наблюдений за ходом политических событий помогли ему сделать обобщения и выводы. Политика европейского равновесия стала его детищем, его страстью и его крахом.

Войны против Наполеона во многих случаях перерастали в национально-освободительную борьбу не только против иноземной оккупации, но и за становление национального единства (Германия, Италия). Однако одновременно это была борьба за возврат к власти феодалов, за ее укрепление, что, в свою очередь, отдаляло победу буржуазных революций. В европейской политике 1814 года отчетливо прослеживались обе эти тенденции — возрождение и реакция.

Конечно же, Меттерних не был политиком возрождения, но его нельзя отнести и к абсолютным реакционерам. В отличие от многих, он понимал, что нельзя остановить прогресс прежде всего в сфере производства. Однако в изменившемся после наполеоновских войн мире он хотел сохранить привилегии феодалов и ради этого не жалел усилий.

Меттерних разделял два понятия: перемирие как окончание войны и мир как длительное состояние после войны. Мир, установленный с учетом существования противника, — это лишь перемирие, время, когда пушки

молчат, пауза, отдых перед новой войной. Страх перед противником заставляет вооружаться для новых битв. И только стремление к равновесию, стабильности, преуспеванию побуждает искать пути укрепления послевоенного мира, ведет к необходимым компромиссам и заключению широкого соглашения.

Безусловной заслугой Меттерниха стало его стремление подкрепить послевоенный мир, основанный на приблизительном равновесии сил и интересов, законом, то есть международным договором. Это была и попытка создать некое сочетание мира посредством силы (на основе равновесия сил) и мира посредством закона (договорная система). Так, теоретически рождался, бесспорно, новый сценарий послевоенного мирного устройства, но его непреодолимой слабой стороной оставалось то, что вся договорная основа была направлена прежде всего на сохранение старых порядков, против поднимавшейся революционной буржуазии. Самодержцы договорились между собой о таком разделении мира, чтобы пушки молчали, а революция тем временем созревала на иных основах и пока что с иными целями, нежели борьба за власть.

После наполеоновских войн, принесших столько страданий, победители могли бы диктовать Франции условия мира, действуя из чувства мести, однако Меттерних, Кэстлри и Александр I этого не допустили. Похоже, все они поняли, что Наполеон — это еще не Франция и что мстить потерпевшей поражение стране означает заложить новый очаг военного пожара. Уже одно это было дальновидным шагом, так как политическое решение, исходящее лишь из прошлого, редко выдерживает давление проблем, которые возникнут в будущем.

Итак, перед союзниками стояли три группы вопросов, на которые они должны были и хотели дать ответ: 1. Как быть дальше с Наполеоном? 2. Какой мир заключить с Францией и какой они хотят видеть эту страну? 3. Как создать систему равновесия и безопасности в Европе и какой должна быть эта система?

Теперь, спустя годы, можно сказать, что в то время и в той ситуации эти вопросы в исчерпывающей степени характеризовали проблемы, которые предстояло решать по окончании войны.

Судьба Наполеона уже не имела практически никакого значения для европейского равновесия. В подходах к этому вопросу скорее отражались те споры, что дремали

внутри коалиции. Соглашение, заключенное в Фонтенбло царем Александром I и последним наполеоновским министром иностранных дел Коленкуром, было предложено союзникам уже в законченном, готовом виде. Бонапарту оставили императорский титул, определили годовую пенсию в два миллиона франков из французской казны, предоставили остров Эльбу как независимое княжество; он получил корабль и право иметь свою личную гвардию. После неудавшейся попытки покончить жизнь самоубийством Наполеон принял такие условия.

Жестокость политического поражения Наполеона сказалась на судьбе Марии Луизы и ее сына. Конечно, удивительно, как эта «проданная невеста» в конце концов сумела полюбить своего мужа, но, тем не менее, когда в Орлеане она узнала, что́ его ожидает, она готова была сразу же следовать за ним на Эльбу. Однако по совету Меттерниха австрийский император настаивал на другом. Он старался как можно быстрее отправить дочь с внуком в Вену и не намеревался хоть чем-то заменить ей утраченную Францию. Но тут опять вмешался Александр I, испытывавший потребность проявить великодушие и одновременно несогласие со столь странными действиями австрийского императора и его министра. Только благодаря Александру в Парижский (Фонтенбло) договор была включена статья, согласно которой Марии Луизе было обещано Пармское герцогство.

12 апреля 1814 г. Мария Луиза покинула Орлеан, но не для того, чтобы присоединиться к супругу, а чтобы по приказу отца и в сопровождении князя Эстергази и Лихтенштейна проследовать в замок Рамбуйе. 16 апреля туда к ней приехал отец. Это был тот самый день, когда Наполеону предстояло отправиться в путь на юг страны.

Встреча с отцом была вроде бы трогательной. Дедушка ласкал своего русоголового внука, однако при этом присутствовал Меттерних, видимо, для того, чтобы отцовские чувства императора не взяли верх над политическими интересами. Миссия «проданной невесты» закончилась, пора и домой. После разговора с отцом и Меттернихом Мария Луиза написала Наполеону: «Отец был ко мне очень мил и добр, однако все это не может сравниться с тем страшнейшим ударом, какой он мне нанес: я не смею отправиться за тобой, видеть тебя. Он не позволил, чтобы я поехала с тобой. Мне стоило стольких трудов объяснить ему, что мой долг — следовать за тобой. Он сказал мне, что не желает этого, что на два месяца мне

следует вернуться в Австрию, затем я поеду в Парму, а потом уж якобы я смогу тебя навестить... Я не могу быть счастлива без тебя... Прошу тебя еще раз, не забывай обо мне и верь, что я буду всегда тебя любить и что я очень несчастна...»

И снова в тот самый день, 2 мая 1814 г., когда императрица Мария Луиза со своим сыном в карете навсегда покидает Францию, Наполеон Бонапарт отплывает на английском фрегате на Эльбу. Уже никогда ни с ней, ни со своим сыном он не встретится. Когда не удалось сохранить в тайне визит к Наполеону на Эльбу в начале сентября 1814 года его бывшей любовницы графини Марии Валевской, Мария Луиза поклялась отцу, что к своему мужу уже никогда не поедет. В конце концов она отправилась в Парму в сопровождении генерала Найперга, достаточно привлекательного для того, чтобы в будущем Мария Луиза могла родить от него двоих детей.

Благодаря гигантским усилиям Талейрана, который убедил союзников, в первую очередь царя, что единственной альтернативой Наполеону на французском троне, к тому же альтернативой легитимной, остаются Бурбоны, участники коалиции сделали первый шаг к миру, в котором Франция оставалась свободным государством в дореволюционных границах, а ее казна не была отягощена контрибуциями. Меттерних и Кэстлри поняли, что Франция примирится с любым правительством лишь в том случае, если будут сохранены основные завоевания буржуазной революции, получившие при Наполеоне широкие возможности для развития. В одном не было уверенности, что именно Бурбоны их сохранят.

Уже при въезде в Париж брата короля роялиста-фанатика Карла д'Артуа был оставлен без внимания совет Талейрана, чтобы тот и его сопровождение прикрепили в знак национального примирения трехцветные кокарды. Тщетно! Те въехали в Париж под традиционным, но ставшим ненавистным белым знаменем. Так же все было и в начале мая, когда сюда прибыл король Людовик XVIII. Талейран, Александр I и Меттерних единодушно отметили, что «Бурбоны ничего не забыли и ничему не научились». Меттерних наблюдал за проездом королевского кортежа из окна дома на улице Монмартр и отметил, что, хотя роялисты и приветствовали короля, толпа за этим «наблюдала в гробовом молчании».

Мирный договор с союзниками, который от имени Франции готовил Талейран и который вместе с великими державами 30 мая 1814 г. в Париже подписали также Испания, Португалия и Швеция, был весьма мягок по отношению к побежденной стране. Только Пруссия требовала территориальных приобретений (Эльзас и Лотарингию), чтобы укрепить свои границы, но ее не поддержали. Александр I был пока сдержан, свои карты на стол не выкладывал, зная, что ему еще предстоит борьба за Польшу — и для себя, и для Пруссии.

Согласно мирному договору, Франция отказывалась от всех притязаний в Голландии, Бельгии, Германии, Италии, Швейцарии и на Мальте. Британия сохраняла за собой колонии Тобаго, Сент-Люсию, французские острова в Индийском океане. Испания приобрела французскую часть Санто-Доминго. В одной секретной статье говорилось о независимости Германии и ее будущем объединении путем конфедерации, а в другой, также не предназначенной для общественности, статье Франция признавала присоединение Бельгии к Голландии. Третья тайная статья предполагала, что Габсбурги снова воцарятся в Тоскании.

Тем не менее и Франция тоже расширила свою территорию по сравнению с дореволюционными пределами за счет Савойи, что вело за собой увеличение ее населения примерно на шестьсот тысяч человек. Побежденной стране разрешалось иметь армию неограниченной численности, но, главное, несмотря на протесты со стороны некоторых союзных стран, она освобождалась от каких-либо репараций. Франция только брала на себя обязательство выплатить союзникам вместо контрибуции одноразовую сумму — 25 миллионов франков. На долю Австрии из этой суммы пришлось 8 666 666 франков, которые взялся перевести в австрийскую казну дом Ротшильдов за комиссионные в полпроцента.

Парижский договор был основан на равновесии. Во Франции находились иностранные войска, она была побеждена, но получила великодушный мир. На любую критику, особенно с прусской стороны, на любые разговоры о безопасных границах и т. п. Кэстлри отвечал так: «Аргументы, касающиеся стратегических границ, уже отвергнуты. Настоящая безопасность заключается в гарантиях, которые дает тот факт, что нельзя напасть на одну сторону, не объявляя одновременно войны всем, заинтересованным в соблюдении статус-кво».

Эти слова, собственно, и стали увертюрой к конгрессу союзников в Вене, который, согласно 32-й статье мирного договора с Францией, должен был быть созван еще в том же году для решения вопросов, связанных с Польшей, Саксонией, и других проблем.

После подписания договора все иностранные войска начали отход с французской территории.

Из истории нельзя вычеркнуть 20 лет развития политического строя. Вместе с Бурбонами во Францию возвратилось более тридцати тысяч эмигрантов, у которых ничего не было и которые хотели иметь все. Франция, однако, была уже иной. Выросло новое поколение, не помнившее о Бурбонах. Возвращение к старым порядкам было немыслимо. Чтобы перебросить мост через пропасть между старым и новым, Талейран разработал конституцию. Ее одобрил Александр I, но Людовик XVIII не хотел о ней и слышать. В конце концов он принял ее только под давлением союзников. Люди типа Меттерниха с опасениями следили за возрастающим напряжением во французской политической жизни. Людовик XVIII делал все для того, чтобы оттолкнуть от себя всех и не привлечь никого. Он возмутил даже армию, которая во главе с маршалом Неем перешла на его сторону: вдвое уменьшил офицерское содержание. Тем самым он просто толкнул ее в объятия Наполеона.

Меттерних так описывал Вильгельмине 20 апреля атмосферу тогдашней парижской улицы: «Здесь все до хрипоты кричат: «Да здравствует король!», так же как прежде кричали: «Да здравствует Генрих!», или «Великий Людвик», или «Король, свобода, конвент, директориум, первый консул, долой тиранов!» И т. д. Когда ты сюда приедешь, все будут, я надеюсь, кричать: «Да здравствует Вильгельмина!» Мой бог, как я это буду кричать!»

В конце апреля Вильгельмина Заганьская уже не могла больше оставаться в Вене, особенно после того, как Меттерних ей написал, что, видимо, вскоре торжественно отправится в Лондон. Она собрала чемоданы и вместе с двумя своими сестрами — княгиней Гогенцоллерн и герцогиней Ачеренцкой — в сопровождении молодого чиновника английского посольства в Вене Джеймса Ламба поехала в Париж. Наверное, теперь уже никто не узнает, почему 22-летний англичанин неожиданно оставил в пути общество трех прекрасных граций и, по сути, бежал обратно в Вену.

В начале июня 1814 года государи-союзники и их министры переправились через Ла-Манш, чтобы посетить в Лондоне принца-регента Георга. Они хотели договориться о принципиальных основах будущего конгресса, однако сделать это не удалось. Вместе с монархами в английскую столицу направилось и их многочисленное сопровождение — люди из общества, в том числе и Заганьская с сестрами. Меттерних остался недоволен всей этой поездкой. Хотя он и раздавал направо-налево ордена Марии Терезии, аплодисменты, тем не менее, срывал русский царь, который одаривал всех своей великолепной белозубой улыбкой, этого-то Меттерних себе позволить не мог. Собственно, и в Англии царь производил впечатление и пользовался уважением как человек, располагавший в тот момент сильнейшим воинским контингентом в Европе. В Лондоне у него был выдающийся посол — граф Ливен, чья очаровательная жена верховодила в тамошнем высшем обществе. Тогда она не предполагала, что пройдет четыре года — и разум и чувства Меттерниха будут принадлежать ей. В тот раз госпожа Ливен заявила, что австрийский министр завидует тому «магическому впечатлению», которое русский царь производит в салонах, на улицах, в Гайд-парке, на Пикадилли и на скачках в Аскоте.

Меттерниху не везло и в переговорах с британским консервативным правительством, которое по отношению к нему сохраняло прежнюю подозрительность и сдержанность. Не отважился он установить контакт и с оппозицией, как это сделал царь, не очень разбиравшийся в правилах английской политической жизни. В итоге Меттерних настроил против себя и консервативное правительство, и оппозицию. Не все обстояло благополучно у Клеменса и с герцогиней Заганьской, которая стала его избегать и предпочитала в сопровождении Вильгельма Гумбольдта ходить вместе с сестрами по лондонским магазинам, делая крупные покупки.

Меттерниху не удалось достичь какого-либо соглашения и во время официального делового ужина с царем Александром I. Между ними было слишком много соперничества, ведь оба хотели играть главные роли и в политике, и в обществе, и в салонах, и у герцогини Заганьской. Но если Александру бывало достаточно одной-единственной победы, то Меттерних стремился к устойчивой связи. Когда осенью того же года Вильгельмина вдруг воспылала любовью сразу к двум англичанам,

Меттерних начал страдать и писать ей любовные письма, в то время как царь махнул рукой на все это и вернулся к своему роману с Луизой, женой франкфуртского банкира Мориса Бетмана. Венская полиция перехватила письмо, в котором царь во время заседаний конгресса писал: «Только чувство ответственности мешает мне лететь в твои объятья и умереть там от счастья».

Меттерних был рад, что наконец пришло время отчалить от британских берегов. Он не сделал никаких политических приобретений в этой стране, был неудовлетворен сдержанным приемом, оказанным ему лично, и к тому же именно здесь Заганьская поставила перед ним ультиматум: или он разводится со своей женой Элеонорой и женится на ней, или конец их связи. Жаль, что нет возможности цитировать пространные письма отвергнутого любовника, со страниц которых, кажется, и столько лет спустя все еще льются слезы. Но Вильгельмина, увы, просчиталась. Проливая слезы, Меттерних, тем не менее, все взвешивал весьма трезво. Рыдало лишь его оскорбленное мужское самомнение.

Оставался тогда еще и третий аспект европейской проблемы, решить которую партнеры по коалиции хотели в связи с окончанием антинаполеоновских войн. Это был вопрос о том, удастся ли создать систему равновесия и безопасности на континенте. Внешне речь шла о том, как отнестись к притязаниям России на Польшу, а Пруссии — на Саксонию и как договориться о будущем объединении Германии.

Венский конгресс, который Меттерних хотел созвать уже в июле 1814 года, начался лишь 1 октября и продлился не шесть недель, как предполагал австрийский министр, а три четверти года.

Это был странный конгресс, во время которого происходило все, что угодно, только не конференции и заседания. Единственное — пленарное — состоялось лишь однажды, когда потребовалось подписать заключительный документ. Созыв конгресса в Вене был успехом Меттерниха, который стал также его неформальным председателем и одновременно хозяином, принимавшим заграничных участников. Его политическая звезда сверкала все ярче, хотя любовная сфера столкнулась с новыми перипетиями. Заганьская оставалась неумолимой, как ни старался он убедить ее в возможности сохранения их любовных отношений. В июле 1814 года она писала ему из Бадена: «Я абсолютно спокойна и приму решение

только после нашего разговора, когда буду знать результат, однако у меня великое желание поверить в то, что Вы — такой же, как почти все мужчины: извините мне мою искренность». У нее был свой опыт!

Видимо, Меттерних действительно был таким же, как большинство мужчин. И разводиться не хотел, и любовницу старался удержать. В Вене он посетил Вильгельмину в правом крыле Пальмового дворца на Шенкенштрассе, 54. Левое крыло заняла княгиня Багратион, его давняя любовь и мать его дочери Клементины. Пока шел конгресс, он зондировал почву у обеих, однако и здесь на сцене вновь появился могущественный соперник и в политической, и в любовной сфере — русский царь Александр. А царь, лишь ради удовольствия нанести Меттерниху поражение и в области, столь далекой от политики, начал осаду дам. Ему удавалось доводить Меттерниха до приступов бешенства. Заганьская в это же время весело флиртовала с молодым англичанином Джеймсом Ламбом и его более старшим соотечественником Чарльзом Стюартом, а княгиня Багратион влюбилась, хотя для вдовы героя Отечественной войны это было, возможно, слишком сильное слово, в прусского принца Карла-Вильгельма. Роман Заганьской с лордом Стюартом, братом Кэстлри, отличным офицером и веселым компаньоном, долгие недели развлекал всю Вену.

Напряженные отношения между русским царем и Меттернихом сохранялись в течение всего конгресса, влияя на многие его повороты, и не всегда носили лишь политический характер. Отъезд царя из Вены в Брно вызвал раздражение Меттерниха, так как артиллерийский салют по этому поводу, который пришлось давать ранним утром, разбудил весь город.

Причины напряженности, разумеется, лежали глубже. В Вене обозначилось два подхода партнеров по коалиции к будущей Европе. Великобритания и Австрия были державами, стоявшими за статус-кво на континенте, в то время как Россия и Пруссия стремились к переменам и территориальным приобретениям. Русский царь претендовал на Варшавское княжество, которое после третьего раздела Польши досталось Пруссии. На его основе в 1807 году Наполеон создал Польское государство. После падения Наполеона Пруссия не могла претендовать на эту территорию, опасаясь соперничать с Россией, а потому старалась получить взамен Саксонию. Александр I не возражал, но Меттерних на это не давал своего согласия.

Уже в ходе предварительных переговоров в сентябре 1814 года выяснилось, что найти компромиссное решение будет весьма трудно и «большая четверка» не договорится. В этой неразрешимой для своих партнеров ситуации Талейран, приехавший в Вену 23 сентября вместе с герцогиней Дино (женой своего племянника и якобы собственной любовницей), которая была младшей сестрой Заганьской, увидел благоприятную возможность для Франции. «Большая четверка» была в основе своей антифранцузской коалицией, и Талейран решил, что, воспользовавшись именно этими разногласиями, он разобьет коалицию и вернет Францию в число великих европейских держав. Реализовывать свои замыслы Талейран начал с того, что заявил о необязательности для Франции всех тех решений, которые здесь были приняты до его приезда.

Кэстлри явился в Вену 13 сентября. Англичане как представители великой островной державы поддерживали идею европейской стабильности, а конкретный интерес проявляли лишь в отношении Антверпена и Голландии, территорий, имевших, с точки зрения Великобритании, стратегическое значение для нее. По этой причине английский министр иностранных дел мог относительно независимо вести переговоры с европейскими партнерами, однако быстро обнаружил, что это весьма непростая задача. Хотя он был борцом за европейское равновесие сил, но не мог не видеть, что между союзниками царит неравновесие страха, влияющее на их позиции и не оставляющее надежд на компромисс.

Сильной России опасалась Европа, боялась ее и Пруссия; слишком сильная Пруссия не устраивала Австрию, а объединенная Германия означала бы угрозу для Франции.

Ключ к решению следовало бы искать в царской политике, но она по-прежнему оставалась неясной. Поэтому союзники решили перенести начало конгресса на 1 ноября 1814 г., а в течение октября вести двусторонние переговоры. Такие переговоры Кэстлри начал с царем Александром и сразу же понял, что они не будут легкими. У лорда в кармане лежало донесение его берлинского посла о высказывании русского генерала, что переговоры напрасны, так как у царя самое сильное в Европе войско. Получил он также сообщение, что русских интересуют сицилийские дела. Кэстлри предчувствовал, что царская дипломатия

намеревается разыграть какую-то новую карту на континенте, но какую? Этого он не знал.

Серия переговоров и обмен несколькими нотами между английским министром и русским царем ни к чему не привели. Кэстлри, пожалуй, только ближе познакомился с целями русской политики. Царь Александр настаивал на том, чтобы бывшее Варшавское княжество было превращено в королевство, где королем стал бы русский царь, причем он как король поляков дал бы им либеральную конституцию. Когда-то в юности этот выглядевший романтиком царь действительно пообещал своему тогдашнему другу польскому аристократу Адаму Чарторыйскому, ставшему позже главой польских националистов-либералов, сделать Польшу самостоятельной. В долгой серии разговоров с Кэстлри царь постоянно ссылался на свой моральный долг, а так как он умел владеть собой, то мог до бесконечности повторять свои возвышенные доводы. Однако однажды, выпав из роли, он откровенно заявил: суть переговоров в том, что польский вопрос может быть решен одним-единственным способом, а именно таким, как хочет он, царь Александр I. Дальнейшая дискуссия стала бессмысленной, переговоры зашли в тупик. Кэстлри больше всего опасался конституции, которую царь хотел дать полякам. Английский министр доказывал, что это вызовет трудности в соседних Австрии и Пруссии. Царь был удовлетворен: оказывается, представитель либеральной Великобритании был всего лишь против конституции!

В середине октября 1814 года Кэстлри получил от своего премьер-министра лорда Ливерпуля инструкцию: «Чем меньше Великобритания будет вмешиваться в польские дела, тем будет лучше». Одновременно ему было сообщено мнение парламента, что царский план все-таки лучше, чем новый раздел Польши, ибо Польша хоть в принципе останется целостным государством. Англия, напомним, была заинтересована в Голландии.

Кэстлри приходилось сражаться на два фронта, чтобы и дома убедить всех в том, что «для Великобритании будет лучше, если она станет заниматься первостепенными европейскими вопросами... и не ограничит свое внимание лишь одним объектом — Нидерландами».

Были трудности и с Пруссией, требовавшей присоединения Саксонии, которая, в отличие от католических прирейнских немецких государств, была, как и Пруссия, протестантской. Царь поддерживал аннексию Саксонии

Пруссией, используя тот довод, что саксонский король, боясь Наполеона, очень долго не отваживался присоединиться к коалиции. Но когда таким «предательством» саксонского короля он обосновывал свою позицию в разговоре с Талейраном, эта старая лисица ограничилась лишь саркастической репликой: «Предательство? Но ведь это лишь вопрос даты».

Подобное развитие событий делало положение Меттерниха весьма сложным. В его рассуждениях постоянно присутствовал страх перед революцией, и он старался найти такое решение, которое сдерживало бы возможность революционного взрыва. Подобное решение он видел в согласии между европейскими государями и их заинтересованности в равновесии и стабильности. Только все происходившее в Вене говорило, что прежнее стремление к согласию, вызванное общей опасностью, ныне, когда угроза миновала, начинает уступать место частным интересам отдельных стран. Меттерних противился этому. Он не соглашался с территориальным перекраиванием и изменением сфер влияния, что могло бы впоследствии вызвать конфликт, а каждый конфликт, считал он, радикализирует определенную часть общества, что, в свою очередь, может привести к революции.

Меттерних был председателем конгресса, ему полагалось заседать вместе с «большой четверкой», вести переговоры с пятой великой державой, руководить встречами «большой восьмерки» (пять великих держав плюс Испания, Португалия и Швеция, то есть все, кто подписывал Парижский мирный договор) и вдобавок отстаивать в этой запутанной обстановке интересы Австрии.

Меттерниху не нравились планы царя в отношении Польши, ибо распространение влияния России в Европе на запад могло угрожать Австрии. Однако его стране было не по душе и расширение Пруссии в южном направлении за счет аннексии Саксонии, так как тем самым создавалась угроза позициям Австрии в Германии. При этом Меттерних не хотел также превращать Пруссию в неприятеля, ибо, исходя из законов геополитики, строил будущее центральной Европы на австро-прусском сотрудничестве, в чем усматривал ключ к австрийской безопасности.

Таким образом, перед австрийским министром иностранных дел стояло столько дилемм, что он боялся принять то или иное решение, дабы невзначай не подорвать другие интересы. В таких обстоятельствах главную

роль начинают играть особенности характера политика. Жесткий консерватор Кэстлри, которого лорд Байрон называл «черной бестией», решительно вступал в жаркие словесные сражения. Меттерних, салонный политик, мастер маневров и компромиссов, занимал выжидательную позицию. Его главным оружием было то, что при любом «легитимном» решении нельзя было обойтись без его согласия. Он делал все, чтобы разделить эти два вопроса — польский и саксонский и, ослабив своих соперников поодиночке, сохранить за собой роль арбитра. Поэтому он занял оборонительную позицию, что было самым выгодным. Одному из делегатов Меттерних сказал: «Я построил укрепления из времени и превратил терпеливость в свое оружие».

В течение долгих недель он бывал неуловим: чередовал свои действительные болезни с дипломатическими, подлинные любовные аферы с вымышленными, конгресс его стараниями увязал в балах, приемах и театральных представлениях. Знаменитой стала реплика старого князя Карла де Линя: «Конгресс вперед не идет, а танцует».

Так продолжалось до самого конца 1814 года. Когда же наступил рождественский пост и католики не могли устраивать у себя балы, Меттерних сразу же нашел нужное решение. Все еще стремясь вернуть близость Заганьской, которая уже совершенно охладела к нему, он сообщил ей: «Было решено, что в католических домах танцы прекращаются, но сами католики могут плясать в домах тех, кто не признает папу Римского».

И балы продолжались. Танцевали у православных, у русского посла в Вене Штакельберга, русского министра иностранных дел Разумовского, у княгини Багратион. Обычно на вечера приходило около трехсот гостей.

Многие упрекали Меттерниха, что он завел конгресс в вихрь светских развлечений, но, очевидно, Меттерних намеренно решил утомить съехавшихся в Вену многочисленных делегатов от целого сонма небольших и совсем маленьких государств. Там было более 210 глав государств и княжеских домов, многочисленные делегации европейских великих держав, бездна дам и обслуживающий персонал, и все хотели в чем-то участвовать. Кроме того, на балах и вечерах создавалось общественное мнение, а иногда они заменяли то, что сегодня называется пресс-конференциями.

Балы и салонные вечера становились тем местом, где добывалась информация. Венская полиция барона Хагера

сбивалась с ног, однако в ее сети попадали скорее светские пикантности, чем важные политические сведения. Когда в отношениях Меттерниха и Заганьской наступило охлаждение, усилившееся вдобавок из-за того, что Вильгельмина целиком погрузилась в прусско-русскую политику, австрийский министр испугался, как бы его бывшая любовница не рассказала царю все, что узнала в свое время от него (Гентц по этому поводу воскликнул: «Мой бог, сколько она всего знает!»). 31 октября 1814 г. перед началом бала Меттерних предупреждает Вильгельмину: «Если сегодня на балу царь Александр будет спрашивать тебя обо мне и наших отношениях, прошу тебя, не дай спровоцировать себя никакими вопросами. Пусть он говорит, а сама отвергни все его предложения, если он будет их тебе делать будь то в мою пользу или против меня... обращаюсь к тебе с такой просьбой, потому что имею для этого веские основания».

В тот момент Меттерних располагал донесением полиции о том, что русский царь попытался настроить против него княгиню Багратион, и та рассказала ему о сценах ревности, которые устраивал Меттерних Заганьской в Пальмовом дворце, где обе дамы тогда жили. А когда царь при Меттернихе напросился к Заганьской на обед, рассерженный министр передал ей через Гентца ультиматум: «Или я, или царь!» Обед, разумеется, состоялся, было это 22 октября, и Вильгельмина, судя по всему, не промолчала, хотя Меттерних и просил ее об этом. Выведенный из себя Александр не сдержался и даже вызвал Меттерниха на дуэль.

Вот так проходил этот конгресс, где плелись политические интриги, разгорались любовные страсти и сменяли друг друга светские развлечения самого широкого диапазона — от вечеринок до похорон. 13 декабря 1814 г. к утру где-то на скамеечке в парке нашли промерзшего и совершенно ослабевшего князя Карла Жозефа де Линя. Этот 70-летний бонвиван, бывший маршал императорской армии, известный во всех европейских столицах, возвращался с бала и присел на скамейку отдохнуть. Уже стояли декабрьские морозы. Умирая, он произнес известные слова: «Уже исчерпаны все виды развлечений, достойных государей. Скажите им, что я приготовил еще одно, новое — похороны одного императорского фельдмаршала, кавалера ордена Золотого руна». Похороны, действительно, были импозантными. Пехотинцы бывшего полка де

Линя шли в белых мундирах, звучал «Турецкий марш» Моцарта, и на все это взирали три самодержца — австрийский, русский и прусский.

Выжидание как политическая линия максимально устраивало Меттерниха в октябре и ноябре 1814 года, но в декабре обстоятельства заставили его перейти к активным действиям. Со всех сторон на него сыпались настойчивые вопросы, и вдобавок дома вновь сформировалась обычная антиметтерниховская оппозиция вокруг тандема Стадион — Валлис. Как уж это бывает в таких случаях, больше всего его обвиняли в подборе сотрудников для участия в переговорах.

Главным его заместителем, председателем ряда комиссий стал бывший посол барон Вессенберг, позже — австрийский министр иностранных дел. Из других помощников Меттерниха нарекания вызывал барон Биндер, специалист по итальянским делам, приятный собеседник в салонах, особенно там, куда Меттерних сам не мог вступить, но где можно было кое-что разведать. Советника Гуделиста он направил в одну из важнейших среди десяти комиссий — статистическую, занимавшуюся главным образом подсчетами, сколько людей проживает на территориях, о которых идут переговоры. Его советник по печати Пилат, издававший газету «Остеррейхишер беобахтер», действительно, публиковал лишь то, что было угодно его шефу.

Весьма важную должность генерального секретаря конгресса, конференций «пятерки» и «восьмерки» Меттерних поручил Гентцу. Тот, собственно, редактировал все постановления и документы, принимаемые конгрессом, однако его всем известная алчность не знала границ. Он брал деньги у всех, так что к концу конгресса потерял всякое уважение его участников.

Меттерних был вынужден перейти к активным действиям главным образом из-за чрезмерных амбиций Пруссии, что уже с конца ноября ставило под угрозу все здание европейского равновесия. Для австрийского министра иностранных дел это было тем печальнее, что он рассчитывал на более тесное сотрудничество в будущем именно с Пруссией. Но ее представители все больше и громче бряцали оружием, а генералы прямо грозили войной, если не будут удовлетворены их требования. Они предлагали дать саксонскому королю какую-нибудь немецкую территорию в Рейнской области, а Саксонию присоединить к Пруссии. Эти

экспансионистские требования и заставили тандем Кэстлри — Меттерних перейти в контратаку.

Сначала Меттерних передал Талейрану для информации австрийскую ноту от 10 декабря 1814 г., содержавшую ответ на требование прусского канцлера Гарденберга. Талейран понял, что «четверка» оказалась в тупике и что Меттерних ждет от него помощи в поисках выхода.

Французский министр снова построил всю аргументацию на своем главном мотиве — принципе «легитимности». Он доказывал, что смещать короля непристойно. Следовательно, в этом вопросе речь должна идти не о том, что требует Пруссия, а о том, что из своих владений был бы готов уступить законный, «легитимный», саксонский король.

Талейран таким образом воспользовался возможностью включиться в работу конгресса европейских держав и прорвать все еще существовавший антифранцузский фронт. Повторные возражения царя о том, что король Саксонии нарушил слово, которое давал коалиции летом 1813 года, французский министр парировал следующим образом: «Он виноват только в том, что испугался, но большинству государей, присутствующих на конгрессе, можно было бы поставить в упрек то же самое. Не следует оглядываться назад, Ваше Величество, иначе всем нам придется краснеть».

Рассерженный Александр I ответил, что он пообещал Пруссии часть Саксонии и что он свое обещание сдержит, если потребуется, то и силой оружия. В ответ царь услышал слегка ироническую реплику: «Ваше Величество утратило бы прекрасный титул миротворца, который ему дала вся Европа».

Меттерних намного больше опасался продвинувшейся в Польшу сильной России, нежели Пруссии, увеличившейся на часть Саксонии. Поэтому он договорился с Кэстлри о небольшом трюке. Он намекнул прусскому канцлеру Гарденбергу, что Австрия и Британия отдадут Саксонию Пруссии, если та отойдет от царя и поможет помешать Александру овладеть Польшей.

Что это было — ловушка или серьезное предложение? Поскольку в то время на сцену уже выходил Талейран, славившийся своими интригами, прусский король Фридрих-Вильгельм начал колебаться. Он подумал, что предлагавшие склонили Талейрана на свою сторону, пообещав тому нечто за чей-то счет, и что выдвинутый вариант —

всего лишь новая интрига французского министра. Для представителей Пруссии настали мучительные минуты. Что если Талейран выдаст все Александру и склонит его к сотрудничеству против Пруссии? А представление о том, что Пруссия может оказаться зажатой между Францией и Россией, пугало Фридриха-Вильгельма, как ночной кошмар. В конце концов он решил сам рассказать обо всем царю Александру.

Гарденберг передал царю некоторые письма Меттерниха, касавшиеся этого щекотливого вопроса. Александр пригласил к себе австрийского министра и, судя по сообщению Талейрана в Париж Людовику XVIII, так разговаривал с Меттернихом, как не говорят даже с провинившимся лакеем.

Однако Меттерних всегда умел переиграть своих прусских партнеров. Удалось ему это и ныне. Он начал метать громы и молнии, клясть пруссаков, а затем переслал царю все письма Гарденберга. Представители Пруссии не ожидали такого удара ниже пояса. С той поры якобы прусский король и его канцлер называли Меттерниха не иначе как «этот идиот».

Из-за непостижимого характера Александра вся эта история получила неожиданный оборот. Александр вдруг осознал, сколь сильно он разволновал польским вопросом гладь коалиционной политики, и поэтому в разговоре с императором Францем I продемонстрировал один из своих внезапных поворотов к великодушию. Будучи любителем широких жестов, он предложил Австрии в знак примирения Тернополь со всей к нему относящейся территорией, на которой проживало около 400 тысяч человек.

В результате на политической арене произошла перестановка сил, и здесь внезапно появилась «коалиция четырех» против Пруссии. 27 декабря 1814 г. Кэстлри дал наконец согласие на то, чтобы с 31 декабря во всех встречах великих держав принимал участие и Талейран. В «большой пятерке» на сей раз в изоляции оказалась Пруссия. И Пруссия пригрозила войной!

В тот же самый день, когда прозвучала такая угроза, Кэстлри предложил заключить тайный оборонительный пакт Франции, Австрии и Великобритании против Пруссии. Россию они исключили, так как Александр I в какой-то степени поддерживал прусского короля, и было неясно, как бы он себя повел в подобной ситуации.

Талейран был первым сторонником такого пакта, ибо это означало конец изоляции Франции. Еще два месяца назад нечто подобное было бы невозможно — пакт с недавним противником! — а ныне стало даже желаемым. Сразу же после Нового года, 3 января 1815 г., договор в трех экземплярах был подписан. Один из них Талейран отправил Людовику XVIII.

Меттерних был мастером политической детали. Перекладывая на Кэстлри всю тяжесть ведения переговоров об оборонительном пакте, он хорошо понимал, что в политике форма не менее важна, чем содержание. Этот пакт был, по сути, шагом к спасению столь многотрудно возводимого европейского равновесия. Но Меттерниха волновали не только сама цель, но и способ ее достижения. Саксония, сбереженная Австрией, стала бы причиной постоянных конфликтов, но она же, сохраненная во имя всей Европы, устраняла возможный очаг конфликтов.

Александр I, который получил в Польше почти все, чего добивался, не захотел вести дальнейших споров о Саксонии и отступил. Представители Пруссии действовали слишком рассчетливо и часто колебались, а потому не получили ничего.

При чтении множества документов, воспоминаний, мемуаров и писем самого Меттерниха, которому уже исполнился тогда 41 год, у историка не может не возникнуть впечатления: для этого человека, похвалявшегося в одном из писем, что ведет за собой 20 миллионов людей, политика была игрой, которой он предавался лишь ради того, чтобы изумлять своих любовниц. Жесткий реалист, почти циник в делах политических, дома, усаживаясь за письменный стол, он становился романтиком и писал женщинам самодовольные и даже слезливые письма. Так он делал всю жизнь, менялись только события и женщины. 1814 год завершился для него успешно. Однако в любви он действовал как желторотый юнец.

В канун Нового года, а точнее 31 декабря 1814 г., в 11 часов вечера он трогательно заворачивает усыпанный драгоценными камнями браслет и, приложив к нему письмо, на сей раз на немецком языке, посылает в подарок Заганьской. Это — вопль отвергнутой любви, сопровождаемый толкованием значения драгоценных камней. Бриллиант — символ любви, изумруд — лунный камень мужчины, аметист — лунный камень женщины,

рубин — символ верности. «Люби и будешь верной», — дописывает он к письму.

В начале 1815 года весь двор собрался смотреть «живые картины», которые по классическим оригиналам составлял из одетых в соответствующие костюмы придворных дам модный тогда французский художник Жан Баптист Изабе. Представление сопровождалось исполнением романсов. Заганьская участвовала в картинах Ван Дейка. Ее зрелая красота не давала Меттерниху покоя.

3 января 1815 г., в день, когда вместе с Кэстлри и Талейраном Меттерних подписал за спиной Александра I оборонительный пакт против Пруссии, он торопился домой, чтобы написать Вильгельмине: «Вот уже два года, как я — твой любовник. Я любил тебя и ныне кончил тем, что тебя обожествляю. Ты же перестала желать меня в тот самый день, когда я полюбил тебя, — довольно естественный ход дел человеческих. Я не просил у тебя любви, а только уверенности. Я хотел знать: или я отвергнут, или у меня есть надежда. Надежду ты мне давать не переставала... Я был призван вести за собой 20 миллионов человек, а должен был бы научиться вести и самого себя...» И так далее. Уже почти поставлена точка на еще одной любовной связи. Еще несколько писем, еще несколько встреч... У Вильгельмины появились новые симпатии, а заносчивый и отвергнутый Меттерних страдает. Он не желает понимать, что каждая любовница рано или поздно непременно захочет официально закрепить за собой своего милого.

И он снова с головой уходит в политику. В течение первых дней 1815 года прусский канцлер убеждается, что положение изменилось, и принимает этот факт к сведению. Опасность возникновения войны внутри коалиции ликвидирована. Война, собственно, и не могла бы разгореться, и Кэстлри это знал лучше других, ибо Великобритания до сих пор оплачивала военные расходы. Спрашивается: что остальные могли бы сделать без ее денег или вопреки ее деньгам?

В конце января 1815 года к началу работы парламента Кэстлри должен был вернуться в Лондон. Кончились регулярные ужины в 11 часов вечера в его 22-комнатной квартире, которую он снимал в доме № 30 на Миноритенплац. Салон леди Кэстлри был известен всей Вене и, помимо всего прочего, стал центром англо-австро-французской коалиции против Пруссии. Место Кэстлри за столом конференций занял лорд Веллингтон.

На повестке дня теперь стоял немецкий вопрос, в котором было не слишком много противоречий, но зато сталкивалось множество различных интересов. Франция, представленная Талейраном, была против объединения Германии, против усиления Пруссии, против перемещения саксонского короля в какую-нибудь область на левом берегу Рейна. Англичан волновала только безопасность Голландии. А что Меттерних? Немец родом с берегов Рейна, он служил Габсбургам, но Веллингтону в Вене как-то сказал: «Уже давно моей родиной стала Европа». Он не принимал прусского национализма, а главное, не забывал, что на левом берегу Рейна находится его наследственное имение.

Александр I вместе со всеми считал полезным не только сохранить, но и закрепить феодальную раздробленность Германии на множество небольших государств. Переговоры были, собственно, развитием обсуждения саксонской проблемы, и Талейран принимал в них участие. Кэстлри держал в своих руках бразды правления весь январь 1815 года. Когда же была ликвидирована опасность насильственного решения саксонского вопроса, члены коалиции постепенно пришли к согласию и относительно других территориальных и политических проблем.

В вопросе об объединении Германии проявилось нежелание европейских самодержцев осознать, что возникают новые приметы времени, что на политическую сцену выходит сильное демократическое движение, имеющее национальную окраску. Раздробленность Германии становилась препятствием для реализации планов молодой, относительно прогрессивной немецкой буржуазии. Логическим следствием стремлений к экономическому подъему стал немецкий национализм, носителями которого были мелкая буржуазия, ремесленники, студенты, требовавшие объединения государства. И именно против этого единодушно выступали все, кто в Вене представлял наиболее реакционную Европу.

Меттерних предложил, а конгресс согласился и принял решение создать некое федерализированное образование — Немецкий союз, в котором Австрия и Пруссия вместе с другими 36 малыми немецкими государствами являлись бы членами специально учреждаемого «немецкого сейма», или «сейма Немецкого союза». Были там представлены и чешские земли. Однако решения сейма вступали в действие лишь после утверждения соответ-

ствующим правительством. Позже этот сейм стали весьма метко называть сборищем болтунов. Таким образом, раздробленность Германии предполагалось сохранить.

11 февраля коалиционные министры «большой пятерки» достигли согласия. Не обращая внимания на народы, они перекроили карту Европы и определили новые границы. Прежде всего они снова разделили Польшу.

Австрия получила польскую Галицию и Тернопольскую область. Краков стал вольным городом. Пруссия возвратила себе область Познани и город Торунь, что позволяло ей завладеть нижним течением Вислы. Остаток Варшавского княжества с 3,2 миллиона жителей был превращен в Польское королевство под властью русского царя.

Из немецких земель Пруссии тоже кое-что перепало — две пятых Саксонии и, наперекор Меттерниху, большая часть левобережья Рейнской области и Вестфалия.

Австрия обеспечила себе влияние во всей Италии, о которой Меттерних высказался так: «Это всего лишь географическое понятие». К Австрии была присоединена часть Северной Италии, Ломбардия, владения Венецианской Республики и Зальцбург! В Палермо и Тоскании на троны были посажены независимые габсбургские династии.

Было подтверждено присоединение Бельгии к Голландии, которая стала называться Нидерландским королевством. Британия закрепила свои колониальные приобретения, сделанные во время войны с Испанией и Францией. Она же забрала у Голландии Цейлон, мыс Доброй Надежды и Гвиану, оставив за собой имеющие важное стратегическое положение Мальту и Ионические острова.

Несколько увеличила свою территорию Швейцария, и конгресс провозгласил ее вечный нейтралитет.

Таким образом, в Европе было достигнуто определенное равновесие сил, влияний и интересов. Представилась возможность добиться относительной безопасности. Это не было математически рассчитанное равновесие, как того изначально желал Кэстлри, а нечто вроде концепции отказа от войны как средства достижения политических и территориальных целей, концепции, основанной на заинтересованности всех в сохранении старого порядка, «легитимности», то есть «законного» права исторических династий править странами и народами. К столь необычному единству их толкало понимание того, что любая война, любой конфликт между ними могут снова вывести на сцену революцию.

Это было единство поневоле, так как на самом деле уже на конгрессе все с удовольствием перегрызли бы друг другу глотки.

Заключительные акты конгресса, над которыми столько потрудился Фридрих Гентц, были уже готовы для подписания, когда всех его участников, словно гром с ясного неба, постиг неожиданный удар. Меттерних в своих воспоминаниях пишет об этом так: «Одна из конференций между представителями пяти великих держав проходила с 6 на 7 марта в моей квартире и затянулась до трех часов утра. Я велел своему камердинеру не будить меня, даже если бы прибыли какие-нибудь курьеры. Несмотря на это, он разбудил меня примерно в шесть часов из-за депеши, доставленной эстафетой и помеченной как срочная. Прочитав на конверте, что она отправлена генеральным консульством в Генуе, а я к тому времени проспал всего два часа, я отложил депешу на ночной столик, не открыв ее. Но заснуть уже никак не мог, а потому примерно в полвосьмого все-таки решил распечатать конверт. В шести фразах было известие: "Английский комиссар Кампбелл только что прибыл в гавань, чтобы выяснить, не появился ли Наполеон в Генуе, ибо он исчез с острова Эльба..."»

Единственный человек, бежавший с острова, в единый миг показал, на сколь шатких опорах был возведен столь многотрудный сколоченный новый «легитимный» порядок в Европе. Для всех собравшихся на Венский конгресс Наполеон был в тот момент олицетворением революции, угрожавшей всему их делу.

«Этот высадится где-нибудь на итальянском побережье и попытается обосноваться в Швейцарии», — заметил Талейран. «О, нет! — парировал Меттерних. — Не переводя дыхание, он двинется в поход на Париж».

Только Париж мог послужить Наполеону средством в стремлении добиться признания собственной «легитимности». И пока в Вене велись взволнованные дискуссии, Бонапарт с тысячей солдат и одним орудием двинулся долиной Роны к Парижу. Когда в ночь на 20 марта он вступал в него, за ним уже стояла целая армия. Все маршалы и генералы, посланные против Наполеона, перешли на его сторону.

Наполеон был хорошо информирован о недовольстве Бурбонами во Франции и о противоречиях внутри коалиции на Венском конгрессе. Для своего выступления он выбрал момент, когда эти противоречия были уже

преодолены. Он явился во Францию, умудренный опытом и понимая, что хотя бы на словах ему следует поддерживать революцию и сделать так, чтобы народ знал его изречение: «Люди бывают полезны своими идеями, но идеи — сильнее самих людей». Однако ему по-прежнему недоставало отваги, чтобы присоединиться к революционному народу.

При вступлении в Тюильри, откуда накануне Людовик XVIII в смятении бежал в Бельгию, Наполеона ждал сюрприз. Он нашел здесь на столе экземпляр оборонительного англо-австро-французского договора от 3 января. Наполеон тотчас отправил его с курьером царю Александру.

Между тем в Вене уже 13 марта Талейран от имени восьми держав провозгласил полную поддержку французскому королю и готовность вновь установить во Франции спокойствие. Наполеон был объявлен возмутителем всеобщего мира.

Оказавшись в Тюильри, Наполеон сначала попытался решить свою проблему дипломатическим путем. Он знал, что только Талейран мог бы этого достичь. В течение апреля 1815 года Наполеон несколько раз посылал к нему своих личных друзей, чтобы те убедили Талейрана (и предложили ему солидное вознаграждение), но все было напрасно. «Вы пришли слишком поздно, — сказал Талейран одному из посредников. — Император ошибся во времени».

В течение своих «ста дней» Наполеон объявил всеобщую амнистию, не распространив ее только на 12 высокопоставленных деятелей, в том числе и на Талейрана. Правда, в конце апреля он предпринял еще одну попытку подкупить Талейрана и Меттерниха. В письме от 22 апреля он поручает Коленкуру тайную миссию: «Уполномачиваю Вас предоставить князю Беневентскому гарантии возвращения имущества, если он будет вести себя, как француз, и окажет мне некоторые услуги. Господин Сен-Леон может также предложить господину Меттерниху от 1 до 10 миллионов, если Австрия отойдет от коалиции и начнет преследовать... свои подлинные интересы...»

Наполеон заявил, что принимает условия Парижского мира от 30 мая 1814 г., но все уже было напрасно. Попытка разбить коалицию тоже не дала результата. Прочитав соглашение, заключенное за его спиной партнерами, разгневанный Александр I позвал к себе Меттерниха и молча подал ему этот продукт его дипломатической деятельности. Царь нисколько не сомневался, что инициатором пакта был именно Меттерних. Для австрийского министра иностранных дел все это оказалось такой неожиданностью, что, пожалуй, впервые в жизни он растерялся и не знал, что сказать. Однако Александр, насладившись несколькими минутами неловкой растерянности своего собеседника, тем не менее заверил его, что противник у них один — Наполеон.

Великобритания подняла всех на борьбу. Военные силы союзников, частично уже демобилизованные, срочно приводились в состояние боевой готовности. Правда, русские к тому времени находились уже далеко на востоке, а австрийская армия — в Северной Италии, но зато Веллингтон и Блюхер могли сразу же вывести на поле боя английскую и прусскую армии в Голландии. Великобритании пришлось снова к великой радости франкфуртских банкирских домов, особенно Ротшильдов, предоставлять союзникам финансовую помощь, а самому Кэстлри — долго доказывать парламенту, почему английская армия должна воевать с Наполеоном и почему это вовсе не будет означать вмешательства во внутренние дела чужого государства. Вместе с Меттернихом он смог развеять сомнения погрустневшего царя Александра, который все время говорил о том, что республика во Франции ему была бы куда милей, чем повторная реставрация этих противных, не способных ничему научиться Бурбонов. Александра все-таки убедили, что ныне необходимо разгромить Наполеона во имя «легитимности» и что только находящаяся под властью потомственной династии Франция сможет стать достойным членом семьи европейских государств. Только после всех этих военных и дипломатических приготовлений 26 мая 1815 г. союзники объявили Наполеону войну.

У Наполеона был разумный замысел разбить союзников поодиночке, прежде чем соберутся вместе их основные силы. Он двинулся против Веллингтона, и 18 июня 1815 г. у деревушки Ватерлоо, неподалеку от Брюсселя, проиграл главную битву своей жизни. Трагическая осечка маршала Груши́, блуждавшего со своим войском вместо того, чтобы в решающую минуту вступить в бой там, где его с нетерпением ожидал император, и, наоборот, появление Блюхера с прусской конницей в тот момент, когда солдаты Веллингтона теряли последние силы под дождем на превратившемся в болото поле боя,

завершили катастрофу Наполеона, поставив крест на его последнем великом бунте. 22 июня он отрекается от императорства во второй раз в пользу своего сына. Однако это уже никого не интересовало.

За несколько дней до битвы у Ватерлоо, 9 июня, на последнем и единственном пленарном заседании Венского конгресса были подписаны его «финальные акты». Идеи «легитимизма» и реставрации одержали верх. Шестая статья актов провозглашала, что державы, подписавшие документ, полны решимости сохранить мир и следить за неизменностью государственных границ.

Как позже писал Ф. Энгельс, после 1815 года во всех странах бразды правления держали в своих руках антиреволюционные правительства. Во всех кабинетах — от Лондона до Неаполя, от Лиссабона и до Петербурга — правили аристократы-феодалы. Для Франции поражение у Ватерлоо означало ухудшение условий мира. Великие державы принудили ее согласиться с временной оккупацией, обязали выплачивать контрибуцию и лишали возможности участвовать в принятии своих решений.

В октябре 1815 года английский фрегат «Нортумберленд» привез Наполеона к скалистому острову, на 300 метров поднимавшемуся над морем, — к острову Святой Елены. Там находился военный гарнизон и проживало несколько семей бывших заключенных. Здесь Наполеон останется жить как государственный узник, здесь он будет терзаться, ссориться, обольщать жен офицеров, размышлять о прошлом, пока не умрет в вынужденном бездействии 5 мая 1821 г.

Печальный эпилог? Справедливость истории? Судьба поворачивается лицом к сильным мира сего, чтобы поддержать их, вознести над обычными смертными, но в тот момент, когда избранник начинает возвышаться и над нею, наносит ему смертельный удар. Можно сказать и иначе: сильная личность лишь тогда выполнит свое предназначение, если ее устремления отвечают прогрессивному течению в организации дел человеческих.

ЭПИЛОГ

Они были разными, эти «мужи Венского конгресса». Их судьбы переплелись в тот момент, когда борьба против Наполеона достигла своего апогея и закладывались основы посленаполеоновской Европы. С экономической и политической точек зрения они представляли две различные группы держав. Вместе с монархами и министрами феодально-аграрных государств в переговорах о будущем Европы участвовали деятели Великобритании и Франции, для которых буржуазные революции были уже позади. Реставрация Бурбонов во Франции не слишком сильно задела позиции буржуазии, особенно укрепившиеся в пору правления Наполеона. Тем не менее общей принятой всеми платформой было противостояние революции. А в остальном у правительств европейских стран было очень мало общего, разве только желание сохранить в Европе традиционные династии и привилегии для избранных. Они хотели видеть Европу, объединенную почитанием Бога и государей, Европу равновесия и стабильности, где страны сотрудничают друг с другом в экономической сфере и действуют межнациональные гарантии безопасности. Только Пруссия не желала отказываться от погони за призраком великой объединенной и по сути своей антифранцузской Германии.

Много раз уже говорилось, что в истории все решают не замыслы, а действия. Все «мужи конгресса», какими бы целями они ни руководствовались, в конце концов возвели бастион реакции и ретроградства в Европе, переживающей национальное и экономическое возрождение. Они пытались задержать подъем молодой буржуазии, подавить национально-освободительные стремления, вырвавшиеся на поверхность прежде всего в националистической Пруссии и в Италии.

Чтобы направить политическое развитие Европы в соответствии со своими представлениями, они создали специальную структуру. По инициативе русского царя 26 сентября 1815 г. было объявлено об образовании Священного союза, а 20 ноября четыре державы — Великобритания, Австрия, Россия и Пруссия — подписали союзнический пакт.

Из двух документов более важным, бесспорно, был «пакт четырех». Он направлялся прежде всего против возможного взрыва революции во Франции, и, обосновывая его необходимость, Кэстлри все еще имел в виду Бонапарта. Поэтому пакт содержал положение, в котором прямо говорилось, что никто из семьи Бонапарта не должен вступить на французский трон. Во Франции оставались оккупационные войска (они пробыли там до 1818 г., когда к пакту присоединилась и Франция).

Четыре великие державы заложили фундамент новой «политики безопасности», основанной на постоянных взаимных контактах. Позже Меттерних присвоил себе авторство проекта постоянной конференции послов и регулярного проведения конгрессов глав государств и их министров иностранных дел. В результате прежняя двусторонняя дипломатия получила новые измерения, став дипломатией конференционной.

Вся эта система, которой история — скорее всего не по праву — дала название «системы Меттерниха» (система «М»), не удержалась на практике и десяти лет. Система «М» не отличалась особой концептуальностью. Она была продиктована прежде всего интересами момента.

А Священный союз? Он представлял собой в основном провозглашение принципов, к которым постепенно присоединилось большинство царствующих в Европе домов (исключение составили папа Римский и турецкий султан), но не был действенным инструментом для осуществления этих принципов. Его целью стало сохранение господства феодалов с помощью совместной акции в случае, если будет предпринята попытка разрушить это господство. Основным принципом было обязательство осуществить совместную интервенцию участников союза там, где «легитимной» династии могла бы угрожать революция. Союз возник как уступка религиозному фанатизму, в который опять впал Александр I. Союз был направлен против всего прогрессивного, любого отклонения от нормы, которую, понятно, определял сам государь. «Пустая, хотя и звонкая бумага», — сказал об этом документе Меттерних, но, наверное, во многом потому, что ее инициатором был царь. Союз возводил клерикальную монархическую реакцию в ранг политики великих держав.

Меттерних рассказывал, что еще до провозглашения союза Александр I, стремясь привлечь на свою сторону, пригласил его в Париже на обед к баронессе Крюденер, религиозной фанатичке, которая в то время жила неподалеку от Елисейского дворца и имела на царя большое влияние. «Нас будет только трое и еще одно существо, но не угадаете, какое», — сказал Александр Меттерниху. В столовой, действительно, их было только трое, но стол был сервирован на четыре персоны. Однако четвертый гость так и не появился, и Меттерних по ходу разговора понял, что им считался «всесущий» Иисус Христос. Александр I объяснил австрийскому министру, что его вдохновляет «святая невидимая троица» и таким же ему представляется альянс между католицизмом, протестантизмом и православием.

Кэстлри позже сам говорил, что, когда царь развивал перед остальными обоснование своего предложения, все «лишь с трудом сохраняли серьезность и доброжелательность». Великобритания не вступила в Священный союз; в ее понимании речь здесь шла о делах континентальных. Участники союза объявили себя защитниками Европы от любой подрывной деятельности — внутренней и внешней.

В Европе, как гласил заголовок секретной части Парижского договора от 30 мая 1814 г., должна восторжествовать «реальная и прочная система равновесия». На самом деле там воцарилась удушливая атмосфера подозрительности и давления.

Когда главные действующие лица этих событий разъезжались (Талейран — на следующий день после подписания актов), каждый думал о других самое плохое. Но историк, безусловно, не ошибется, если скажет, что

хуже всего думали друг о друге царь Александр Романов и князь Клеменс Меттерних. Австрийский министр иностранных дел: «Изменчивый характер русского царя, который готов оскорбиться по малейшему поводу и чью благосклонность невозможно снискать никакими жертвами, представляет собой значительное препятствие, мешавшее нам и другим государствам обеспечить серьезную и устойчивую дружбу с Российской империей».

Александр же по возвращении домой опять заявил, что Меттерних — лжец и предатель, Австрия всегда готова стать союзницей любого недруга России.

Обе страны нуждались друг в друге, но Меттерних никогда не переставал опасаться России, хотя в глубине души и должен был признать, как об этом позже напишет советский историк Е. Тарле, что не он является подлинным владыкой, от которого в конце концов зависит прочность этого здания, построенного на Венском конгрессе, а царь, благосклонно улыбающийся, внешне мягкий, на самом же деле жестокий и упрямый, никому не доверяющий и хорошо осознающий свою силу. Царь очень редко злобно бранился, но особенно опасным бывал именно тогда, когда выглядел чрезвычайно приветливым. Так метко охарактеризовал Александра I советский историк Е. Тарле.

Священный союз обеспечил его участникам 7—8 лет плодотворного сотрудничества, активно выступая против всего, что хотя бы отдаленно напоминало революцию или реформацию, и достиг своей вершины в 1823 году, во время интервенции против революционной Испании. Великобритания, не ставшая членом союза, при Кэстлри его поддерживала. Но когда в 1822 году Кэстлри покончил жизнь самоубийством, вскрыв себе бритвой вены, его преемник Каннинг постарался постепенно свести союз к простой формальности. Это не потребовало от него и особых усилий, ибо конгрессы союза — в Аахене в 1818 году, Троппау и Лайбахе в 1820 и 1821 и в Вероне в 1822 году — хотя и подтвердили все прежние цели и необходимость организовывать вооруженное вмешательство там, где возникает угроза революции, но одновременно продемонстрировали и глубину взаимного недоверия участников.

Стремление послеНаполеоновской реакции восстановить в Европе старые порядки означало попытки воспрепятствовать прогрессу вообще. Последствия промышленной революции ослабили положение старого

дворянства, зато позиции буржуазии укрепились. Грубое вмешательство Наполеона в дела европейских государств повсюду вызвало ответную волну национализма, нашедшего питательную почву прежде всего в недовольной Германии. Оттуда национализм распространился и на земли австрийской монархии. С немецким национализмом было связано и возникновение романтического течения, которое вместо объективного космополитизма Просвещения выдвигало на передний план индивидуальные и национально-субъективные чувства. Ничто не могло лучше сыграть на руку предприимчивой буржуазии.

Меттерних, опьяненный успехом борьбы против Наполеона и своей все увеличивающейся личной властью, становился все более и более непримиримым консерватором. Свое влияние он прежде всего использовал в Пруссии, особенно для преследования либеральной печати и устранения свободомыслия, а затем ту же практику перенес и в земли Австрийской монархии. Здесь полиция получила приказ делать все, чтобы в пределах монархии не возникали «заговоры сектантов, либералов и революционеров». От нее требовалось разоблачать и пресекать любую попытку «занести яд недовольства и новшеств в императорско-королевские земли», «злых или подозрительных индивидуумов... держать на крепкой узде и надежно обезвреживать». Меттерних стремился законсервировать все то из старых порядков, что способствовало сохранению исключительного положения феодальной знати и укреплению монархии, но, с другой стороны, положительно относился к промышленной революции и ее последствиям, требовал повысить образованность населения и весьма быстро понял значение строительства железных дорог для развития экономики. Тем не менее он не помешал реакционному духу овладеть венским двором.

Церковь праздновала свой триумф. В 1814 году папская курия восстановила орден иезуитов, ликвидированный в 1773 году, когда Просвещение достигало своих вершин. Тем самым словно бы высказывалось предостережение, что приходит конец всяким уступкам просветителям и политика, внутренняя и внешняя, снова возвращается в контрреформаторское русло.

Меттерних поднимался по лестнице власти. В 1821 году он стал австрийским государственным

канцлером. Однако вся его политика привела в 30-е годы к ухудшению положения Австрии и в экономическом, и в политическом, и в международном отношении. В бурные дни 1848 года огромную ненависть вызывала именно его персона, и ему пришлось подать в отставку, а затем в карете тайно бежать в Англию. После трех лет, проведенных в эмиграции, он снова вернулся в свою виллу на Реннвег в Вене и к своим садам в Кинжварте.

После смерти Элеоноры он еще дважды женится, в последний раз на юной Мелании Зих, дочери своей приятельницы. Было у него еще несколько любовниц, из которых наиболее глубокий после Заганьской след в его столь любвеобильном сердце оставила княгиня Доротея Ливен, жена русского посла в Лондоне и сестра российского генерала, позже шефа жандармерии Бенкендорфа. Потом она оставила Меттерниха, увлекшись политикой нового английского министра иностранных дел Каннинга.

Меттерних был необычайно усердным сочинителем и в течение всей своей жизни рисовал на бумаге свой образ для будущего. Эта скорее женская черта — требовать от людей, чтобы они воспринимали вас таким, каким вы себя изображаете, — глубоко таилась в его характере. С годами он становился все более заносчивым и все менее скромным. Он долго, слишком долго находился у власти, но всегда и при любой возможности любил возвращаться к вершине своей деятельности, которой считал борьбу с Наполеоном. И, как всегда, преувеличивал долю своего участия в победе над ним. Однако никому не отнять у него того, что он совершил.

Есть политики, видящие свою заслугу в том, что умели служить сильнейшему; они поддерживали его, но и вместе с ним сходили со сцены. Есть и другие, те, кто вовремя понимал, когда следует действовать самостоятельно. Но обманчиво словечко «вовремя», ибо, когда именно наступает оное «вовремя», история говорит лишь потом. В политике, о которой мы вели речь в книге, запаздывание не прощалось. Меттерних, похоже, обладал талантом почувствовать нужный момент, а также и достаточной дерзостью, чтобы политические повороты выдавать за тактику, а предательство — за стратегию. Эти свои способности он сполна продемонстрировал именно в 1813—1815 годах.

В падении Наполеона главную роль скорее всего играли русское и английское военное (во всяком случае — численное) превосходство, английские деньги, собственные ошибки французского императора и лишь потом дипломатия Меттерниха. Его внешняя политика больше способствовала возвращению Австрии в число европейских великих держав, чем поражению Наполеона. Однако одновременно она показала и пример того, как великодержавная политика способна экономически и морально разорить государство, не имеющее средств для ее проведения. Так что Меттерних мог, конечно, ощущать себя победителем Наполеона, но навязанная им Австрии политика не принесла большой выгоды этой стране в последующие годы.

Сам Меттерних и мысли о чем-нибудь подобном не допускал. Он старел, пребывая в состоянии самовосхищения до конца своих дней. Он не слышал проклятий миллионов, считавших его ответственным за свою нищету и страдания. Он сочинял мемуары и упивался воспоминаниями о времени, когда председательствовал в Европе, когда сильнейшие из сильных мира сего добивались его благосклонности, когда континент находился в движении и он мог словом, решением, интригой изменить направление этого движения, а в благоприятном случае и временно втиснуть его в прокрустово ложе своих концепций и политических схем.

Меттерних умер 11 июля 1859 г. 86 лет от роду, умер не от болезни — от старческого истощения сил. Он служил нескольким императорам, пережил трех жен, раньше него ушли в мир иной и три его великие любви — княгиня Багратион, всегда элегантная и сказочно прекрасная герцогиня Заганьская и умная, но холодная, как лед, восхитительная княгиня Ливен.

Что оставалось политику, который вместо того, чтобы стать покорным слугой развития и прогресса, долгие годы только и делал, что стремился навязать окружению свое представление о застывшем аристократическом свете? Все в итоге сложилось иначе. То, чему Меттерних противился, все равно победило, хотя скольким людям он отравил жизнь! То, что отстаивал, развеялось в прах, ибо и политические догмы подвержены быстрой коррозии и переменам, как времена года.

Печально видеть политика, который этого не понимает. Еще печальнее думать о тех людях, которым приходилось жить и работать при такой его политике.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Основным материалом для написания большей части работ, посвященных Меттерниху, послужило неполное собрание документов в восьми томах Aus Metternichs Nachgelassenen Papieren, опубликованное в Вене в 1880—1884 годах. Первый том содержит автобиографические записи Меттерниха, а также портретные характеристики Наполеона и царя Александра I, в остальных собраны дипломатические документы, частные письма и заметки. Это собрание вышло в свет и в Париже в 1881 году на французском языке — Mémoires, documents et écrits divers. Погрузиться в атмосферу того времени и познакомиться с фактографией 1813—1815 годов очень помогает переписка Меттерниха с Заганьской, опубликованная в Граце и Кёльне в 1966 году М. Ульрих Clemens Metternich — Wilhelmine von Sagan, Ein Briefwechsel 1813 bis 1815. Работа представляет собой собрание писем в оригинале, то есть все они предложены читателю без перевода — на французском. Исключение представляют лишь несколько писем, написанных их авторами по-немецки.

Литература о дипломатической деятельности Меттерниха не столь богата, как того можно было бы ожидать. Примечательно, что из чешских авторов лишь Л. Фукс в книге «Замок Кинжварт — история и современность» (Карловы Вары, 1958) попытался в последние десятилетия дать, правда косвенную, оценку Меттерниху в рамках описания кинжвартского замка. Ряд данных и свидетельств о Клеменсе Меттернихе — дипломате, особенно в период 1812—1813 годов, можно найти в чешских архивах, в работе Й. Полишенского «Наполеон и сердце Европы» (Прага, 1971).

Из зарубежных трудов основными фактографическими пособиями являются книги В. Онкена (Österreich u. Preussen im Befreiungskriege, 2T., Berlin, 1880; Das Zeitalter der Revolution, der Kaiserreiche u. der Befreiungskriege. — 2T. — Berlin, 1886).

На основе дневников княгини Мелании и опубликованных документов Г. фон Srbik написал двухтомный труд «Меттерних — государственный деятель и человек» (Metternich, der Statsmann und der Mensch. — München, 1925). В нем образ австрийского министра иностранных дел, позже — канцлера отвечает представлениям, которые этот человек сам хотел внушить своему окружению; здесь он изображен философом на троне. Из более старых по времени создания работ интересно эссе о трех политиках, опубликованное М. Палеологом в Париже в 1928 году — Талейран, Меттерних, Шатобриан. Новейшие труды: Г. Бертье де Совиньи. «Меттерних и его время» (Париж, 1959), М. Миссофф. «Меттерних 1773—1859» (Париж, 1959) и А. Пальмер. «Меттерних» (Лондон, 1972). Современное представление об австрийском государственном деятеле, хотя и слишком приспособленное к собственным внешнеполитическим взглядам, дает Г. А. Киссинджер в работе «Реконструированный мир. Кэстлри, Меттерних и мирная реставрация 1812—1822» (A World Restored. Castlereagh, Metternich and the Restoration of Peace, 1812—1822). На чешском языке вышло исследование советского историка А. З. Манфреда «Наполеон Бонапарт» (Прага, 1975). Это добротно написанная биография, в которой кроме многочисленной литературы использованы и новые архивные материалы из хранилищ Министерства иностранных дел СССР, в том числе сообщения царских дипломатов из разных европейских городов. О дипломатических переговорах тех лет можно получить представление из четырехтомной работы Г. Лакура-Гейе «Талейран. 1754—1838» (приложение к ней озаглавлено «Смесь») (Париж, 1934), а также из книг Е. В. Тарле, в первую очередь из его работы «Талейран» (Прага, 1950). Как всегда вдохно-

венно, хотя и с неточностями в деталях исполнена книга С. Цвейга «Жозеф Фуше» (Прага, 1973). Богата фактами, освещающими любовные авантюры Меттерниха, двухтомная работа Е. С. Корти «Меттерних и женщины» (Metternich und die Frauen. — Wien, 1949). Из книги того же автора (Der Aufstieg des Hauses Rothschild 1770—1830. — Leipzig, 1927) были взяты некоторые сведения о финансовых и экономических проблемах времен Меттерниха. Полемические, антиметтерниховские работы опубликовал В. Библ (Metternich in Neuer Beleuchtung. — Wien, 1928; Metternich, der Dämon Österreichs. — Leipzig, 1936). О венском конгрессе говорится и в книге Ч. Вебстера (The Congress Vienna. — London, 1934), первоначально подготовленный по заказу британского министерства иностранных дел перед Версальской конференцией. Это тщательное исследование о политике Кэстлри интересно тем, что здесь история должна была послужить поучением для современной политической деятельности, хотя успех такого труда оказался проблематичным. Автор считал ошибкой то, что на Венском конгрессе Франции была предоставлена возможность участвовать в переговорах. Этот вывод, использованный в Версале по отношению к Германии, затем оказался неверным. Работу о деятельности австрийской тайной полиции во время Венского конгресса с использованием ряда документов написал А. Фурнье (Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongress. — Wien, 1913). На недостаток исходного материала в большей части работ о Меттернихе обращают внимание Й. Полишенский и К. Оберман в исследовании (Diplomatie u. Aussenpolitik im Jahre 1813, unter besonderer Berücksichtigung der Rolle Metternich), опубликованном в сборнике немецкого исторического общества (Das Jahr 1813. — Berlin, 1963). Критическую реплику в этом плане мы найдем и у Й. Полишенского в его книге «Революция и контрреволюция в Австрии 1848 года»; автор обращает внимание на то, что в 1966—1969 годах в Государственном центральном архиве в Праге были открыты для научной общественности так называемые Acta Clementina, составляющие значительную часть письменного наследия Меттерниха.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Обращение к читателям русского перевода 12

1. Феномен Наполеона 16
2. Кем был, откуда пришел и куда путь держал Клеменс Меттерних 29
3. Первая должность. На службе у венского двора 49
4. Падение Австрии приносит повышение Меттерниху 57
5. Ошибки в дипломатии стоят дорого 72
6. «Проданная невеста» императора — политический козырь Меттерниха 109
7. Австро-французский договор — иного выбора нет 133
8. Осторожный полуоборот Меттерниха 155
9. Когда в политику вмешивается любовь 180
10. Союзники на Рейне и в Париже 204
11. Венский конгресс 229

Эпилог 255

Использованная литература 262